

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР

ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Материалы научного семинара

Выпуск 14

Москва-2025

УДК 930.2
ББК 63.2
ISBN

Состав редакционной коллегии:

Ответственный редактор — Г. Р. Наумова

Редактор-составитель — Р. Ю. Червяков

Члены редакционной коллегии: Т. В. Агейчева, К. В. Белый, Л. Е. Болотин, Е. В. Бунина, Д. М. Володихин, О. Г. Вострикова, Н. И. Демирова, С. А. Ернишина, Н. Ш. Катамадзе, А. В. Кузьмина, М. Ю. Лачаева, А. А. Мурашев, А. В. Никонов, С. Б. Павлов, Е. Л. Рябова, О. А. Сиротина, И. П. Смирнов, О. А. Смирнова, Н. В. Шаповалова, О. Д. Шемякина

Традиции исторической мысли. Выпуск 14. Материалы научного семинара при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. // Отв. ред. Г. Р. Наумова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2025. 258 с.

Сборник статей продолжает публикацию материалов научного семинара, действующего при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с 1994 г. Выпуск является четырнадцатым по счёту в серии публикаций статей участников научно-методологического семинара. Тематика сборника отражает круг проблем, обсуждавшихся на семинаре в 2023–2024 гг.

На обложке: старое здание МГУ имени М. В. Ломоносова по улице Большая Дмитровка, дом 5 (бывшая ул. Герцена). Фото участника семинара С. Б. Павлова.

ISBN

-

© Коллектив авторов, 2025.

© Международный издательский центр «Этносоциум», 2025.

Содержание

Г. Р. Наумова, Р. Ю. Червяков. 1934 – 2024	5
---	---

I. ИСТОРИОГРАФИЯ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Н. Ш. Катамадзе. И. Д. Ковальченко — фактический создатель единого курса историографии истории России	7
Р. Ю. Червяков. «Надо сначала воспринять всё...» О методе И. Д. Ковальченко	38
Л. Е. Болотин. Творчество А. Н. Боханова в свете научных традиций Исторического факультета МГУ	48
М. Ю. Лачаева. Субъективный фактор. К 100-летию со дня рождения Ивана Дмитриевича Ковальченко (1923–1995)	60
И. П. Смирнов. Д. Н. Овсянко-Куликовский как русский мыслитель	74
Е.А. Никитина. Научный метод В. А. Плугина	112
А. В. Никонов. Проявление научной школы. К выходу книги А. А. Мурашева «Простая русская семья»	122
С. А. Ермишина. И снова об изучении традиции русской мысли	128

II. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ — ДЕЛО МОЛОДЫХ

А. А. Миленко. Заглянув в архив В. И. Бовыкина ...	137
К. В. Белый. Новые штрихи к становлению фабрично-заводской периодической печати в 1920-х гг.: создание газеты «Вагранка»	144
Н. А. Гуменяк. Российские инженеры-металлурги в пространстве «Горного журнала» (1870–1940-е гг.)	153
Ю. А. Зубихина, А. В. Кузьмина. «Архив истории труда в России»	160

III. НАШ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Е. В. Бунина. Размышления о книге А. Е. Черновой «Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции»	168
От редактора. Наши военные юбилеи	180
А. С. Зинченко. Денис Давыдов: с нами и здесь! ...	182

IV. УНИВЕРСИТЕТСКОЕ СОБЫТИЕ

К. В. Белый. Глазами историка и священника	188
Р. Ю. Червяков. Дань благодарности научным школам	191
Н. Ш. Катамадзе, Г. Р. Наумова. 25 лет кафедре истории Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе	193
Г. Р. Наумова. Лицом к лицу... Биографии и автобиографии	205
Н. В. Шаповалова. Библиография трудов Г. Р. Наумовой	231

Сведения об авторах	253
Выпуски материалов семинара «Традиции исторической мысли» (1994–2022)	255

1934 – 2024

Историки всей страны знают, что значит для нашей науки год 1934-й. Девяносто лет назад взамен прежних историко-филологических факультетов в ведущих вузах страны появились изрядно обновлённые исторические факультеты. Девяносто лет, строго говоря, и современному историческому факультету МГУ имени М. В. Ломоносова. А вообще-то возможны варианты. Наш факультет вправе выбрать и иные точки отсчёта начала своей истории. Опережая грядущий опыт изучения истории истфаков страны, попробуем наметить внутренние этапы пройденного девяностолетнего пути. Девять их десятилетий в первом приближении распадается на три этапа.

Старт дал 1934 г. Очевидно, этот рубеж не относится к формированию преподавательского состава, очень разнообразного и внутренне неоднородного, часть которого восходила к старой исторической школе дореволюционной формации, а другая часть — к революционной интеллигенции. В отличие от своих разноплеменных учителей, студенты в массе своей принадлежали к молодой послереволюционной генерации. Предвоенное студенчество после войны образовало корпус аспирантов и молодых преподавателей. Эта предвоенная когорта истфаковцев ещё не изучена в полноте её воздействия и на истфак, и на историческую науку в целом. Первые десять лет истфака прошли в створе её приоритетов. Затем студенчество было усилено фронтовиками, пришедшими на истфак в основном в 1944–1954 гг. и ставшими ведущими преподавателями и профессорами спустя десятилетие. Это время боёв истории с социологией, предсказанное В. О. Ключевским и засвидетельствованное М. Н. Тихомировым.

Год 1964-й знаменует лавинообразный приток молодёжи послевоенного поколения. Фаза профессионального роста этого поколения синхронизирована и с высшим взлётом советских научных школ, в том числе в области социальной и экономической истории. Это тридцатилетие расцвета истфаков, но уже в нём прослеживаются тревожные предзнаменования грядущих перемен, контуры будущих водоразделов историографического пространства. Концептуальные научные дискуссии вытесняются диалогами и монологами мировоззренческого свойства.

Традиции исторической мысли

1994 г. — новая фаза, начало третьего тридцатилетия. Уходят учителя, затухают споры между «старыми» и «новыми» направлениями. Жизнь оказывается сильнее и жёстче. Политология, культурология, социология теснят историю. Неуправляемое влияние зарубежной социологии нарастает. Послевоенное поколение, долго сдерживавшееся отцами и учителями, вырывается на оперативный простор, пробует создать свои школы, обнажая свои свойства, о которых ранее мы только догадывались.

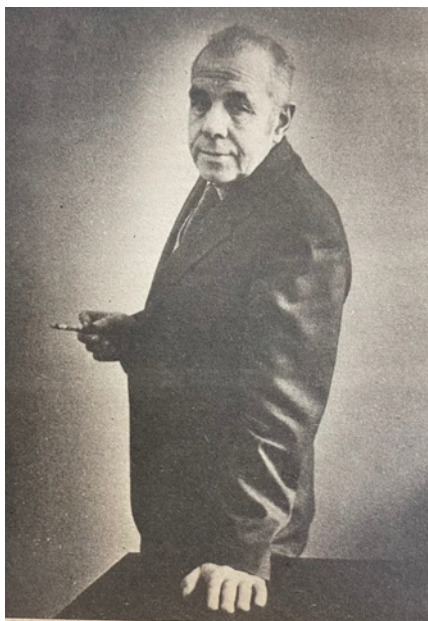
Семинар, материалы которого мы публикуем в этом, четырнадцатом, выпуске в целом принадлежит третьему этапу истории советских истфаков. Опубликованные за тридцать лет материалы обретаются в створе традиций исторической мысли, заданном в своё время И. Д. Ковальченко и его ученицей А. Е. Шикло, и нацеливают нас на осмысление наступающего четвёртого рубежа. Этот 14-й по счёту выпуск материалов семинара не сразу обрёл найденную структуру. Авторское содержание докладов подгоняется временем и обстоятельствами. Вперёд вышла **историография**, оттеснив **источниковедение**. Семинар давно сосредоточился на **историко-филологическом** восприятии исторической мысли. И напоследок мы даём наш маленький отчёт о наших **университетских событиях** к 270-летию Университета.

Москва – Тверь – Севастополь

І. ИСТОРИОГРАФИЯ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Н. Ш. Катамадзе

**И. Д. Ковальченко — фактический создатель единого курса
историографии истории России**

В конце 1980-х гг. академик И. Д. Ковальченко, размышляя о путях развития отечественной науки, указывал на задачу научного поиска и одновременно критерий оценки его результатов — приращение знаний, адекватно отражающих историческую реальность. В отличие от многих коллег он был уверен, что ни огульная критика марксистской методологии, ни постановка самых актуальных проблем, ни расширение доступа к вождельным архивным материалам не принесут положительного результата, если познание объективной реальности не будет сопровождаться повышением теоретико-методологическо-

го и конкретно-научного уровня гуманитарных исследований.

Иван Дмитриевич указывал и на очередность шагов к достижению желаемого: «научно значимым, фундаментальным является такое углубление знаний, которое означает переход к познанию сущности более высокого порядка. Значит, для движения вперед, во-первых, надо знать, какой уровень сущности уже достигнут в познании. Это задача истори-

ографического анализа (здесь и далее выделено мной. — *прим. Н. К.*). Во-вторых, необходимо представлять, каков конкретный путь восхождения к сущностям более высокого порядка. **Это требует поиска новых подходов в изучении соответствующей исторической реальности**¹.

Прошло более тридцати лет и мы только вступаем на путь, указанный нашими историками.

Изучая современные работы в области советской историографии периода 1950–1980-х гг., легко обнаружить те полярные позиции, которые заняли историки в оценке достижений, итогов развития советской исторической науки. Очевидно, что часть коллег осознанно уходит от рассмотрения научной концепции, мировоззренческих и философских взглядов советских историков. В этом случае исследовательское внимание сосредоточено на интеллектуальном, поведенческом и психологическом направлениях. Разработка популярной в свое время, но ныне уже издерганной проблемы «власть и историк», не принесла ожидаемых результатов — общего понимания содержания и путей развития советской историографии не наступило. Вместе с тем критерии историографического оценивания были обозначены. Признав тот факт, что те или иные «оппозиционные» направления не получили полноценной реализации, историографы перенесли выявленное ими теоретическое и методологическое «бесплодие» на всю советскую историческую науку, обнаружили стагнацию и застой в историко-научном сообществе, считая, что именно это, в конце концов, спровоцировало кризис советской исторической науки².

Между тем очевидно, что системное изучение советской историографии предполагает обязательный учет различного исследовательского опыта. Нельзя не признавать существования и тех исследований, которые были нацелены на научный результат и добивались его. Источниковедческие, методологические и теоретические разработки этих учёных дают основания определять рассматриваемый период как время расцвета советской историографии³. Но, чтобы обнаружить эти

1 Ковальченко И. Д. «Исследование истины само должно быть истинно»: Заметки о поисках исторической правды // Коммунист. 1989. № 2. С. 86–96.

2 См.: Бычков С. П., Корзун В. П. Введения в историографию отечественной истории XX в. Омск, 2001. С. 237; Историография истории России / под ред. А. А. Чернобаева. М., 2014. С. 428–429.

3 См. подр.: Катамадзе Н. Ш. Советская историография отечественной аграрной истории (1950-е — начало 1990-х годов): направления, течения, школы: автореферат дис. ... к.и.н. М., 2017.

I. Историография не для всех

знания, историограф, помимо биографического метода, несмотря на всю его привлекательность, должен владеть навыком историографического анализа.

Размышляя над природой обнаруженной полярности, мы вспомнили замечания академика И. Д. Ковальченко, высказанные им в 1990 г. на заседании Научного совета по историографии и источниковедению. К тому времени Иван Дмитриевич был председателем Совета и координировал работу круглого стола «Историческая наука в 20–30-е годы». После приветственного слова началось заслушивание докладов. Первой выступала Г. Д. Алексеева, вторым — Ю. А. Мошков. Иван Дмитриевич не выдерживает критичного запала докладчиков и вмешивается в работу заседания, стремясь обозначить иной вектор обсуждения, обратить внимание коллег на положительное начало русской историографии: «Товарищи, разрешите отвлечь ваше внимание на две минуты и высказать некоторые соображения по поводу хода нашей дискуссии. В центре внимания всех выступающих была проблема — историческая наука и политика, историческая наука и роль государства и партии в развитии исторической науки. И выступавшие очень хорошо показали процесс постепенного подчинения исторической науки чисто политическим задачам.

Но мне думается, что нашу дискуссию надо несколько расширить. Ведь прилагались, как здесь было отмечено, немалые усилия, для того чтобы историческую науку прибрать к рукам. **Так что же собой представляла эта наука? Что хотели подчинить?** (здесь и далее выделено мной. — прим. Н. К.)

И второй вопрос. Видимо, в первой половине 30-х годов наступил период, когда историческую науку удалось “зажать”, взять в свои руки и подчинить ее политическим интересам. Но ведь возникает вопрос: **а что-нибудь осталось самостоятельного в исторической науке? Неужели подчинили всех и всё или все-таки в чем-то историческая наука сумела сохранить свои позиции?»**⁴. Иван Дмитриевич уже почувствовал грядущий нигилизм научного сообщества.

Естественным продолжением полярности историографических взглядов историков можно полагать и различие в оценках факторов развития советской исторической науки. Кто-то видит, что ее расцвет был предопределен опытом и переживаниями Великой Отечественной войны, кто-то полагает, что кризис был вызван нереализованными потенциальными «оттепели».

В поисках ответов мы вновь обращаемся к опыту наших учителей.

4 Историческая наука в 20–30-е годы. Круглый стол Научного совета по историографии и источниковедению // История и историки. М., 1990. С. 65.

«Историком меня сделала война», — признавался Иван Дмитриевич. Эта фраза часто встречается в работах, посвященных памяти учёного. Оценивая влияние этого биографического факта, коллеги указывают на такие личные и профессиональные качества Ивана Дмитриевича как энергичность, ответственность, научная добросовестность и т.д. Но порой можно услышать и более глубокое осмысление этой формулы: война, участие в ней породили в историке способность различать мир как объективную реальность и представления об этой реальности.

Участник войны с 1941 по 1945 гг., он был свидетелем того, как идеи вооружают людей, оправдывают любые самые жестокие и бесчеловечные методы противостояния. Война на практике наглядно показала искусственность советских космополитических построений 1920 — начала 1930-х гг. Будущий историк понимал эту войну именно как столкновение различного мировосприятия, по сути, столкновение миров, агрессивное стремление одного мира уничтожить другой. С этим пониманием он пришел на исторический факультет Московского университета. Сам Иван Дмитриевич признавался, что он выбрал историю, чтобы изучить и понять природу национал-фашизма.

Между тем размышления на эту тему сегодня заставляют задуматься над многими вопросами, в том числе и таким, как нам, современным молодым историкам, понимать и анализировать фактор Великой Отечественной войны в формировании исторических представлений советских учёных. По-видимому, надо учитывать, что опыт участия в войне был у всех, но он не был одинаковым. Это пять, а то и семь лет фронтовой службы, штабная служба, бессрочная командировка в тыл после первой битвы и первого ранения. Да, война никого не обошла стороной, но вторгалась в жизнь по-разному: кто-то оказался в блокадном Ленинграде, кто-то пребывал в эвакуации в восточных регионах страны, люди трудились на заводах и фабриках, сберегали культурное наследие, проходили обучение в военных учебных заведениях, несли партийную службу, участвовали в вокально-инструментальных ансамблях и давали концерты фронтовикам, кто-то находился и трудился в лагерях и др.

Разброс вариантов участия в войне естественен и обоснован. Однако не учитывать влияние конкретного опыта в Великой Отечественной войне на формирование мировоззрения у военного и даже послевоенного поколения историков, по-видимому, нельзя. Сегодня можно встретить признания коллег о том, что историками их сделал военный опыт родителей. Речь идёт о поколении детей-победителей. Далеко не все указывают на это влияние, ведь его, по определенным причинам, могло и не

I. Историография не для всех

быть, но всё же те историки, чьё становление происходило под влиянием военного опыта родителей, признают это и пытаются осмыслить⁵.

Обозначенная проблема представляется актуальной, но не столь однозначной, как это может показаться на первый взгляд. При анализе современной историографии многие исследователи нередко рассматривают влияние войны в усечённом виде, порой вовсе игнорируют эту проблему, сбивая фокус внимания на XX съезд и последовавшую за ним политику «борьбы с культом личности». По их мнению, именно этот фактор определил характер и направление развития советской исторической науки во второй половине столетия.

Если же опыт участия в войне и принимался во внимание, то в связи с рассуждениями о либерализации науки. Сторонники этой точки зрения полагают, что красноармейцы, пребывая в Европе, не могли не сравнивать условия жизни Советской России и Западной Европы. Это якобы провоцировало критическое восприятие реалий советской жизни и подстегивало общественное настроение к коренным переменам в собственном государстве по линии демократизации и либерализации строя. Между прочим, подобные сконструированные установки широко распространены в системе среднего и высшего образования.

В этой связи укажем на следующее обстоятельство. В 1945 г. полк Ивана Дмитриевича располагался в Венгрии. Интересно, что среди немногочисленных и отрывочных дневниковых записей И. Д. Ковальченко первая запись, сделанная 1 сентября 1945 г. в Будапеште, содержит следующие впечатления об освобожденной красноармейцами Европе: «Судьба забросила меня далеко от родных мест. Я видел Европу, видел жизнь людей здесь, но от этого хочется только быстрее вернуться назад. Вот уже 8 месяцев я за границей. Но я не видел ничего такого, чтобы мне показалось удивительным. Есть чему удивляться, но только это разврат, моральная распущенность людей»⁶. Конечно, в этой оценке сказалась усталость от войны, но автор этих записей — гвардии старший сержант Красной Армии, и мы не имеем морального права игнорировать эту оценку. К этому времени Иван Дмитриевич был награжден медалями «За боевые заслуги» (17.02.1945), «За отвагу» (15.05.1945), «За взятие Вены» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945) и орденом Красной Звезды (22.08.1945).

5 *Наумова Г. Р.* Наше военное родословие // Мы помним... 1941. Часть 2. Книга воспоминаний и размышлений. / Под общ. ред. Ю. М. Осипова и Л. И. Ростовцевой. Тула, 2012. С. 90–93.

6 *Ковальченко И. Д.* Научные труды, письма, воспоминания: из личного архива академика: Сборник материалов. М., 2004. С. 402.

Историками и историографами уже даны оценки влияния войны на формирование национального самосознания. Речь идёт о возвращении в общество понятий «национальная гордость», «национальное достоинство». Война утвердила патриотический взгляд на развитие отечественной государственности. Фронтовики, пришедшие в науку, ощутили потребность в накоплении положительного знания об отечественной истории, в том числе об опыте хозяйственного развития, тысячелетнего государственного строительства, к которому они и их предки имели самое непосредственное отношение. И эти историки стали определять научные тренды. В 1961 году Иван Дмитриевич вспоминал: «Очень интересным был наш курс. Небольшой, всего 125 человек... Свыше 70 человек — участники войны»⁷. Вскоре многие историки-фронтовики — М. Е. Найдёнов, И. Д. Ковальченко, И. А. Федосов, А. М. Сахаров, М. Т. Белявский, К. Г. Левыкин и другие — войдут в профессорско-преподавательский состав исторического факультета МГУ.

Однако и те историки и историографы, которые переносят фокус внимания с фактора войны на значение XX съезда, тоже по-своему правы. Дело в том, что вскоре после войны в научном сообществе наметилось разделение, определяемое различиями мировоззрения, в том числе в восприятии России в её прошлом и настоящем. XX съезд только обнажил и закрепил сложившееся ранее размежевание научного и исторического сообщества: «Практически все решения этого съезда были востребованы обществом и наукой. Личные и социальные связи, интеллектуальные пристрастия, опыт послереволюционной фракционной борьбы внутри партии и опыт личного участия в Великой Отечественной войне — всё это и многое другое сплелось и обнаружилось в научных спорах и социальных действиях»⁸.

Воспоминания историков содержат в себе оценку событий, связанных с «историческими решениями» XX съезда КПСС. Очевидцы этих процессов признавали, что перемены в исторической науке, обусловленные решениями XX съезда, проходили в сложной и конфликтной атмосфере. Они указывали на факт размежевания внутри научного сообщества. Наиболее отчетливо и быстро оно прошло по линии «сталинист» и «троцкист».

В любом случае, и опыт войны, и переживания «оттепели» вызвали интерес общественности к истории исторической науки. В основе это-

7 Ковальченко И. Д. Научные труды, письма, воспоминания: из личного архива академика: Сборник материалов. М., 2004. С. 408.

8 Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М., 2008. С. 359.

I. Историография не для всех

го интереса могли лежать индивидуальные и групповые переживания, выполнение политического или социального заказа. По сути, высшее руководство партии призвало к пересмотру общей концепции социалистической революции и опыта социалистического строительства. На этот призыв откликнулись представители историко-партийной и академической науки, широкие круги творческой интеллигенции. Но направления поиска в русле историографии были различны: это и усвоение и дальнейшее развитие традиций отечественной исторической науки, обнаружение искажений в системе исторических знаний, экзегетика и «новое прочтение» учений В. И. Ленина и его соратников.

Как бы то ни было, именно с середины 1950-х гг. наблюдается активизация теоретико-методологических разработок историографии, хотя сам процесс начался значительно раньше. Результатом этих разработок можно считать оформление историографии как научной специальности и учебной дисциплины. Постепенно принимаются учебные программы, в программы исторических факультетов вводятся лекции и практические занятия по историографии в качестве обязательных дисциплин, историография утверждается в номенклатуре специальностей научных работников. Издаются учебные пособия, проводятся масштабные исследования, систематически созываются межвузовские и всесоюзные научные конференции по проблемам историографии. Наконец, выявляются различные направления в разработке историографического метода, разворачиваются принципиальные дискуссии.

В связи с этим неудивительно, что внимание современных историографов обращено к изучению этого опыта. Исследовательский интерес направлен на изучение советской исторической науки через призму институционального и так называемого неинституционального подходов. При этом прослеживается любопытная тенденция. Авторы исследований стремятся забрендировать разработку историографии как научной и учебной дисциплины за определёнными центрами и именами.

Приведём в качестве иллюстрации мысль историка, автора обстоятельной вступительной статьи к переизданной в 2008 г. «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейна: «К сожалению, вынужденное “понимание” Н. Л. Рубинштейном “серьёзности ошибок” привело его к отказу от продолжения изучения историографической проблематики. Попытки идти “в ногу со временем” противоречили его научным принципам, и он решил не ломать себя, а перестать заниматься историографией. Он не успел создать свою историографическую школу, и это, без преувеличения, отбросило развитие советской историче-

ской науки на несколько десятилетий назад. Только в 90-е гг. интерес к историографии возрос, и стали появляться работы, написанные на высоком методологическом уровне, соответствующем “Русской историографии”⁹. Конечно, можно не соглашаться с критикой историографической концепции Н. Л. Рубинштейна, но отказывать науке в дальнейшем развитии всё же представляется излишним проявлением особых чувств историка к историку.

За последние годы защищена не одна диссертация по деятельности Научного совета по проблеме «История исторической науки», функционировавшего на базе Института истории АН СССР. Внимание исследователей сосредоточено на деятельности академика М. В. Нечкиной. В работах можно встретить интересные установки: «Мы уже отмечали, что у истоков развития отечественной историографии стояла Милица Васильевна Нечкина. Возглавляя историографическую работу в стране, она определила её взлёт и рост»¹⁰. В другой работе мы встречаем иной любопытный прием. Автор, определив объектом своего исследования «советскую историческую науку», а предметом — «оформление историографии как научной дисциплины в СССР в институциональном, предметном, коммуникативном и коммеморативном аспектах»¹¹, всё содержание диссертационной работы выстраивает исключительно на освещении деятельности Научного совета по проблеме «История исторической науки», возглавляемой М. В. Нечкиной.

Действительно, научный совет играл важную роль в развитии историографии, но всё же надо признать, что этот центр представлял собой исключительно исследовательское направление. И его достижения сосредотачиваются именно в этой плоскости. Конечно, надо учитывать и опыт историографических сред, сборника «История и историки», участие в научной «реабилитации» М. Н. Покровского.

Признавая усилия и заслуги отдельных имён и центров, мы всё же должны признать очевидную особенность. Исторически так сложилось, что накопление исторических знаний в России и развитие науки происходило и происходит по нескольким векторам. И опыт преподавания в

9 Мандрик М. В. К вопросу о последствиях борьбы с космополитизмом в советской историографии конца 1940-х — начала 1950-х гг. // Український історичний збірник. 2009. № 12. С. 230–231.

10 Яркова К. П. Научный совет «История исторической науки» отделения истории Академии наук СССР (1958–1985 гг.): возникновение, деятельность, итоги: автореферат дис. ... к.и.н. Нижний Новгород, 2009. С. 9.

11 Груздинская В. С. Дисциплинарная история историографии в СССР (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.) : автореферат дис. ... к.и.н. Омск, 2020.

I. Историография не для всех

высшей школе оказывал решающее влияние на развитие историографического направления. На эту связь указывали и сами историки в предисловии к своим обобщающим историографическим работам.

Книга М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (СПб., 1901) выросла из курса лекций, которые он читал в Петербургской Духовной Академии. В основу книги П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» (М., 1898) легли лекции, которые он читал в Московском университете. На рубеже XIX–XX вв. университетские курсы по историографии в ведущих вузах страны читали историки, оказывавшие значительное влияние и определившие долгосрочные направления развития исторической науки. В Московском университете — В. О. Ключевский, позже недолго — П. Н. Милюков, в Киевском университете — В. С. Иконников, в Харьковском — Д. И. Багалей, в Петербургском — А. С. Лаппо-Данилевский.

В дореволюционный период процесс оформления историографии как научной специальности и учебной дисциплины приостановился. После Октябрьской революции вопросами историографии занимался М. Н. Покровский¹². Историографические взгляды М. Н. Покровского были созвучны его исторической концепции и основывались на классовом подходе. Чтобы преодолеть известный нигилизм Покровского в отношении дореволюционной историографии понадобилось время. Только в 1941 г. выйдет в свет учебное пособие Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», в котором автор связал историографический нигилизм традиции М. Н. Покровского с отказом от изучения и преподавания отечественной истории¹³.

В послевоенные годы одним из центров разработки историографии как учебного курса становится Московский государственный историко-архивный институт. На его базе были разработаны первые программы курса историографии истории СССР, подготовлены к публикации учебные пособия¹⁴. Профессорско-преподавательский состав историко-архивного института сделал многое для разработки биографического подхода в историографических исследованиях, становления источниковедения историографии. Сотрудниками институ-

12 Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература: Лекции, чит. в Ком. ун-те 3–7 мая 1923 г. Пг., 1923.

13 Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 4.

14 Русская историография: учебное пособие для студентов МГИАИ. В 3 т. / Ред. В. Е. Иллерицкий, И. А. Кудрявцев. М., 1959–1960; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961.

та уже осуществлена попытка осмысления накопленного опыта развития историографии¹⁵.

Еще одним центром являлся Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Чтение курса историографии на историческом факультете имело давнюю традицию, которая была искусственно оборвана после революции. Принятие постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» повлекло за собой возвращение исторического факультета в структуру Московского университета. Усилия историков были направлены на восстановление прерванных исследовательских традиций отечественной исторической науки в тех областях науки, где это было возможно. Через несколько лет после восстановления факультета историки вышли на защиту докторских диссертаций по отечественной истории. В 1939 г. М. Н. Тихомиров защищает диссертацию по теме «Исследование о “Русской правде”», в 1940 г. А. В. Арциховский — докторскую «Древнерусские миниатюры как исторический источник», в 1942 г. Б. А. Рыбаков получает степень доктора исторических наук за «Ремесло Древней Руси».

Также при кафедре истории СССР создается комиссия по источниковедению и историографии (председатель — М. Н. Тихомиров, члены: С. А. Никитин, Г. А. Новицкий, Е. А. Луцкий и др.). В энциклопедических и биографических словарях Московского университета мы не смогли обнаружить дату его создания. Но составители приводят информацию по деятельности комиссии: «Комиссия подчёркивала необходимость обучения студентов на материалах источников, обсуждала вопросы публикации источников... Много внимания обращалось на палеографическую подготовку студентов. Практическим результатом этих усилий было постепенное расширение курсов источниковедения и историографии, разработка программ и спецкурса по источниковедению истории СССР XIX и XX вв., проведение систематических занятий по методике критики источников в семинарах, организация практикумов по палеографии в ГИМе, ЦГАДА и в других архивохранилищах»¹⁶. Как результат, с конца 1930-х гг. на факультете начинается чтение курса по русской историографии (Н. Л. Рубинштейн) и источниковедению

15 Мохначёва М. П. Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ–ИАИ РГГУ. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 4. С. 23–47; Её же. Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ–ИАИ РГГУ. Статья вторая // Там же. 2010. № 7 (50). С. 56–82.

16 Историческая наука в Московском университете, 1934–1984. М., 1984. С. 122.

I. Историография не для всех

(М. Н. Тихомиров и С. А. Никитин)¹⁷.

Преодолению негативного отношения к наследию русской исторической школы способствовало подготовка и издание учебных пособий М. Н. Тихомирова «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1940), С. А. Никитина «Источниковедение истории СССР. XIX в.» (М., 1941).

В 1952 г. по инициативе и благодаря усилиям М. Н. Тихомирова на историческом факультете МГУ открывается первая в стране кафедра источниковедения. Михаил Николаевич оставался её заведующим до конца жизни. Со временем именно на кафедре источниковедения будет сосредоточено чтение общего курса историографии.

Конечно, М. Н. Тихомиров разрабатывал прежде всего источниковедческие сюжеты, но проблемы русской историографии были также вплетены в сферу его научных интересов. Об этом свидетельствует его принципиальная критика учебного пособия Н. Л. Рубинштейна, размышления о начале русской историографии¹⁸. Кроме того, в 1949 г. М. Н. Тихомиров был избран председателем комиссии по истории исторической науки. Под его руководством был подготовлен первый том «Очерков истории исторической науки» (М., 1955).

Важно также отметить, что помимо столичных центров получили развитие историографические школы в региональных вузах: Саратовском университете, Томском государственном университете и др.¹⁹.

Итак, в первое десятилетие после окончания войны становление историографии как учебной дисциплины и научного направления получило особый импульс. В ходе этого процесса выявились несколько центров. Было положено начало учебно-методическому обеспечению курса историографии в советской высшей школе. Принимаются учебные программы, издаются учебные пособия. Особенность этого периода — наличие достаточно сильной взаимосвязи ведущих центров. Отчасти это было связано с тем, что историографические сюжеты в то время разрабатывались небольшим числом учёных-историков. Это понимали

17 Летопись Московского университета. Исторический факультет. М., 2014. С. 30.

18 Тихомиров М. Н. Историческое знание в России второй половины XVIII века. (Ломоносов, Щербатов, Болтин). Стенограмма лекции, читанной 17 февраля 1945 г. М., 1945; *Его же*. Русская историография XVIII века // Вопросы истории. 1948. №2. С. 94–99; *Его же*. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 41–56.

19 Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. науч. тр. Вып. 1–26. Томск, 1963–2001; Историографический сборник. Вып. 1–20. Саратов, 1964–2004 и др.

и сами участники процесса: «Показателем высокого уровня преподавания курсов источниковедения и историографии уже на начальном этапе деятельности истфака (МГУ. — прим. Н. К.) и той роли, которая им придавалась в теоретической и профессиональной подготовке специалистов по отечественной истории в стенах Московского университета, является издание первых учебных пособий. При их подготовке был обобщён также опыт преподавания данных дисциплин в Московском историко-архивном институте и МИФЛИ, учитывая, что многие преподаватели истфака были одновременно сотрудниками этих вузов»²⁰.

Однако уже во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. обозначились новые тенденции развития историографического направления. Сказался накопленный научный и организационный опыт. Но прежде всего, рассматриваемый рубеж ознаменован приходом в историческую науку нового поколения историков.

Наибольшее внимание историографической тематике, как следует из источников, уделяли в классических университетах. Для историков, преподававших в высшей школе, было важным закрепить лекционные курсы и семинарские занятия по историографии в учебных планах всех университетов и педагогических институтов в качестве обязательных дисциплин. Как итог, с 1955 г. курс историографии истории СССР стал обязательным в учебных программах университетов, с 1972/1973 учебного года — в педагогических вузах, а с 1973/1974 года был признан обязательным курс историографии новой и новейшей истории.

В это же время масштабируются все процессы, связанные с развитием историографии. Историки признавали, что курс отечественной историографии является одним из самых сложных в высшем историческом образовании. В середине 1970-х гг. в стране насчитывалось 54 университета и 98 пединститутов, между тем специализированных кафедр источниковедения, историографии и вспомогательных исторических дисциплин было сравнительно немного: их учредили Московский, Уральский, Харьковский и Ростовский университеты²¹. Это ставило перед ведущими историографами страны задачу обеспечения обмена опытом и налаживания необходимых связей с коллегами. Проблемы преподавания курсов историографии систематически обсуждались на межвузовских и всесоюзных историографических конференциях²².

²⁰ Историческая наука в Московском университете. С. 122.

²¹ Муравьев В.А., Сахаров А.М. О преподавании историографии в вузах СССР // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 125.

²² Вопросы историографии в высшей школы: Всесоюз. конф. преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории ун-тов и пед. ин-тов, Смоленск, 31 янв. – 3 февр. 1973. Смоленск, 1975; Изучение и преподавание

I. Историография не для всех

Неудивительно, что в рассматриваемый период появились учебники В. Н. Котова, А. М. Сахарова, А. Л. Шапиро, учебник под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева, признанные уже классическими.

Вовлеченность многих крупных историков в разработку теоретико-методологических основ историографии вызвала ожидаемые разногласия, вылившиеся в дискуссии. Полемика развернулась вокруг вопросов о периодизации истории советской исторической науки, определения предмета историографии и других сюжетов. В любом случае дискуссии и последовавшие за этим программные, методические работы, историографические исследования обнаружили размежевание историков в вопросах осмысления русской исторической мысли.

Иван Дмитриевич был вовлечен в процесс развития историографии как научной дисциплины. Более того, он придавал особое значение именно историографии, истории исторической науки. Если внимательно изучить список опубликованных работ, темы докладов, с которыми он выступал перед коллегами, то несложно заметить, что значительная часть работ посвящена рассмотрению именно историографических сюжетов. Его практический вклад как

учёного, преподавателя, организатора науки во многом определил характер и направления развития этой научной специальности.

Вокруг имени Ивана Дмитриевича сложилась обширная мемориаль-

давание историографии в высшей школе: Межвуз. темат. сб. / Отд-ние истории АН СССР, Науч. совет по пробл. «История ист. науки», Калинингр. гос. ун-т; [Редкол.: М. В. Нечкина (отв. ред.) и др.]. Калининград, 1981; Историография истории СССР: проблемы преподавания и изучения: Сб. науч. тр. / Отд-ние истории АН СССР, Науч. совет по пробл. «История ист. науки», Калинин. гос. ун-т; [Редкол.: М. В. Нечкина (отв. ред.) и др.]. Калинин, 1985 и др.

ная историография, сформированная в результате проведения памятных чтений на историческом факультете МГУ, изучения личного архива ученого, публикации разноформатных работ о нём²³. Казалось бы, что коллегами рассмотрены все аспекты профессиональной деятельности историка: как учёного, заведующего кафедрой, академика-секретаря и др. Особое место занимают работы, посвященные анализу его трудов и концепции аграрной истории. Уже опубликованы материалы личного архива историка, рассмотрены вехи его биографии²⁴.

Мемориальная историография во многом поспособствовала складыванию историографического образа Ивана Дмитриевича. Маркерами образа выступают такие категории, как «аграрник», «создатель школы квантитативной истории», «источниковед», «руководитель кафедры», «академик». Но строго говоря, сегодня всё наследие учёного свелось к разработке количественных методов аграрной истории.

Между тем, следует помнить, что разработка методов количественного анализа массовых данных является частью развития традиций отечественного источниковедения²⁵. Речь идёт о понимании объективной природы источника и объективности самого процесса познания, признании ответственности историка за толкование источника. Более того, Иван Дмитриевич не был источниковедом в классическом понимании. Он нередко повторял: «Я не источниковед», имея в виду, что источниковедение порой предполагает догматический подход, увлечение техникой исследования, своеобразием источника, а не самой реальностью. Для Ивана Дмитриевича источник никогда не был самоцелью, он являлся средством к познанию объективной реальности.

Поэтому развитие количественных методов необходимо рассматривать в контексте разработки основ научного источниковедения и методов исторического исследования. Так, с февраля 1974 г. И. Д. Ковальченко начал читать на факультете курс «Количественные методы в исторических исследованиях», а уже с сентября 1975 г. историк приступает к чтению курса «Методологические проблемы исторических исследова-

23 См. подр.: Проект «К 95-летию академика И.Д. Ковальченко»: [Электронный ресурс.] URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/8819/history/IDK/> (дата обращения: 15.08.2023).

24 Агейчева Т. В. Иван Дмитриевич Ковальченко — солдат Великой Отечественной // Власть истории — История власти. 2019. Т. 5, № 15; Агейчева Т. В. И. Д. Ковальченко. «Хотя история мне очень нравится» // Историческое обозрение. 2020. Т. 21.

25 См. подр.: Наумова Г. Р. Интегральное источниковедение. Итоги и задачи / Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III Науч. чтений памяти ак. И. Д. Ковальченко. М.—СПб.

I. Историография не для всех

ний». То есть изначально курс количественных методов рассматривался учёным в контексте общей системы методологии научного поиска.

Осмелимся предположить, что для Ивана Дмитриевича количественные методы были лишь средством для получения объективных знаний. Сквозь многочисленные таблицы и вычисления учёный видел прежде всего русского крестьянина. Возможно, поэтому мы не увидим даже упоминания о количественных методах в последних работах учёного, в которых он выступает уже не просто как историограф, но как мыслитель. К тому же к этому времени направление получило организационное оформление.

Мы постепенно приходим к пониманию, что интересы Ивана Дмитриевича, как и любого выдающегося историка, выходили далеко за пределы предметности одной темы или проблематики, будь то аграрная история или разработка методологии. В случае с Иваном Дмитриевичем изучение аграрной истории — это мучительный поиск ответов на вопросы о судьбе России, о путях исторического развития и нереализованности крестьянской альтернативы, об испытаниях, перед которыми смогли выстоять русские люди.

Отдавая должное уважение усилиям и заслугам коллег в деле сохранения памяти об И. Д. Ковальченко, мы все же должны признать, что многие аспекты его профессионального наследия требуют переосмысления. В связи с этим мы обратились к рассмотрению вопроса о роли историка в развитии историографического направления. Этому сюжету посвящено лишь несколько работ, одна из которых подготовлена А. Е. Шикло, ученицей Ивана Дмитриевича, которой он в свое время передал чтение курса «Историография истории СССР до XIX века»²⁶. В то же время даже в справочных статьях энциклопедического формата о вкладе И. Д. Ковальченко в развитие историографии даже не упоминается²⁷. Между тем Иван Дмитриевич читал курс историографии с 1955 г. — здесь совпало многое: и защита кандидатской диссертации, и юбилей Московского университета.

С чего начинали историки, какая практика чтения сложилась на факультете к 1955 г.? Прежде этот курс был разбит на многочисленные части и читался целым рядом преподавателей (Г. А. Новицкий, В. И. Ле-

26 Шикло А. Е. Проблемы историографии в преподавательской деятельности и научном наследии И. Д. Ковальченко // Материалы I Научных чтений памяти И. Д. Ковальченко (МГУ, 2–3 декабря 1996 г.). М., 1997; Вандалковская М. Г. И. Д. Ковальченко — председатель Научного совета по историографии и источниковедению // Там же.

27 Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 236.

бедев, К. В. Базилевич, Б. Б. Кафенгауз, С. С. Дмитриев, С. К. Бушуев, В. К. Яцунский, А. Л. Сидоров, Е. Н. Городецкий, Э. Б. Генкина и др.). Но с приходом в историческую науку нового поколения историков ситуация стала меняться. Среди профессорско-преподавательского состава стали выделяться историки, имевшие склонность и способность к историографическому анализу.

Со временем сложился годовой факультетский курс историографии, разделённый на два блока: историография истории СССР до 1917 г. и после 1917 г. Чтение историографии истории СССР до 1917 г. разделяли между собой А. М. Сахаров и И. Д. Ковальченко. Историографию после 1917 г. читали М. Е. Найденов и Ю. А. Мошков. Таким образом, стал складываться систематический курс, уменьшилось число преподавателей. Кроме того, отдельно на кафедрах также читали курсы историографии, соответствующие их специализации. Таким образом, эти курсы были нацелены на решение прикладной задачи — обучить студента, получающего специализацию на кафедре, навыкам работы с литературой по теме исследования.

И. Д. Ковальченко и А. М. Сахаров в своих выступлениях указывали на отличие общего курса историографии от кафедральных: «Историография истории СССР приобрела ныне значение важнейшей дисциплины в системе теоретико-методологической подготовки историков как на дневном, так и на вечернем и заочном отделениях. Этот курс строится по принципу изложения историографического материала в плане истории исторической науки. Освещение историографии отдельных проблем должно быть предметом соответствующих специальных курсов, равно как и анализ отдельных этапов или направлений в развитии исторической науки. Данный курс имеет другую цель — дать твердую методологическую и историческую основу для всех видов историографических занятий в ходе подготовки специалиста-историка. Лишь в заключительной части курса, посвященной современному этапу развития советской исторической науки, возможно проблемное освещение историографического материала. Однако и здесь работа над лекционным курсом как преподавателя, так и студента даёт хорошую возможность быстрее подхода к обобщающим построениям материала в плане истории исторической науки»²⁸.

28 Ковальченко И. Д. Просеминарии и дипломные работы по историографии на историческом факультете Московского университета // Вопросы историографии в высшей школе (Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории ун-тов и пед. вузов. Смоленск 1973 г.). Смоленск, 1975. С. 70–76.

I. Историография не для всех

Благодаря усилиям И. Д. Ковальченко и А. М. Сахарова с 1963 г. на факультете были выделены часы для проведения практических занятий по историографии (первый семестр 4 курса, 1 раз в неделю — 30 часов)²⁹. Семинары студентам стали проводить И. Д. Ковальченко и А. М. Сахаров. По замыслу историков, семинары должны научить студента работать с материалом, анализировать его, обучить выбирать его таким образом, чтобы он был наиболее репрезентативен для изучаемого этапа, периода.

Иван Дмитриевич и Анатолий Михайлович в целом нередко выступали соавторами и содокладчиками. Их объединяло многое: оба родились в один год, в 1923-м, оба воевали на фронтах Великой Отечественной, а потом волей судьбы оказались на историческом факультете, стали частью научного сообщества, поддерживали друг друга, отстаивая схожие взгляды на построение курса историографии, шире — на историю России и российской государственности.

И. Д. Ковальченко читал курс историографии 20 лет, до 1975 г. Этот хронологический период был заполнен многими другими формами деятельности учёного. В 1966 г. Иван Дмитриевич возглавил кафедру источниковедения и прослужил на этой должности почти 30 лет, до последних дней своей жизни.

Иван Дмитриевич смог закрепить за кафедрой источниковедения статус ведущего научного центра. Уже в 1973 г. вышел новый учебник «Источниковедение истории СССР», подготовленный коллективом кафедры в сотрудничестве с коллегами из Историко-архивного института, Института истории и под редакцией И. Д. Ковальченко. Впервые в одной книге были обобщены знания об основных письменных комплексах российских источников с древнейших времен до современности.

В течение нескольких лет заведования кафедрой И. Д. Ковальченко её состав вырос в несколько раз. Это дало возможность расширить специализацию, увеличить число аспирантов и поставить на высокий уровень научно-исследовательскую и педагогическую деятельность. Кафедра стала привлекательной для студентов, желавших специализироваться по историографии и источниковедению.

На кафедре формируется школа экономической истории, представленная двумя ветвями: аграрная проблематика разрабатывалась И. Д. Ковальченко, промышленная и финансовая — В. И. Бовыкиным. В списке кандидатских диссертаций, подготовленных под руководством

29 Сахаров А. М. Семинар по историографии истории СССР. Методика проведения семинарских занятий на исторических факультетах университетов. М: Высшая школа, 1979. С. 212–213.

Ивана Дмитриевича, числится 38 работ³⁰. Под руководством Валерия Ивановича было подготовлено 33 кандидатских диссертации³¹. Практически все диссертации были защищены по специальности 07.00.09.

Можно говорить о тесном и дружеском сотрудничестве двух учёных. Свидетельством положительного результата объединения усилий разных школ служит коллективная монография «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (М., 1979).

Иван Дмитриевич никогда не рассматривал кафедру вне традиций исторического факультета, полагая, что достижения кафедры нельзя объяснить личной «формулой успеха». Это результат продолжения и обогащения тех традиций, которые были заложены отечественными историками и, в том числе, академиком М. Н. Тихомировым. К слову, И. Д. Ковальченко не раз выступал с предложением назвать кафедру именем М. Н. Тихомирова³². Но мы понимаем, что многое здесь следует отнести на счёт личных заслуг Ивана Дмитриевича.

Иван Дмитриевич продолжал активно заниматься и исследовательской работой, о чём свидетельствует список его опубликованных трудов³³. В 1966 г. он защитил докторскую диссертацию «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.». Со второй половины 1960-х гг. Иван Дмитриевич вовлекается в разработку количественных методов, источниковедения массовых источников. В 1974 г. выходит масштабное исследование «Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа»³⁴. В 1982 г. при участии учеников Ивана Дмитриевича была подготовлена и опубликована монография «Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы

30 Корноухова И. А., Полевая А. Н. Список диссертаций на степень кандидата исторических наук, подготовленных под руководством И.Д. Ковальченко // Иван Дмитриевич Ковальченко (1923–1995). К 75-летию со дня рождения. М., 1998.

31 Бовыкин В. И. Curriculum vitae // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. №2.

32 Ковальченко И. Д. М. Н. Тихомиров — основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 181–182.

33 Список опубликованных работ И. Д. Ковальченко, а также список докладов и выступлений на конференциях, симпозиумах и круглых столах были подготовлены и опубликованы в сборнике «Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко» (Москва, МГУ, 2–3 декабря 1996 г.). М., 1997.

34 Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974.

I. Историография не для всех

изучения» (М., 1982). В 1988 г. выходит в свет монография «Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (Источники и методы исследования)» (М., 1988).

Одновременно Иван Дмитриевич занимается комплексной разработкой методологии исторического познания. Свои накопленные знания об историографии он аккумулировал через курс методологии, который продолжал читать на факультете. Результатом этой работы являются множество статей по методологии и монография «Методы исторического исследования»³⁵.

Что касается историографии, то в 1975 г. Иван Дмитриевич передаёт чтение курса своей ученице А. Е. Шикло. Интересный факт, но после того, как Иван Дмитриевич перестает читать историографию, он начинает публиковать работы по истории исторической науки. С 1975 г. проходило года, кроме, пожалуй, 1981-го, когда историком не были подготовлены к публикации одна или несколько работ, посвящённых проблемам историографии и состоянию исторической науки.

Иван Дмитриевич, передав курс историографии, но продолжив её изучение, не мог, видимо, не делиться своими знаниями и откровениями. Благодаря А. Е. Шикло мы можем восполнить пробел в вопросе тематики спецкурсов, которые заявлял Иван Дмитриевич: «В конце 70-х — начале 80-х годов И. Д. Ковальченко читал специальные курсы по историографии: “Методологические проблемы историографии” (где останавливался на основных принципах историографических исследований), “Основные направления немарксистской философии истории России периода капитализма” (в котором рассматривались антропологические построения Л. И. Мечникова, социологическая концепция П. Л. Лаврова, религиозная философия В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, историческая концепция Н. Я. Данилевского и др.). Он часто ставил в спецсеминаре историографические темы. Под его руководством были написаны кандидатские диссертации и дипломные работы об исторических воззрениях Н. В. Шелгунова, П. Г. Прыжова, П. А. Кропоткина, М. И. Туган-Барановского, Н. А. Полевого, Ф. М. Достоевского, П. Н. Милокова, М. О. Гершензона и других»³⁶.

Разработка историографического метода велась Иваном Дмитриевичем и через журнал «История СССР». Он исполнял должность главного редактора журнала почти 20 лет, с 1969 по 1988 гг. О том, насколько напряженной и трудоемкой была эта работа свидетельствует письмо Ивана Дмитриевича: «28. VI. 80, суббота, тот же без десяти минут час ночи

35 Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

36 Шикло А. Е. Проблемы историографии... С. 159.

<...> Вечером читал гору материалов к редколлегии <...> справился с ними очень быстро. Ещё даже не наступил рассвет, которые сейчас бывают очень рано, а я уже всё прочитал и написал отзывы. Сколько помню, это первый случай, когда я успел прочесть все материалы накануне редколлегии. Обычно всё прочесть не успеваешь <...> В среду в Москве было очень душно. Редколлегия была длинная и трудная. Много было сложных материалов и противоположных оценок их членами редколлегии и надо было приводить их к одному знаменателю. Устал»³⁷.

Двадцать лет редакторства в ведущем в историческом журнале, конечно, не могли не сказаться на широте осведомленности Ивана Дмитриевича относительно всего, что касалось развития историографии и состояния современного научного сообщества. Будучи главным редактором журнала «История СССР», Иван Дмитриевич придавал особое значение рубрике «Критика и библиография». Он стремился поставить систему рецензирования на новый уровень, преодолеть доминировавший до той поры аннотационно-библиографический подход при рецензировании работ. По мысли историка, рецензия должна представлять собой результат историографического осмысления, а не аннотированный список, то есть представлять собой самостоятельное исследование. Классикой рецензирования он полагал, например, рецензию В. А. Плугина на книгу Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV–XV вв.»³⁸.

Реализуя поставленную задачу, он стремился дать организационное обеспечение историографическому направлению журнала. Именно по его инициативе в редакции журнала был создан отдел «Историография, источниковедение», первым руководителем которого была назначена Г. Р. Наумова, до этого заведовавшая отделом критики и библиографии журнала.

Сам Иван Дмитриевич в своих рецензиях нередко обнаруживал собственные представления о том, каким критериям должно отвечать истинное научное исследование. Так, в обзоре на исследование Н. М. Дружинина «Русская деревня на переломе (1861–1880)» (М., 1979), отмечая высокий теоретико-методологический уровень исследования, глубину, тонкость источникового анализа, И. Д. Ковальченко делает вывод о ключевом, в его понимании, значении рецензируемого труда: «глубокий теоретико-методологический подход позволил поставить в центре

37 Агейчева Т. В. Иван Дмитриевич Ковальченко. Письма к другу // Власть истории — История власти. 2018. Т. 4, № 14, С. 366.

38 Плугин В. А. Нерешенные вопросы русского летописания XIV–XV веков (К выходу в свет книги Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV–XV вв.» // История СССР. 1978. № 4. С. 79–93.

I. Историография не для всех

конкретно-исторического исследования именно те процессы и явления, которые были ведущими и в самой действительности»³⁹. Способность историка прочувствовать объективную реальность и адекватно определить предмет исследования — всё это представляется в теории весьма простым и очевидным, но И. Д. Ковальченко придает этим качествам особое значение, как бы намекая, что не все коллеги способны соответствовать, казалось бы, простым условиям научного поиска.

Историографические представления И. Д. Ковальченко отличались особой цельностью, что не могло не оказывать влияния на становление курса историографии истории России на историческом факультете Московского университета. 1960-е гг. отмечены обсуждением вопроса об определении предмета историографического исследования⁴⁰. В ходе общесоюзной дискуссии историки условились использовать его широкую трактовку. Это подразумевало изучение не только научных трудов, но и вопросов, связанных с условиями организации науки. Внимание историков привлекали такие сюжеты, как система научных институтов, эволюция их структуры, научные общества, историческая периодика, кадры исторической науки, их квалификация, структура и распределение по отраслям науки, историческое образование, система распространения исторических знаний, — словом то, что сегодня принято именовать инфраструктурой исторической науки. Стали выходить в свет первые исследования, выполненные в русле институционального подхода к историческому познанию⁴¹.

Иван Дмитриевич принимал активное участие в дискуссиях⁴². С самого начала он обнаруживает не просто самостоятельность видения решения спорных вопросов, но и принципиальность в отстаивании позиций. Он наравне с другими коллегами считал ошибочным полное ото-

39 Ковальченко И. Д. Изучение социально-экономического развития России второй половины XIX в. // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С. 385.

40 Сахаров А. М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 18–28.

41 Алексеев Г. Д. Создание центров советской исторической науки и их деятельность в 1918–1923 гг. // История и историки. Историография истории СССР. Сборник статей. 1965. С. 90–116; Иванова Л. В. Коммунистические университеты и их роль в подготовке историков-марксистов в 1918–1929 гг. // История и историки. Историография истории СССР. Сборник статей. 1965. С. 117–145 и др.

42 Ковальченко И. Д. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 70–79.

ждеством общеисторической периодизации и периодизации исторической науки.

Интересно мнение И. Д. Ковальченко о начале русской историографии. По этому вопросу мнения историков расходились, более того, часть из них весьма неохотно признавала летописи историографическим источником, не говоря уже о более древних формах исторической мысли. Не только в советских, но и в современных работах сохраняется разногласие относительно начального века русской историографии. В учебных пособиях и учебниках чаще всего можно встретить указание на X век (Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт, В. Е. Иллерицкий и др.), XI век (Н. Л. Рубинштейн, А. А. Чернобаев). Иван Дмитриевич определяет и характеризует хронологию первого периода как возникновение и развитие исторических знаний в России (с древнейших времен до XVIII в.)⁴³. Историк настаивает: «с древнейших времен», тем самым он не навязывает историографии никаких ограничений, понимая, что древность, которая уходит в глубины тысячелетий — это время формирования исторической памяти. В этом вопросе с ним был солидарен и А.М. Сахаров: «Курс историографии для студентов, специализирующихся в области истории СССР, должен разрабатываться как курс отечественной историографии, анализирующий весь путь развития исторической мысли во всех её проявлениях — от древнейших времен до торжества современной марксистско-ленинской историографии»⁴⁴.

В своём понимании русской историографии Иван Дмитриевич был близок к концепции М. Н. Тихомирова. Михаил Николаевич придавал особое значение исторической мысли, уходящей вглубь веков. В своих работах подчеркивал, что до нас дошла ничтожная часть богатейшего письменного наследия Руси, около четырех процентов⁴⁵. В первом томе «Очерков истории исторической науки», вышедшем в свет задолго до дискуссии, М. Н. Тихомировым был подготовлен авторский текст второй главы «Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве». Любопытно, что в названии главы указаны и хронологические рубежи. В оглавлении обозначено X–XIII вв., в то время как в самом тексте указаны IX–XVII вв. Пройдет несколько десятилетий и профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского университета озаглавит первый раздел учебника по историографии следующим об-

43 Ковальченко И. Д. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 71.

44 Сахаров А. М. Предмет и содержание... С. 22.

45 Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968.

I. Историография не для всех

разом: «У истоков познания истории Отечества»...

Дискуссии о периодизации и предмете историографии играли, на самом деле, особую роль в развитии историографии. Важность заключалась в стремлении отстоять теоретико-методологический «суверенитет» историографии как самостоятельного научного направления, а не вспомогательной дисциплины. Ведь, если смотреть строго, то любая периодизация исторической науки является условной, тем более если учитывать такой разбег: с древнейших времен и до современности. Иван Дмитриевич не просто указывал на искусственность и условность разделения историографии исходя из исторических концепций, они совместно с А. М. Сахаровым переосмысливают факторы развития познания: «Так как главным фактором в процессе познания является его методология, то и этапы развития науки различаются по изменениям метода исследования, по смене мировоззренческих принципов познания и осмысления прошлого»⁴⁶. Учёные выстраивают историографический анализ через осмысление личности историков, мировоззренческих типов, существующих в историографическом пространстве.

Так, Иван Дмитриевич, определяя хронологические рубежи первого историографического периода, обнаруживает в источниках одну из ключевых особенностей отечественной исторической мысли: «Уже на первом этапе развития исторических знаний отчетливо обнаружилась борьба двух тенденций в летописании, выражавших сепаратистские устремления крупного боярства и заинтересованность в централизации власти средних и мелких слоев господствующего класса <...> борьба различных тенденций во взглядах на прошлое стала характерной чертой развития историографии с начала её зарождения»⁴⁷. Историк делает важное для себя заключение об изначальном существовании государственных и антигосударственных начал в русской историографии. Далее, при характеристике других периодов, он не повторяет эту формулу дословно. Но для нас важно зафиксировать, что Иван Дмитриевич обозначил этот фактор борьбы в качестве константы отечественной историографии.

И. Д. Ковальченко уверенно указывал на генетическую связь современных ему направлений исторической науки с дореволюционными. Академик не разрывает нити исторической науки, а связывает их в местах разрыва. В 1983 г., выступая с докладом на площадке Международ-

⁴⁶ Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М, 1978.

⁴⁷ Ковальченко И. Д. О предмете и содержании университетского курса... С. 72.

ной конференции по истории исторической науки во Франции, историк посчитает важным признать: «Вынесение для обсуждения на конференции вопроса об исторической науке во второй половине XIX — начале XX в. представляется вполне оправданным и актуальным. Это был не только важный этап в её историческом развитии, но и время, когда оформлялась современная историческая наука. Последнее выражалось в том, что окончательно сложились те основные направления, которые существуют в исторической науке до настоящего времени (выделено мной. — прим. Н. К.), и были выдвинуты теоретико-методологические, социологические концепции /позитивистская, неокантианская и марксистская/, которые являются ведущими в исторической науке до сих пор»⁴⁸. Известно, что на своих лекциях он указывал на четвертое направление — презентизм.

То есть в 1980-е гг. историк указывает на генетические связи современных концепций и подходов в советской науке, и, что важно, в научном сообществе, а также в зарубежной советологии. В своих работах он словно рисует карту отечественной исторической науки и отмечает на ней узловые точки историографических традиций. Он указывает на условность восприятия 1917 г. как некоего рубежа, полагая, что утверждение марксизма в качестве доминирующей парадигмы вовсе не создавало непреодолимых преград для развития методологических подходов, установившихся задолго до революции. Иван Дмитриевич называет несколько ключевых имен в истории исторической науки нового и новейшего времени: С. М. Соловьёва и ставит рядом с ним В. О. Ключевского, выделяет в качестве отдельных направлений традицию, основанную П. Н. Милюковым и также традицию, идущую от А. С. Лаппо-Данилевского. Таким образом, Иван Дмитриевич не дробит историографию на периоды и не расщепляет на делянки, напротив, он связывает историографию через определения мировоззренческого типа историка и его природу.

Почему историк отводил историографии такое важное место? Иван Дмитриевича волновала проблема влияния идей на практическую сферу жизни общества и государства. Изучение истории крестьянства в какой-то степени поддерживало и развивало этот интерес. Размышление над историей русского крестьянства заставляло историка вновь и вновь обращаться к историографическому методу, способному держать

48 *Его же*. Основные тенденции и развития русской буржуазной исторической науки второй половины XIX — начала XX в. Доклад, прочитан И. Д. Ковальченко на Международной конференции по истории исторической науке. Франция, Монпелье, июль 1983 г. С. 1.

I. Историография не для всех

в поле зрения объект и предмет исторического рассмотрения, обеспечивая тем самым системный взгляд на исторический процесс.

Иван Дмитриевич обращал наше внимание на то, что в идейной сфере, от момента рождения идеи и до обретения ею практической значимости, особое место принадлежит именно историкам, которым вменяется задача не только создания научного знания, но и накопления знаний об историческом опыте и адекватная интерпретация этого опыта. Недаром он настойчиво указывал на такую функцию исторической науки как социальная память — история как наука является источником общественного опыта: «Знание исторического опыта — необходимое условие его использования»⁴⁹. И в то же время ему было ясно, что исторический опыт может быть искажён, и в искажённом виде использоваться в общественной и политической практике. И его как историка и историографа интересовала задача установить этот момент искажения современниками восприятия действительности в источниках, в научных трудах. Отсюда такое внимание к личности историка — он придает ей важное методологическое значение. Эти поиски были созвучны тому, что переживало научное сообщество в то время.

Оказалось, что историки по-разному понимают сущность индивидуального в процессе научного/исторического познания. Некоторые историки под влиянием господствующей теории и методологии стремились сблизить историю исторической науки с историей общественной мысли, а анализ исторической концепции выстраивать на основе выявления их классовой природы. Осмысление же роли личности самого историка стало ограничиваться указанием на классово-партийный признак. В противовес такому подходу отдельные историки в своих выступлениях, программных статьях указывали на ограниченность и искусственность подобных установок: «Нередко исследователи анализируют концепцию историка только на основе характеристики его общественно-политических взглядов, то есть, по существу, отождествляя его политические взгляды и научные»⁵⁰. В историографии наметилась тенденция укоренения нигилистического и потребительного подхода. Классовый принцип, по сути, подразумевал отказ от концепций, от оценок, выработанных историками не того класса, который был в фаворе.

49 *Его же*. Основные тенденции и развития русской буржуазной исторической науки второй половины XIX — начала XX в. Доклад, прочитан И. Д. Ковальченко на Международной конференции по истории исторической науке. Франция, Монпелье, июль 1983 г. С. 5.

50 *Сахаров А. М.* О предмете историографических исследований // История СССР. 1974. № 3. С.110–111.

Конечно, адепты классового подхода к историографии уже не могли позволить себе крикливый призыв «сбросить классиков с парохода современности». Но в научной печати неоднократно поднимался вопрос о так называемом историческом наследстве, где уже советские историки выступали в роли судей над историками прошедших эпох. Исходя из оценки степени социал-демократизма и радикализма историков прошлого, они решали вопрос о наделении их «правами гражданства» в советской историографии. Конечно, невозможно было не учитывать заслуг прежних историков в области источниковедения и накопления эмпирического материала, но даже в этом вопросе некоторые советские коллеги высказывали недоверие и ставили на повестку дня проблему выработки «новых, правильных критериев» для критической проверки и отбора накопленного фактического материала. Так академик М. В. Нечкина отмечала: «Судить же об отсеянном, невзятом, можно лишь пересмотрев тот основной массив, который некогда прошел через руки буржуазного историка. Использование результата отбора определённого комплекса исторических фактов без критической проверки и без применения новых, правильных критериев, конечно, вызывает ряд трудностей. Они могут иной раз привести к трагическим результатам»⁵¹.

М. В. Нечкина заняла весьма однозначную позицию в этом вопросе. Учитывая её широкие административные возможности академика и организаторский вес в историографии, мы должны с особым вниманием относиться к высказанным ею мыслям и идеям: «Есть ещё большой вопрос об общем историческом наследстве, полученном нами от дворянской и буржуазной исторической науки. Далеко не всё в этом наследстве является научной ценностью. В старой историографии есть немало от наследства того типа, “от которого мы отказываемся”, но есть и доля, которую мы принимаем (собранный фактический материал, издания источников, ценные частные изыскания и выводы и т. д.). В этом отношении советская историческая наука возникла, разумеется, не на пустом месте. Являясь принципиально новым этапом нашей отечественной историографии, она получила и освоила большое научное наследство»⁵². Обращает на себя внимание, что историк, раскрыв то, что принимается, пусть и в скобках, умолчала — от чего советские историки желают отказаться. Признавая ценность «наследства» приоритетной

51 Нечкина М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. Сборник статей. 1965. С. 20.

52 Там же.

I. Историография не для всех

задачей историографического анализа была поставлена именно «задача преодоления»: «Задача преодоления той части наследства буржуазной науки, от которой мы отказываемся, и тех элементов прошлого знания, которые мы принимаем, — очень важная тема историографических введений к любой монографии»⁵³.

И. Д. Ковальченко разделял и отстаивал иные взгляды на отечественную историческую науку. И он был не одинок в этом. Конечно, историк не мог не видеть и не разгадать внутренние мотивы «научной реабилитации» М. Н. Покровского. Историки-фронтовики с тревогой наблюдали за этими процессами, связывая имя М. Н. Покровского с широким распространением национального нигилизма, и понимая, что они имеют дело с реваншем⁵⁴.

В свою очередь, И. Д. Ковальченко и А. М. Сахаровым была выработана и предложена система построения курса историографии по мировоззренческому принципу, а мировоззрение, как известно, влияет на выбор исследователем метода — здесь подключалась и методология научного познания. Учёные указывали на важность анализа именно философско-методологических основ различных направлений в истории исторической науки и полагали недопустимым подмену этого анализа стандартной характеристикой общественно-политических взглядов отдельных историков. И. Д. Ковальченко был уверен, что мировоззрение историка, его научные взгляды не зависят от классового признака: «Партийность — это общественная позиция, которая выражено или скрыто есть у каждого человека. Долгое время мы считали, что самое главное — докопаться до классовых корней взглядов человека, и выводили его мировоззренческие позиции прежде всего из социального происхождения. Но важнее, мне кажется, другое — чем эти позиции определяются»⁵⁵.

Иван Дмитриевич полагал, что задача историографа отнюдь не заключается в том, чтобы вывести историка на чистую воду, а историческую науку очистить от флёра индивидуального отношения историка к объекту своего исследования. Напротив, задача историографа — понять, раскрыть мировоззрение историка. Мировоззрение историка — это ключ к пониманию его восприятия реальности, способности к объ-

53 Нечкина М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. Сборник статей. 1965. С. 22.

54 Сахаров А. М. О сохах, ремеслах и душе // Комсомольская правда. 1965. 20 июня. № 143 (12302). С. 4.

55 Ковальченко И. Д. Суд истории [интервью] // Поиск. 1990. № 4.

ективному пониманию этой реальности и адекватного выбора методов исследования. «Не бывает неправильных методов, бывает неправильно использованные», — подмечал Иван Дмитриевич⁵⁶. Подмена же личностного опыта историков его классовой позиции упрощает и ангажирует историографический анализ.

И. Д. Ковальченко понимал, что мировоззрение историка напрямую влияет на выбор метода, а, следовательно, и результаты процесса познания: «Взять, например, индивидуальное. Суть его нередко упрощается, а значение должным образом не раскрывается. Думается, что характеристика той или иной личности едва ли может исчерпываться традиционным набором биографических характеристик (происхождение и окружение, воспитание и образование, служебная деятельность и т. п.) и раскрытием общественно-социальной позиции, которая и служит основой для оценки воззрений и деятельности той или иной личности. Ускользает тот важнейший факт, что сама общественно-социальная позиция, её выбор и проведение определялись именно личностно-индивидуальными чертами человека. И, чтобы понять индивидуальные мотивы той или иной позиции личности, недостаточно традиционных характеристик. **Требуется выявление специфики мышления и нравственно-психологического облика человека, обуславливавших восприятие действительности и определявших воззрения и деятельность личности** (выделено мной. — прим. Н. К.)»⁵⁷. Этими размышлениями историк делится уже в поздние годы и тогда же признает, что эта «комплексная человековедческая задача» не только не решена научным сообществом, она даже еще не осознана основной массой историков.

Учёный полагал, что искажение действительности современниками, а позже историками может быть и не намеренным, вызванным простой ограниченностью сознания человека, непониманием происходящих явлений и процессов, определённым уровнем развития науки и культуры в обществе, незавершённостью исторических процессов. В монографии «Методы исторического исследования» встречаем следующую мысль академика: «Хорошо известно, что современники далеко не всегда могут адекватно понять свою эпоху (субъективность её отражения — это другой вопрос). Нередко помыслы эпохи выдаются современниками за её реальность, не говоря уже о том, [что] внутренний смысл событий и

⁵⁶ *Его же.* Методы исторического исследования...

⁵⁷ *Его же.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 13–14.

I. Историография не для всех

их объективное значение часто оказывается скрытым от нас»⁵⁸.

Нобелевский лауреат, физиолог И. П. Павлов в своей исторической речи, в которой он размышляет о роли интеллигентского ума в осуществлении революции, высказал ясную мысль: «Действительность, понять которую ставит своей задачей ум, эта действительность является в значительной степени, скрытой от него. Она, как говорится, спрятана за семью замками. Между действительностью и умом стоит и должен стоять целый ряд сигналов, которые совершенно заслоняют эту действительность. Я уже не говорю о том теперь уже общеизвестном положении, что наши ощущения чувств есть тоже только сигналы действительности. Но за этим следует целый ряд других неизбежных сигналов. В самом деле, действительность может быть удалена от наблюдателя, и её надо приблизить, например, при помощи телескопа; она может быть чрезвычайно мала, и её надо увеличить, посмотреть на неё в микроскоп; она может быть летуча, быстра, и её надо остановить или применить такие приборы, которые могут за ней угнаться, и т. д., и т. д. Без всего этого нельзя обойтись, всё это необходимо, особенно если надо запечатлеть эту действительность для других работ, передать её, предъявить другим»⁵⁹.

Эта способность открыть и отгадать реальность, спрятанную за «семью замками», имеет интересное свойство: она может быть дана историку, а может ему будет в ней отказано. Историк или способен, или не способен к различению онтологического и гносеологического уровней познания. И весь научный инструментарий, могучие социологические теории и концепции оказываются бесполезными в попытках преодолеть эту границу, словно разделяющую мир горний и мир дольний. На память приходят откровенное признание П. Н. Милюкова о своих «учителях истории»: «Среди этих почтенных развалин древности Ключевский производил свои изумительные раскопки — и возвращался с ценными находками. Но, повторяю, мы за ним следовать его путём не могли. Мы оставались ждать у входа»⁶⁰.

Иван Дмитриевич как учёный, как преподаватель курса историографии указывал, что современный историк должен обнаруживать это различие познавательных возможностей исследователей. При этом он не отрицал ценность ангажированной и искаженной информации: «При соответствии цели реальному состоянию и ходу развития общественных и других явлений получение объективной информации лимитируется

58 *Его же.* Методы исторического исследования. С. 103.

59 *Павлов И. П.* Об уме вообще, о русском уме в частности: [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pawlow_i_p/ (дата обращения: 15.08.2023).

60 *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 116.

лишь существующими познавательными возможностями. Если же цель в силу классово-партийной сущности или по другим причинам ограничивает подход к объекту и взгляд на него, то будет ограничен и объем объективной информации. В тех же случаях, когда субъект стремится к достижению целей, идущих вразрез с реальностью, субъективные искажения информации могут быть весьма существенными и доходить до прямой дезинформации, до полного искажения сути объекта информации. **Но и в этом случае, в информационном пространстве возникает определенная объективная информация — информация о субъекте** (выделено мной. — прим. Н. К.). Происходит это в силу того, что важной особенностью информационного процесса является возникновение двух видов информации — об объекте и о субъекте. Применительно к субъекту прежде всего появляется информация о той цели, которую преследует субъект, и о принципах и методах получения информации»⁶¹.

В любом случае это действие представляет собой акт личного выбора историка, определяет пространство и границы его ответственности. Более того, отсутствие научного результата в виде объективного знания не даёт ничего нового для понимания изучаемой действительности, но становится фактом историографического характера, свидетельством о познающем субъекте.

Но, признавая неравенство познавательных способностей, мы не можем не задаться весьма непростым вопросом. Что обеспечивает, дарует историку способность к объективному познанию? Почему одни историки слышат «звон колокола» между строк, а другие остаются глухи? Видимо, важное значение в этом вопросе имеет нравственный мотив. Почти два века назад Николай Михайлович Карамзин это понял и сказал: «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своём сердце миром совести и доверенностию к Провидению». И народная мудрость запечатлела эту ответственность, ведь сказка дарует чудо только человеку с чистым сердцем и помыслами.

Какой же нравственный мотив выделял И. Д. Ковальченко? Полагаем, что один из ключиков к ответу на этот вопрос Иван Дмитриевич затаил в предисловии к полному собранию сочинений С. М. Соловьева. И. Д. Ковальченко при осмыслении личности Сергея Михайловича обращает внимание читателя на эпиграф, выбранный последним к своим воспоминаниям «Мои записки для детей моих, а если возможно, и для других». Эпиграф представляет из себя старое речение: «В трудах от

61 Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования.

I. Историография не для всех

юности моя». И Ковальченко даёт своё толкование заложенного Соловьёвым смысла: «Эти скупые слова позволяют приблизиться к самосознанию человека, их выбравшего, к постижению его исторического образа». А далее, Иван Дмитриевич, раскрывая, казалось бы, «формулу сердца» историка Соловьёва, обнаруживает свой идеал служения России, свой нравственный выбор: «Человек — труженик науки — выражал твердое понимание своего долга перед Родиной в четком завете: “Великая Русская земля требует и работы великой”».

И, казалось бы, это служение и заложенные в него смыслы очевидны, но редко кто, после ухода Ивана Дмитриевича, осмеливался сказать это во всеуслышание, обозначить этот факт жизни учёного. Поэтому с особенным вниманием мы прислушиваемся к словам, сказанным В. И. Бовыкиным об Иване Дмитриевиче: «История жизни и научного творчества И. Д. Ковальченко — яркий пример служения Отечеству, Долгу и Истине»⁶².

Незадолго до своего ухода Иван Дмитриевич сделал то, к чему стремился в течение многих десятилетий. Ещё в середине 1970-х гг. в одной из работ историк укажет на целесообразность не только объединения курса, но и чтения всего курса одним преподавателем: «Следует придать курсам большую стройность и внутреннее единство, одним из путей к чему является сокращение количества лекторов, читающих курс. Понятно, что дело трудное — прочесть одному огромный по богатству материала курс, но всё-таки дело это достижимое. Разноманерность и разнохарактерность чтения разных разделов курса, пусть даже выдающимися специалистами по своим разделам, очень мешают его усвоению студентами»⁶³. На кафедре Иван Дмитриевич смог осуществить эту задачу только в 1993 году — он объединил курс отечественной историографии и закрепил чтение курса за конкретными преподавателями кафедры. Результатом чтения лекционного курса на протяжении многих десятилетий преподавателями кафедры стали фундаментальные учебники по историографии истории России⁶⁴.

62 Бовыкин В. И. Восхождение к истине // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1997. № 3. С. 14.

63 Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. История и историки. Историографический ежегодник. 1975. М., 1978. С. 14.

64 Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России. М., 2008; Наумова Г. Р. История исторической науки. Историография истории России: учебник для академического бакалавриата: в 2 ч. М., 2019.

«Надо сначала воспринять всё...»

О методе И. Д. Ковальченко

Интерес профессионального сообщества историков к историографии, к истории исторической науки, являющийся устойчивым трендом последних десятилетий, побуждает нас обратить внимание на те проблемы, которые встают перед исследователями при разработки историографических сюжетов. Одним из слабых мест, в частности, является узость источниковой базы. Речь в данном случае идёт не о количественной составляющей вопроса: вовлечение в научный оборот новых комплексов архивных материалов, позволяющих осветить деятельность научных институций и отдельных персоналий в истории исторической науки, происходит регулярно, также на поток поставлена публикация мемуаров наших историков, в которых с разной степенью полноты и достоверности раскрываются обозначенные выше вопросы. В то же время вне поля зрения историографов оказываются значительные объёмы материалов, которые по каким-то причинам до последнего времени признавались малоперспективными. В первую очередь речь идёт о маргиналиях на полях книг, журналов, авторефератов диссертаций, рукописей, сделанных нашими выдающимися историками.

Значение маргиналий как исторических источников давно признано историками, рассматривающими конкретно-исторические сюжеты⁶⁵. В отношении же историографии, в особенности её советского периода, изучение маргиналий историков не приобрело такого хождения⁶⁶. На

65 Опыт работы с записями на книгах с опорой на утвердившуюся традицию продемонстрировал в своей докторской диссертации В. П. Богданов. См.: *Богданов В. П.* Записи на книгах как источник по истории книжной культуры (на материале старопечатных кириллических изданий конца XV – XVIII веков). Дис. ... д.и.н. М., 2023.

66 Наиболее ярко изучение помет и записей в книгах историков проявилось в историографическом поиске Г. Р. Наумовой и её учеников. См., напр.: *Казакова-Бовыкина В. М., Наумова Г. Р.* Всех строже оценить умеешь ты свой труд... // *Россия и мир. Памяти профессора В.И. Бовыкина*. М., 2001. С. 42–54; *Катамадзе Н. Ш., Наумова Г. Р.* Архив профессора // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2018. № 3. С. 54–69; *Демирова Н. И., Миленко А. А., Наумова Г. Р.* Архив историка как лаборатория исследователя // *Клио*. 2020. № 1. С. 39–43;

I. Историография не для всех

наш взгляд, главной причиной подобной ситуации являются те трудности, с которыми пришлось столкнуться нашим выдающимся историкам на рубеже эпох. В условиях рынка, когда ценность книг оценивалась не по их содержанию, а по их антикварной ценности, многие библиотеки историков, покинувших этот мир, оказались не востребованы ни их наследниками, ни, что ещё более печально, их последователями и учениками, в связи с чем многие тома оказались проданы, сданы в макулатуру или просто сожжены. С долей иронии и притом достаточно достоверно процесс утраты библиотеки учёного описан В. Мальцевым: «Внук... предпочитал читать только то, что было необходимо для совершенствования квалификации, а когда хотел чтиво полегче, выбирал кого-нибудь из новомодных авторов... Книги деда мешали, и он их потихоньку продавал, оставив несколько собраний сочинений в красочных переплетах. Все-таки XX век. Скоро будет антиквариатом. Да и небесспорная мысль о том, что в культурной семье необходима настоящая библиотека или её подобие ещё не изжила себя. Правнучка завершила процесс распродажи книг далекого прародителя и жила в комнатах, свободных от всего старого, а потому мало функционального»⁶⁷. Распродавая частями результат многолетних трудов своих отцов и дедов, потомки не всегда осознают, что тем самым уничтожают то рабочее пространство, в котором формировались идеи, зарождались гипотезы, происходил поиск истины. В таких условиях для историографа большой удачей становится встреча с материалом, несущим отпечаток выдающегося учёного.

Из всего многогранного творческого наследия И. Д. Ковальченко (1923–1995) наибольший интерес исследователей вызывают его разработки в области методологии и философии истории. Между тем, как отмечал тонко чувствовавший ход мысли своего друга и соратника В. И. Бовыкин (1929–1998): «Уникальная особенность научного творчества И. Д. Ковальченко состояла в том, что исследование интересующих его проблем отечественной истории он *предварял* и *сопровождал* (выделено мной. — прим. Р. Ч.) выявлением целых пластов ранее никем не использовавшихся источников, тщательным источниковедческим анализом содержащейся в них исторической информации и разработкой соответствующих исследовательских методов, обеспечи-

Наумова Г. Р. Школа экономической истории В. И. Бовыкина // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2021. № 6. С. 126–139; и др.

67 Мальцев В. В. Байки о Епидееве. М., 2015. С. 30.

вающих наиболее полное использование информационного потенциала источника и истинность полученных на этой основе суждений»⁶⁸. В этом здравом исследовательском подходе, описанном Валерием Ивановичем, отсутствует попытка поставить телегу впереди лошади, пытаясь посредством заранее заготовленного набора методов и техник обрабатывать весь источниковый материал. Таким образом, активно дебатировавшиеся в современном научном сообществе проблемы методологии для самого Ивана Дмитриевича были лишь производными, необходимыми для разработки конкретно-исторических вопросов.

Большое практическое значение Иван Дмитриевич придавал историографии как самостоятельной дисциплине, помогающей нащупать дальнейшие пути развития науки. В частности, он говорил, что именно «через историографию лежит путь к повышению эффективности и качества в области истории»⁶⁹. Говоря об историографическом кредо И. Д. Ковальченко, его ближайшая ученица А. Е. Шикло вспоминала: «Он не устал повторять, что главное понятие учёного, понятие, что пытается сказать исследователь, почему он мыслил так, а не иначе, какую задачу он ставил, каким путём он шёл к своему знанию, как его идеи связаны с определённой обстановкой, условиями, в которых он работал»⁷⁰. Комплексный подход к историографии, выросший из разработки в том числе и отдельных проблемных направлений (например, историографии Крестьянской реформы 1861 г.) позволил ему создать уникальный лекционный курс истории исторической науки, который читался им в стенах исторического факультета МГУ в 1955–1975 гг. и который до сих пор остается эталоном для современных историографов. В чём же заключался своеобразие историографического взгляда И. Д. Ковальченко?

Реконструкция историографического метода И. Д. Ковальченко — задача непростая. Конечно, большим подспорьем для его выявления является то наследие, которое досталось нам от учёного. Это многочисленные книги и статьи, отзывы на монографии и диссертации коллег, архивные выписки, наброски работ, которые ему не удалось за-

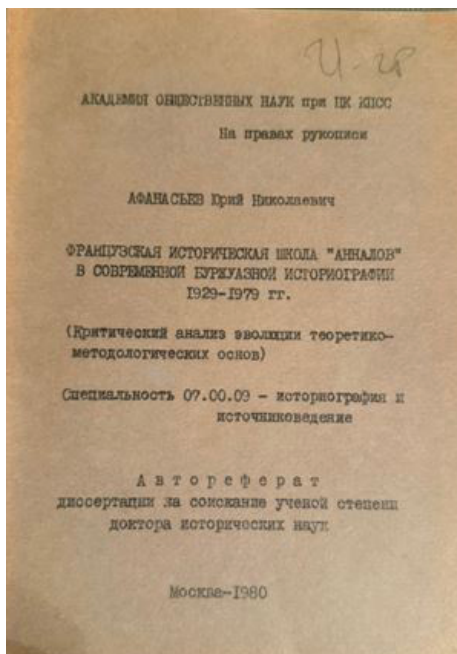
68 Бовыкин В. И. Восхождение к истине // Иван Дмитриевич Ковальченко (1923–1995). К 75-летию со дня рождения. М., 1998. С. 11–12.

69 Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии // История и историки. Историографический ежегодник. 1975. М., 1978. С. 11.

70 Шикло А. Е. Проблемы историографии в преподавательской деятельности и научном наследии И. Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 1997. С. 163.

I. Историография не для всех

вершить. Часть этого материала введена в научный оборот⁷¹. Однако сложность заключается в том, что зачастую мы не имеем доступа к подготовительным материалам, в которых ярче всего проявляется исследовательский метод, имея дело с завершёнными результатами его мыслительной работы.

В этой связи чудесной кажется находка принадлежавшего И. Д. Ковальченко экземпляра автореферата диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме: «Французская историческая школа “Анналов” в современной буржуазной историографии 1929–1979 гг. (Критический анализ эволюции теоретико-методологических основ)», шифр специальности 07.00.09 — историография и источниковедение. Соискателем учёной степени выступил Ю. Н. Афанасьев (1934–2015), в то время — доцент кафедры всеобщей истории и по совместитель-

ству проректор Высшей комсомольской школы (ВКШ) при ЦК КПСС. Вскоре после защиты докторской диссертации, состоявшейся в стенах Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС, он получил место редактора в ведущем идеологическом журнале «Коммунист». На этом карьерный рост новоиспечённого доктора наук не завершился: в 1986 г. Афанасьев стал ректором Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ), который в 1991 г. был объединён с ВКШ и рядом других высших учебных учреждений столицы в Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Пост ректора в новом вузе был отдан Афанасьеву.

В выборе ректора сыграла роль активная общественно-политиче-

⁷¹ Ковальченко И. Д. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): Сборник научных материалов / сост., подг. текста и прим. Т. В. Ковальченко, Т. А. Кругловой, А. Е. Шикло. М., 2004.

ская деятельность Юрия Николаевича в годы перестройки: один из лидеров демократической интеллигенции, он последовательно избирался народным депутатом СССР и РСФСР, являлся сопредседателем Межрегиональной депутатской группы и активно выступал в печати и на телевидении, излагая свои критические взгляды в отношении событий недавнего прошлого. В частности, при его активном участии в 1980-е гг. в стенах Историко-архивного института организовывались исторические чтения и открытые лекции, ставшие ярким маркером перестроечной историографической смуты. Кроме того, его авторству принадлежит расхожая формула «агрессивно-послушное большинство», брошенная им в адрес политических оппонентов на I Съезде народных депутатов СССР в 1989 г. На персональном сайте Афанасьева сказано, что он «активный участник либерально-демократической оппозиции в СССР и России»⁷². Часть исследователей и публицистов в связи с активной гражданской позицией Афанасьева пытается преподнести его как одну из наиболее значимых фигур в перестроечной историографии, предпринимая попытки определить его исследовательское «кредо»⁷³. В 1990-е гг. при непосредственной поддержке и участии Афанасьева под грифом возглавляемого им заведения была издана серия объёмных томов «Россия: XX век», в которых изложена либерально-демократическая концепция развития советского государства, общества и исторической науки⁷⁴.

Вернёмся к автореферату. Он оформлен в соответствии с действовавшими тогда ГОСТами и, как внешне, так и содержательно вряд ли мог вызвать большой профессиональный интерес. Лишним подтверждением тому служит тот факт, что сегодня имя Афанасьева редко упоминается в контексте темы, раскрытию которой была посвящена его докторская диссертация. При том повальном интересе, который обрушился на «школу Анналов» в России в конце 1980 — начале 1990-х гг.,

72 Юрий Николаевич Афанасьев. Персональный сайт [Электронный ресурс.] URL: <https://web.archive.org/web/20071230034644/http://www.yuri-afanasev.ru/> (Дата обращения: 26.03.2023).

73 Напр.: Чечель И. «Профессионалы истории» в эру публицистики: 1985–1991 гг. // Гефтер [Электронный ресурс.] URL: <https://gefter.ru/archive/6697> (Дата обращения: 18.09.2024).

74 Россия, XX век: В 6 кн. / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева; Рос. гос. гуманитарн. ун-т. М.: РГГУ, 1996–1997. Кн. 1: Судьбы российского крестьянства. 1996. XXVI, 595 с. Кн. 2: Советская историография. 1996. 591 с. Кн. 3: Другая война, 1939–1945. 1996. 489 с. Кн. 4. Т. 1: Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. 1997. 509 с. Кн. 4. Т. 2: Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Апогей и крах сталинизма. 1997. 761 с.

стоило бы удивиться причинам, по которым более авторитетными исследователями и популяризаторами её наследия выступили А. Я. Гуревич (1924–2006) и Ю. Л. Бессмертный (1923–2000). По свидетельствам современников, работу по «Анналам» за Афанасьева писал коллектив его подопечных из ВКШ, так что вопрос о научном прорыве в данном случае не стоял⁷⁵. Степень была важнее.

Несмотря на формальность защиты, Ковальченко, выступавший в роли официального оппонента, проявил к работе неподдельный интерес. Оказавшийся в нашем распоряжении экземпляр автореферата, принадлежавший Ивану Дмитриевичу, полон карандашных помет, сделанных твёрдой рукой учёного: многочисленные подчёркивания и отчёркивания, сопровождаемые в ключевых, по мнению их автора, местах вензелеобразным знаком «NB» (*nota bene*, *лат.* запомни хорошо). Немногочисленные и, вероятно, более поздние пометы сделаны синей пастой и относятся к библиографическому подстрочнику автореферата. Пометы по тексту распространены равномерно, их нет только на паре последних страниц, где автор размышляет о связях школы с историческими событиями во Франции. Помимо И. Д. Ковальченко, в роли оппонентов Афанасьева выступили историк-франковед, профессор МГУ А. В. Адо (1928–1995) и специалист по истории западноевропейской общественно-политической мысли, профессор Г. С. Кучеренко (1932–1997). Отдавая должное знаниям и компетентности своих коллег, можно предположить, что Иван Дмитриевич не стал касаться вопросов, которые не входили в сферу его научных интересов.

Подчёркивания, вероятно, должны стать опорой во время выступления на защите, о чём свидетельствует выделение всех формальных частей работы — цели, задач, выводов и т. д. Формально составленный отзыв, предварительно направляемый в диссертационный совет, в архиве Ивана Дмитриевича не сохранился, вполне возможно, что он себе его и не оставил, выступая с авторефератом в руках. Поэтому он подчёркивал во вводной части опорные фразы, что школа «Анналов» «приобрела не только французское, но и общемировое звучание», что она стала «вторым дыханием» в модернизации «методологических основ» немарксистской буржуазной историографии. После этого он выделяет заключительный абзац вводной части, напротив которой выводит подпись «цель». Цель работы Афанасьев свёл к отстаиванию «подлинно научного материалистического понимания истории», т. е. к чисто идеологической проблеме, узость которой для Ковальченко была очевидна.

75 Архив автора.

Преодолевая узость заявленной цели, Иван Дмитриевич выделяет для себя две опоры в работе: проблемы методологии и историографии. Концентрируя внимание на методологии исследования, он поступательно выделяет ритуальные элементы марксистско-ленинской методологии: «учение об общественных формациях, о периодизации всемирно-исторического процесса, об особенностях генезиса феодализма и капитализма», «принцип комплексного, системного подхода к объекту». Отдельно учёный подчёркивает название работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и её в целом хрестоматийный разбор Афанасьевым, в частности мысли о необходимости вскрывать «идеологическую основу, объединяющую все разнообразные антимарксистские течения в борьбе с научной теорией диалектического и исторического материализма». Отсутствие характерного для Ковальченко сочетания вопросительного и восклицательного знаков свидетельствует о том, что эти положения не вызвали у него возражений, тем более что никакого творческого осмысления в них со стороны соискателя докторской степени не проявилось.

Остановиваясь на методологических вопросах, Ковальченко уделяет внимание вопросу о количественной истории. Как известно, И. Д. Ковальченко считается основоположником применения количественных методов в отечественной историографии, на чём во многом основана его научная школа. В связи с этим парадоксальным кажется то, что в тексте автореферата он дважды отчёркивает и выделяет знаком «NB» мысль о количественной истории как «наиболее характерном проявлении дегуманизации и парцелляции буржуазной историографии». Конечно, речь в тексте шла именно о развитии зарубежной историографии, но ведь если она в конечном итоге, по мнению Афанасьева, «сползла» к этой тенденции через применение количественных методов, то где гарантии того, что советская историография не повторит этот вираж? Эта мысль явно беспокоила Ивана Дмитриевича, далёкого от святой веры в защитительные силы принципа партийности в науке. Диктат цифр, их отрыв от реалий, которые они отражали, и превращение в самоценность являлся общей угрозой для мировой историографии и, шире, для всего человечества. В наше время эта тенденция выпрямилась в полный рост, тем более важно, что уже тогда учёный видел эти ростки и впоследствии много размышлял о путях её преодоления.

Далее наступает черёд историографии (это слово в тексте подчёркнуто). Следуя за логикой автореферата, Иван Дмитриевич выделил фразу о значимости «Анналов» для мировой историографии, которой объясняется полярность оценок данного историографического фено-

I. Историография не для всех

мена. Остановившись на позициях противников школы, обвинивших её в «скатывании... к “марксистскому ходу мысли”», Ковальченко выделяет две фамилии — Г. Риттер и Р. Арон — причём последняя фамилия вызвала особый интерес. Его имя в тексте обведено в кружок, а напротив принадлежавшей Арону фразы, что «история есть всегда история духа, даже если она является историей производительных сил» Иван Дмитриевич поставил «*nota bene*». В этой мысли явно проявилось созвучие тем установкам, которые исповедовала школа экономической истории Московского университета, ярким представителем которой был И. Д. Ковальченко. На следующей странице Р. Арон вновь привлекает внимание учёного, выделившего фразу, взятую из «защитительной речи» французского философа в пользу приходящей в упадок Европы о том, что в университетах Франции и Италии под маской школы «Анналов» продолжают «преподавать, распространять, вдальблывать в головы марксизм». Интерес Ивана Дмитриевича к фигуре Р. Арона, социология которого получит большое хождение в среде российских интеллектуалов в 1990–2000-е гг., был неслучаен. Предчувствуя потенциальную привлекательность этих идей в среде советской интеллигенции, Ковальченко стремился отфиксировать это имя для себя, чтобы чётче отслеживать проникновение его идей в скором времени. Также для себя учёный отметил имена французских историков Ф. Фюре и Д. Рише, книги и идеи которых получают большое хождение в нашей стране на рубеже 1990–2000-х гг.

Тем же обстоятельством, на наш взгляд, объясняется выделение в тексте автореферата работ представителей школы, вышедших на русском языке, а также имён советских исследователей, так или иначе касавшихся истории «Анналов». Так, Иван Дмитриевич выделил имена И. С. Кона, О. П. Вайнтейна, Л. Н. Хмылёва, подчеркнул и поставил знак «NB» на полях напротив работ М. А. Барга «Принцип историзма в познании социальных явлений», И. А. Гобозова «Современная французская буржуазная философия истории» и М. Н. Соколовой «Современная французская историография». В условиях методологического кризиса, в котором оказалась советская историческая наука к концу 1970-х гг., для Ковальченко было важно понимать направления поиска коллег. Одни выступали в роли критиков буржуазной историографии, на практике доверяя суждениям зарубежных коллег, другие пытались по-новому прочесть труды классиков марксизма-ленинизма, чтобы обнаружить в них некие ориентиры, третьи шли к коллегам из смежных дисциплин, в первую очередь философам, пытаясь найти помощи у них. Во многом откликом именно на эту методологическую неопре-

делённость стали изданные под его редакцией «Методы исторического исследования».

Листая страницы автореферата и вчитываясь в пометы учёного, убеждаешься, что он очень чётко разделяет для себя предмет исследования и его исследователя. Наблюдения Афанасьева над развитием школы «Анналов» интересовали Ковальченко явно меньше, чем сама школа. В свою очередь в школе его интересовала не степень близости к марксистскому пониманию истории, а её вклад в развитие исторической науки. Одобрение, в частности, вызывало внимание «Анналов» к социально-экономической проблематике, через которую постигались «глубинные процессы жизни общества», т. е. постоянное стремление к обобщениям более высокого порядка, основанным на синтезе исследовательских направлений и имеющим конечную цель, выходящую за пределы теории общественно-экономических формаций.

Что нового вносит настоящий источник в понимание историографического метода И. Д. Ковальченко? В первую очередь то, что для настоящего историографа не существует мелочей. Грамотно вписывая штрихи в общий контекст, можно понять гораздо больше не только о контексте, но и о штрихе. В сущности мы имеем дело с примером исследовательской работы на микроуровне. Автореферат — это сплав наиболее важных идей, причём не только (и не столько) изложенных в исследовании, сколько отвечающих на вопрос о том, к какой научной школе принадлежит автор, в какую эпоху он создаёт свой труд, в какое проблемное поле он его вписывает и т. д. Читая его, Ковальченко не ограничивал себя необходимостью дать банальный отзыв на работу. Он проработал все «этажи» автореферата, активно работая с подстрочником, выявил специфику понимания проблемы Афанасьевым и отделил её от объективного развития «школы», тем самым выразив собственное понимание «онтологического» и «гносеологического» уровней познания, без чего любое историографическое исследование теряет смысл. Проявился в автореферате и прогностический навык учёного, сумевшего прозреть в работе тенденции развития исторической науки на следующем историографическом этапе. Этот ценный пример «полевой историографии», дошедший до нас по счастливой случайности, позволяет полнее ощутить принципы устройства и дух научной лаборатории большого учёного.

Завершить же этот сюжет нам бы хотелось примером ещё одной пометы, сделанной на другом автореферате. В 1986 г. в совете Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР томский историк Л. Н. Хмылёв защитил диссертацию на соискание учёной степени

I. Историография не для всех

доктора исторических наук на тему «Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в.». В архиве И. Д. Ковальченко сохранился экземпляр автореферата с дарственной надписью автора. Иван Дмитриевич не выступал на той защите в роли официального оппонента и вряд ли на ней присутствовал, однако Лев Николаевич посчитал необходимым преподнести экземпляр своего труда коллеге. Внимательно прочитав автореферат, Ковальченко оставил на её задней обложке ремарку. Он обозначил её как пункт 1, хотя других пунктов нет:

«1) На стадии чувственного восприятия исторического источника, обращение к которому задано, выясняется есть ли здесь что-то необходимое в плане поставленной задачи. Но для этого надо вначале воспринять всё, создать определённое представление о реальности и здесь мысливание как заданность не участвует».

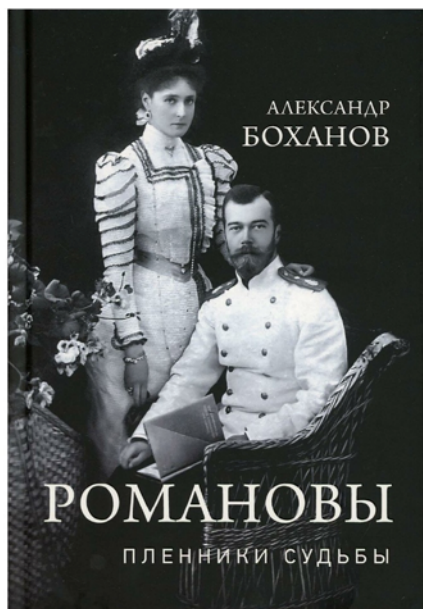
1) На стадии чувственного восприятия исторического источника, обращение к которому задано, выясняется есть ли здесь что-то необходимое в плане поставленной задачи. Но для этого надо вначале воспринять всё, создать определённое представление о реальности и здесь мысливание как заданность не участвует.

**Творчество А. Н. Боханова в свете научных традиций
Исторического факультета МГУ**

Стараниями близких Александра Николаевича Боханова (30 Мая 1944 — † 14 Мая 2017) в 2021 г. вышло первое мемориальное издание его книги «Романовы: Пленники судьбы». Теперь к 80-летию ученого книга была переиздана с дополнением в виде воспоминаний людей, знавших историка⁷⁶.

Книга состоит из 38 очерков, посвящённых разным фигурам Рода и Династии Романовых. Некоторые из тех очерков или их прототипы, начиная с 1990 г., публиковались в журналах или тематических сборниках, некоторые в виде глав в книге «Сердечные тайны Дома Романовых» (М., 2006; 2013). Некоторые были опубликованы впервые в 2021 г. уже после смерти автора.

Русское слово «судьба» нельзя смешивать с понятием «фатум» или «рок». Слово «судьба» в своем фундаментальном значении Русского Церковного Предания означает «Суд Божий» и связано в первую очередь с Высшим Правосудием. Глубоко верующий православный человек, А. Н. Боханов слово «судьба» применил в названии своей книги именно в его исконном христианском значении. Суд Божий в Христианстве вовсе не означает обязательно наказание, как его порой пытаются «культурно» представить и преподнести аудитории некоторые иноверцы и агностики. Главные достоинства Божьего Суда — нелицеприятная справедливость и милость Творца к Своему искренне кающемуся творению.

76 Боханов А. Н. Романовы: Пленники судьбы. М., 2024.

I. Историография не для всех

Именно представителей Царственного Рода Романовых, жизненные обстоятельства которых отображены в разных главах книги, А. Н. Боханов называет «пленниками судьбы» в том Высшем смысле, какой отображён в Книги Притчей Соломоновых: *Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его* (Притч. 21:1).

Самая первая из тридцати восьми глав книги «Отблески погибшего мира» предлагает историософское осмысление миссии отдельного человека в человечестве, «роли личности» и его рода в общей Истории в связи с ключевыми фигурами нашего Отечества, в связи с представителями Рода Романовых от Февраля 1613 г. и до Марта 1917-го. Несмотря на разнообразие характеров в Роду, по точному определению А. Н. Боханова, их объединяло то, что они были «по своему статусу государственными людьми, жизнь и дела которых, согласно писаному закону и непререкаемой традиции, подчинялись интересам Империи, надобностям её внутренней и внешней политики, они обязаны были, вне зависимости от возраста и наклонностей натуры, неукоснительно следовать долгу верности старшему в Династии — Монарху». И общую формулу историк наполняет природно-духовным смыслом: «Так было написано на роду, так было заповедано предками, так распорядился Господь»⁷⁷.

Вторая глава «Круг избранных» посвящена историческому обзору генеалогии и «демографии» Имперской Династии, обширной Романовской родне в разные этапы её существования, особенно после утверждения Императором Павлом Первым в день его коронации 5 апреля 1797 г. законов о престолонаследии и об учреждении Императорской Фамилии. Текст двух законов был тайно составлен и подписан великим князем Павлом Петровичем (20 Сентября 1754 — † убит в ночь с 11 на 12 марта 1801) ещё при жизни Матери-Императрицы Екатерины Великой 4 Января 1788 г. Однако историк рассматривает и все предшествующие этапы Императорского Рода от Царя Петра Алексеевича.

Многодетность великого князя Павла Петровича, его сына великого князя и потом Императора Николая Павловича привели к тому, что к 1917 г. «Царская Фамилия составляла 65 персон»⁷⁸. Значительное внимание повествователь уделяет междинастическим бракам с королевскими и владетельными домами Европы, благодаря которым почти все правящие европейские династии прямо или косвенно породнились с Романовыми.

Следующая глава «Начало Династии» посвящена краткому описанию политических и духовных обстоятельств Великого Москов-

77 Боханов А. Н. Романовы: Пленники судьбы. М., 2024. С. 7.

78 Там же. С. 17.

ского Собора 1613 г., в результате которого Россия обрела и нового Царя Михаила Феодоровича, и в его лице родоначальника Царственной Династии Романовых. Здесь историк в полной мере раскрывает духовно-исторический аспект того события и явления в свете традиций Русского Православия: в разорённой и предельно разобщённой России свершилось то, что ни по каким человеческим планам и людскому разумению свершиться не могло, когда Царь был признан Избранником Божиим единодушно и единогласно — и Собором, и собравшимися в Москве со всей России десятками тысяч людей. А. Н. Боханов, оставаясь в строгих научных рамках и вместе с тем соблюдая требования научно-популярной литературы, без проповеднического пафоса, ясно и доступно излагает именно духовные, церковные составляющие всего процесса от провозглашения нового Царя 21 Февраля и до Венчания на Царство 11 Июня 1613 г. Историчность и объективность такого описания заключается в том, что именно как Избранников Божиих воспринимали Царя Михаила и его наследников и все современники, и поколения верующих русских людей вплоть до 1917 г.

О единственном из доживших до совершеннолетия сыновей Царя Михаила —Алексее Михайловиче рассказывает четвертая глава «Время Царя Тишайшего», посвященная политическому, культурному и духовного возвышению Московского Царства, несмотря на бунты соляной, медный, а затем и разинский, несмотря на вероисповедную смуту, которую принято называть Расколом. У противников церковной реформы не было самостоятельного церковного организма. Как историк, А. Н. Боханов определяет смуту как *откол* части верующих мирян и отпавших в самочиние священников: «Фактического же “раскола” Церкви тогда не произошло, хотя умозаключения противоположного свойства часто встречаются на страницах исторических сочинений. Однако потенциальная и вполне серьёзная угроза подобного развития событий существовала. По существу своему, точнее всё-таки говорить не о “расколе”, а об “отколе” части православного социума от единого национально-церковного организма, поставившего некое “умозрение” выше и значимее соборно-церковного волеизъявления»⁷⁹.

Без параллельной Епископской Иерархии в церковном праве нет Раскола. Канонические признаки Раскола возникли только тогда, когда в 1862 г. часть российских старообрядцев-беглопоповцев вошла в иерархическое подчинение старообрядческому митрополиту Амвросию Белокриницкому (Папагеоргопулосу), проживавшему и служившему в Австрийской империи. Тогда и возникла канонически ушербная (при

79 Боханов А. Н. Романовы: Пленники судьбы. М., 2024. С. 51–52.

одном Архиепископе) Белокриницкая иерархия. Лично мне дорог терминологический педантизм Александра Николаевича в данном вопросе, то, что он пошёл против «привычной» терминологической неточности. Сейчас трудно представить, что термин «Раскол» быстро уйдет из академической науки, где сила привычки иногда довлеет даже не десятилетиями, а столетиями. Но отстаивать научную точность должен каждый добросовестный учёный, которым при массе других научных достоинств, несомненно, был А. Н. Боханов.

В главах, посвященных Царям Михаилу Феодоровичу и Алексею Михайловичу А. Н. Боханов сосредотачивает свое внимание на их личностных проявлениях в определённых исторических обстоятельствах и в связи с их ближайшим окружением — с родственниками, воспитателями, временными фаворитами. А. Н. Боханов знакомит широкого читателя с довольно редкими, не расхожими, малоизвестными фактами. При самобытном подходе в их описании такой приём выражает в данной книге своеобразие просветительской миссии историка.

Подобным повествовательным принципам писатель следует и в последующих 5–13 главах, посвященных выдающимся фигурам, семейным проблемам и жизненным обстоятельствам последней четверти XVII столетия, всего XVIII века с переходом в XIX век в лице сына Императора Павла — великого князя Николая Павловича, взошедшего в бунташном декабре 1825 года на Всероссийский Престол. И хотя в центре повествования остаются Цари Иоанн и Пётр Алексеевичи, Царевна Софья, Императрицы Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета, Екатерина II, Императоры Пётр Фёдорович и Павел Петрович, осуществляется широкий охват приближенных к трону лиц, повлиявших на текущие и дальнейшие судьбы нашего Отечества.

А. Н. Боханов и далее старается уделять внимание семейным и любовным коллизиям, притом совершенно не доверяя расхожим сплетням, но руководствуясь строго научной опорой на документы и достоверные совокупные мемуарные свидетельства приближенных лиц. Особый интерес представляет короткая, но насыщенная фактурой 14 глава «И слезы, и любовь». Она ценна детальным, документированным описанием последних дней, часов и минут жизни Императора Николая Павловича 16–18 февраля 1855 г.⁸⁰ Те дни и ночи проходили в постоянном присутствии супруги и детей у одра умирающего. Так исторически однозначно опровергнута широко распространенная клевета, что Православный Император якобы покончил жизнь самоубийством, приняв яду.

15-я глава «Смерть в Ницце» повествует о горестной судьбе сына-

80 Боханов А. Н. Романовы: Пленники судьбы. М., 2024. С. 266–267.

первенца Императора Александра II — наследника Цесаревича Николая Александровича (8 Сентября 1843 — † 12 Апреля 1865), который был влюблён в Датскую принцессу Дагмар, помолвлен с ней, но из-за внезапной смертельной болезни не дожил до свадьбы. Титул Наследника Цесаревича был воспринят вторым Императорским сыном Великим Князем Александром Александровичем, он же стал новым женихом невесты почившего брата. Об обстоятельствах помолвки и брака повествует следующая глава, за которой следует повествование о принцессе Дагмар, ставшей в Православии Великой Княгиней Марией Феодоровной. Глава «Золотой мальчик» рассказывает о рождении и детстве будущего Императора Николая II Александровича.

Тема личной жизни, взаимоотношений в Императорской Семье и шире — в Императорской Фамилии преобладает почти во всех последующих главах. Иногда описание касается чистой влюбленности и любви, как между Императором Николаем II и Императрицей Александрой Феодоровной («Чистая и сильная, как смерть!», «Умереть и воскреснуть», «Радость со слезами на глазах», «До последнего вздоха»), а порой внимание уделяется семейным скандалам, которых становилось всё больше по мере приближения к революциям 1905–1907 и 1917 гг.

В ряду рассказов о семейных потрясениях светлой печалью проникнута глава «Загадочная чета», посвященная великокняжескому браку 1883 г. Царского Брата Сергея Александровича (29 Апреля 1857 — † 4 Февраля 1905) и Гессен-Дармштадтской принцессы Елизаветы Александры Луизы Алисы — в Православии Великой Княгини Елизаветы Феодоровны (1 ноября 1864 — † 18 июля 1918). Её муж, как и его отец Император Александр II, был взорван террористами в 1905 г., а вдова была умучена в Алапаевске на следующий день после царевубийства 1918 г. Завершающая книгу 38-я глава «Сердце старой Мини» — о Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне в годы Великой войны и революции. Она заканчивается публикацией письма Императрицы-Матери от 27 Ноября 1917 г. в Tobольск своему сыну — Царю-Страстотерпцу Николаю Александровичу...

Книга снабжена именным указателем с краткими биографическими справками на 26 страницах. Авторское «Заключение» книги посвящено критическому разбору некоторых синодальных материалов 1997 г., связанных с «проблемами», якобы препятствующими канонизации Императора-Мученика Николая II⁸¹.

81 Боханов А. Н. Заключение об исторической значимости «Материалов, связанных с вопросом о канонизации Царской Семьи», подготовленных Синодальной комиссией Русской Православной Церкви по канонизации святых (1997 г.) // Русский Вестник. № 1–2. 2000. С. 6–7.

I. Историография не для всех

К тому времени в России уже было переиздано немало книг о жизненном подвиге Государя Николая Александровича, написанных и опубликованных русскими беженцами в 1919–1981 гг., письма Государя и Государыни, их приближенных. Появились и новые исследования российских учёных. Среди них особо выделялись очерки, заметки, публикации документов и книги А. Н. Боханова. Вот далеко не полный перечень его трудов той поры: «Последняя ночь Распутина» (Неделя. 1990. № 6), «Императрица Александра» (Неделя. 1990. № 17), «Николай II: взгляд на исходе XX века» (Альма Матер, бывший «Вестник высшей школы». М., 1991. № 12), «Последний Цесаревич» (Неделя. 1991. № 1), «Вдовствующая Императрица» (Неделя. 1991. № 34), «Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии». (В соавторстве с Д. И. Исмаил-Заде. М.: Перспектива, 1992), «Последний Самодержец» (Свободное слово. 1992. № 14), «Император Николай II» (в сборнике «Российские Самодержцы», М.: Международные отношения, 1993), «Семья Романовых в Марте-Июле 1917 года. Дневник протоиерея А. И. Беляева. Подготовка текста, вступительная статья, комментарий» (Исторический архив. 1993. № 1), «Ты всегда в моих мыслях. Письма короля Георга V Николаю II. Подготовка текста, введение, комментарии, фотографии» (Источник. 1997. № 2), «Модернизация государственной системы России в начале XX века» (в сборнике «Российская государственность: история и современность». М.: Московский государственный институт международных отношений, 1997), «Сердечная тайна царского сына» (Родина. 1997. № 7), «Диагноз: революция. Излечимся ли от извечного российского радикализма?» (Родина. 1997. № 11), «Николай II» (М.: Молодая гвардия, 1997), «Император Николай II» (М.: Русское слово, 1998), «Император Александр III» (М.: Русское слово, 1998), «Прощание с Государем» (Аргументы и факты. 29 января 1998. № 5), «Император Николай II в истории России XX века. О канонизации Государя Императора Николая II» (Материалы конференции, состоявшейся в Москве 28.04.1999. М.: Слово, 1999), «Царь и Дума» (Ять. 1999. № 9), «Царское увлечение» (Теннис. М., 1999. № 5), «Романовы и Английский Королевский Дом: династические узы и политические интересы» (Отечественная история. 2000. № 3), «Курс имперского корабля» (Преподавание истории в школе. 2000. № 6–7).

«Заключение» заканчивалось горькими словами историка: «Тема о Николае II и его роли в истории слишком сложна, многоаспектна; она непосредственно замыкается на многие социальные и политические проблемы, имевшие давние корни и влияющие на жизнь страны по сей день. Выхватывать же из исторического контекста какие-то эпизоды,

делать одномерные выводы — значит пользоваться известным идеологическим приёмом, благодаря которому историю России и превратили в историю “тёмного царства”. В настоящем виде “Материалы” — позорная страница современной истории России. Нельзя не высказать искреннее сожаление, что к фабрикации их были причастны некоторые люди Православной Церкви»⁸².

Выступление А. Н. Боханова в православной газете было не только гражданским и духовным подвигом учёного, но именно оно во многом повлияло на то, что вопрос о канонизации Императора Николая II на Соборе 19 августа 2000 г. был решен почти однозначно положительно.

Во вступительном «Слове от издательства» книги «Романовы: Пленники судьбы» (М., 2024) сказано: «Не будем бояться пафоса: перед вами издание, посвященное памяти **великого человека — великого историка, великого патриота** — Александра Николаевича Боханова. В 2024 году ему исполнилось бы 80 лет... Боханов был, как мы теперь говорим, историком-государственником. Он остро чувствовал проблемы родной страны и не боялся открыто, во весь голос, говорить о них. “Ищите правду!” Этот девиз можно считать девизом всей творческой биографии Александра Николаевича. Он во всем старался докопаться до истины»⁸³.

И всё же изданную посмертно его научно-популярную, просветительскую книгу «Романовы: Пленники судьбы», адресованную к широкой русской аудитории, я не могу считать вершиной его научного творчества. В моем представлении подлинное величие Александра Николаевича Боханова как историка-исследователя и мыслителя раскрывается в таких его фундаментальных историософских трудах, как «Самодержавие. Идея царской власти» (М.: Русское слово, 2002), «Русская идея. От Владимира Святого до наших дней» (М.: Вече, 2005), «Российская Империя. Образ и смысл» (М.: ФИВ, 2012; М.: DirectMedia, 2014; М.: Издательство М.Б. Смолина: Двуглавый Орел, 2020), в историко-биографических монографиях о Государях «Царь Иоанн Грозный» (М.: Вече, 2008; М.: ФИВ, 2013), «Борис Годунов» (М.: Вече, 2011, 2012), «Царь Алексей Михайлович» (М.: Вече, 2012), «Павел I. Гамлет на Русском Троне» (М.: Вече, 2010, 2013). Книги о Русских Государях посвящены и воссозданию их подлинных образов, и развенчанию антигосударственных мифов, разбору нагромождений целенаправленной лжи.

Слова издателей об Александре Николаевиче Боханове как великом историке-государственнике и великом патриоте мне совсем не пред-

82 Боханов А. Н. Романовы: Пленники судьбы. С. 599.

83 Там же. С. 3.

I. Историография не для всех

ставляются пафосными, но отражающими действительное достоинство русского учёного.

Творчество А. Н. Боханова является выражением великой научной университетской традиции не только Московского, но и Санкт-Петербургского, Киевского, Юрьевского и Казанского университетов. Он является достойным продолжателем русской исторической, историософской и философской мысли. В его трудах нашли свое воплощение государственные идеи русских философов-гигантов Николая Яковлевича Данилевского (4 декабря 1822 — † 7 ноября 1885), Константина Николаевича Леонтьева (13 января 1831 — † 12 ноября 1891), Льва Александровича Тихомирова (19 января 1852 — † 16 октября 1923), отца Павла Флоренского (9 января 1882 — † 8 декабря 1937), Алексея Фёдоровича Лосева (23 сентября 1893 — † 24 мая 1988). Виден в нём прямой наследник историков-источниковедов Николая Сергеевича Арцыбышева (1 декабря 1773 — † 27 августа 1841) и Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (14 мая 1829 — † 2 января 1897), основателя методологии экономических исследований в отечественной истории Василия Осиповича Ключевского (16 января 1841 — † 12 мая 1911).

Академик, историк-источниковед Михаил Николаевич Тихомиров (19 мая 1893 — † 2 сентября 1965) в университетской традиции стал своеобразным живым мостом между историко-филологическим факультетом Императорского Московского университета, который он закончил в 1917 г. и был оставлен там для написания диссертации, и учреждённого в 1934 г. исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. М. Н. Тихомиров стал инициатором создания на факультете в 1953 г. кафедры источниковедения отечественной истории и её первым руководителем. После его смерти с 1966 г. кафедру возглавил ветеран Великой Отечественной войны Иван Дмитриевич Ковальченко, историк-аграрник и притом основатель советской клиометрической школы.

Конечно, наибольшее влияние на труды А. Н. Боханова оказала традиция историко-филологического факультета Императорского Московского университета, а после 1934 г. — родного ему исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, который он окончил в 1971 г., но продолжал сотрудничество с кафедрой источниковедения отечественной истории исторического факультета МГУ в лице научного руководителя его кандидатской диссертации 1977 г. «Буржуазные газеты России и крупный капитал: конец XIX в. — 1914 г.» (М.: Наука, 1984) и докторской диссертации 1993 г. **«Крупная буржуазия России, конец XIX в. — 1914 г.»** (М.: Наука, 1992), профессора Валерия Ивановича Бовыкина (7 января 1927 — † 10 сентября 1998).

В последнем разделе книги «Романовы: Пленники судьбы» 2024 г. издания есть подборка воспоминаний и откликов на творческий путь историка к.и.н. Петра Валентиновича Мультатули, к.и.н. Леонида Петровича Решетникова, д.и.н. Сергея Вячеславовича Перевезенцева, к.и.н. Евгения Владимировича Пчелова, тележурналиста Елены Юрьевны Козенковой. В том ряду особо выделяется обстоятельный очерк доктора исторических наук, профессора кафедры источниковедения отечественной истории исторического факультета МГУ Галины Романовны Наумовой «С неизбывными чувствами...»⁸⁴, в котором творчество А. Н. Боханова рассматривается в историософском, методологическом и персонально-личностном контексте как преподавателей всего исторического факультета 1960–1990-х гг., так и кафедры источниковедения. Начало научно-пути А. Н. Боханова его однокурсница вписывает в строй корифеев.

Академик Борис Александрович Рыбаков (21 мая 1908 — † 27 декабря 2001), как и академик М. Н. Тихомиров, но уже опосредованно, являл собой живой мост университетской традиции. Его отец — историк, старообрядец Александр Степанович Рыбаков (30 мая 1885 — † 9 марта 1977) — выпускник историко-филологического факультета Московского университета 1910 г. Б. А. Рыбаков вместе М. Н. Тихомировым был в числе основателей кафедры источниковедения. Членкор АН СССР археолог Артемий Владимирович Арциховский (13 декабря 1902 — † 17 февраля 1978) был среди учредителей (возобновителей) кафедры археологии в 1937 г.

Г. Р. Наумова в ряду факультетских преподавателей поры обучения А. Н. Боханова и её самой особо выделяет фронтовиков археографа Михаила Тимофеевича Белявского (21 ноября 1913 — † 11 февраля 1989), медиевистов Анатолия Михайловича Сахарова (22 мая 1923 — † 1 апреля 1978), Анатолия Дмитриевича Горского (15 марта 1923 — † 8 июля 1988) и Анатолия Васильевича Муравьева (21 января 1924 — † 5 марта 1993), источниковеда Ивана Дмитриевича Ковальченко (26 ноября 1923 — † 13 декабря 1995), историка российского крестьянства Михаила Емельяновича Найденова (21 ноября 1918 — † 21 августа 2007), декана исторического факультета в 1956–1971 годах Ивана Антоновича Федосова (21 января 1921 — † 3 декабря 2001), специалиста по документальной истории компартии Василия Ивановича Злобина (7 февраля 1919 — † 11 января 2008), одного из основателей нашего научного семинара «Традиции исторической мысли».

Г. Р. Наумова пишет: «Школа экономической истории России, к которой культурно, генетически принадлежит А. Н. Боханов, сложи-

84 Боханов А. Н. Романовы: Пленники судьбы. С. 604–617.

лась на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова неслучайно. Общеизвестно, что В. О. Ключевский именно экономические и психологические основания заложил в фундамент подготовленной им традиции. И вопрос был в восприятии этой традиции, её обнаружении и развитии. Не растрачиваясь в деталях, отметим, что **военное поколение историков, то есть наши учителя, оказалось чрезвычайно восприимчивым**(выделено мной. — прим. Л. Б.). Глава школы историков-аграрников И. Д. Ковальченко посвятил себя изучению крестьянской альтернативы русской истории. Изучавший индустриальные процессы В. И. Бовыкин осмысливал пути и направления промышленной модернизации на основе как отечественного, так и иностранного опыта. Кафедра источниковедения, на которой они сошлись для исследовательской и преподавательской деятельности, была чрезвычайно притягательна для студентов, учившихся на историческом факультете во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов. Это был период расцвета кафедры и формирования школы экономической истории. Дальше уже всё зависело от учеников»⁸⁵. В моем представлении вышеперечисленные преподаватели-фронтовики — лишённые чувства страха люди — создавали особую атмосферу свободы творческой мысли и целеустремленного научного поиска.

А. Н. Боханов, автор и соавтор школьных и вузовских учебников истории, более тридцати монографий и почти двухсот научных статей, а также массы заметок, комментариев в публикациях документов. Историк из Канады *Леонид Максименков пишет*, что книги А. Н. Боханова «широко представлены в крупнейших библиотеках мира... список его книг в хранилищах Библиотеки Конгресса США включает 23 наименования. Это достойно российского исторического Гиннеса».

Сейчас перестал быть для нас жизненно актуален и Конгресс Северо-Американских соединенных штатов, и Гиннесс с его пивом и рекордами. Нам дорого то, что книги А. Н. Боханова регулярными переизданиями пополняют и наши библиотеки, и полки книжных магазинов, в том числе в книготорговле через интернет, а спрос на них практически не уменьшается со второй половины девяностых.

Знакомство с научным творчеством А. Н. Боханова у меня началось с публикаций его очерков и статей, посвященных Царской России, в журналах, альманахах, сборниках в конце восьмидесятых. А личное знакомство произошло благодаря моему сотрудничеству с Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой (20 сентября 1926 — † 1 мая 2020). Во время визитов О. Н. Куликовской-Романовой в Россию она в Москве

85 Боханов А. Н. Романовы: Пленники судьбы. С. 606.

с 1991 г. и примерно до середины нулевых обычно жила на разных съемных квартирах на Профсоюзной, в Коломенском, на Пироговке, в высотке на Котельнической. Позже её благотворительному фонду выделили квартиру в Балашихе. Сейчас мне уже трудно вспомнить, где именно проходила её встреча с А. Н. Бохановым, на которой присутствовал и я.

Когда с 2010 года мы стали встречаться с А. Н. Бохановым на научных семинарах, которые организовывал в Москве, Звенигороде, Волоколамске, Санкт-Петербурге Василий Вадимович Бойко-Великий, а также на некоторых семейных торжествах последнего, Александр Николаевич относился ко мне с, возможно, мной незаслуженной теплотой — по-свойски, по-приятельски. Оттого болезнь, а потом смерть Александра Николаевича в мае 2019 г. меня глубоко потрясла, как будто я потерял родного, очень близкого человека. На девятый день В.В. Бойко-Великий организовал поминальный ужин. На него были приглашены историки, в их числе и научный руководитель моей дипломной работы профессор Г. Р. Наумова, которая хорошо знала Андрея Николаевича со студенческих лет.

Тогда обсуждалась идея мемориального издания, в котором собирался поучаствовать своими воспоминаниями о сотрудничестве с А. Н. Бохановым и В.В. Бойко-Великий, а также профинансировать публикацию книги. Для более конкретного обсуждения издания была намечена встреча на сороковой день от кончины историка. Однако тому проекту не суждено было сбыться, поскольку до наступления той даты 18 июня 2019 г. Василия Вадимовича арестовали по ложному обвинению, и начались его следственные, судебные и тюремные мытарства, которые продолжаются до сих пор.

Тогда же обсуждалась идея размещения мемориальной доски на доме в Балашихе, где жил учёный. Последние годы жизни горожанкой Балашихи была и О. Н. Куликовская-Романова. По предложению инициативной группы, она летом 2019 г. направила письмо в местную администрацию. В письме, в частности, говорилось: «Можно со всей уверенностью утверждать, что Александр Николаевич Боханов внёс неоценимый вклад в духовную, культурную, научную жизнь России и всего Русского мира в зарубежном рассеянии в последней трети XX столетия и в начале третьего тысячелетия. Как представитель послереволюционных русских беженцев, невестка Святого Царя-Мученика Николая и Великой Княгини Ольги Александровны свидетельствую о том со всей ответственностью и знанием дела. Самая я лично была знакома с Александром Николаевичем еще с начала девяностых годов — со времени начала деятельности нашего Благотворительного Фонда Имени Ея

I. Историография не для всех

Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны в России. И всегда с удовольствием и не без гордости говорила о близком знакомстве с выдающимся историком русским людям в Канаде, США, Франции, Дании, Греции, Германии, Финляндии, Сербии, Польше, Японии и неизменно находила притом живой отклик с их стороны. Прошлое и настоящее Балашихи имеет глубокие корни, но исторически город достаточно молод, ему еще нет даже ста лет. Формирование местных исторических традиций, их культурная и духовная зримая фиксация имеют крайне важное значение как для повседневной жизни наших горожан, так и для воспитания, осознанного патриотического возрастания молодых поколений. Жилые микрорайоны массовой застройки советского времени и возникшие в недавнем прошлом по всей России отличаются исторической “безликостью” и отсутствием самобытности... Труды А. Н. Боханова уже вошли в золотой фонд Русской Исторической Науки и будут востребованы потомками всех последующих поколений наших соотечественников до конца времён, и вся Великая Россия уже никогда не забудет заслуг перед Отечеством своего верного сына. Тем более считаю, что для нашей Балашихи, где на Первомайской улице я практически постоянно проживаю с начала двухтысячных, чрезвычайно важно отметить заслуги А. Н. Боханова мемориальной доской на доме, где он много лет жил, трудился и умер. Такой знак исторической памяти только украсит наш город и Гагаринский микрорайон»⁸⁶.

И хотя 1 мая 2020 г. О.Н. Куликовская скончалась, возможно, и её голос тоже возымел силу, потому что 25 июня 2020 г. состоялось торжественное открытие мемориальной доски Александру Николаевичу Боханову на доме, в котором жил и работал выдающийся историк, по адресу город Балашиха микрорайон Гагарина, дом 11. В церемонии открытия приняли участие представители администрации города Балашихи, Государственной Думы РФ, Совета депутатов города, жители микрорайона Гагарина и представители Русской Православной Церкви.

По крайней мере дважды мне посчастливилось в моей судьбе еще при жизни великого русского историка Александра Николаевича Боханова в печати публично высоко оценивать его научные и просветительские труды. И счастлив тем, что те мои заметки сам Александр Николаевич читал и даже сдержанно выражал благодарность. Конечно, мог бы написать тогда о многочисленных трудах А. Н. Боханова гораздо больше, и моя совесть на данный счёт неспокойна. Но все же что-то сделал, и потому надеюсь, что при следующей встрече с ним на Высшем Суде он замолвит за меня доброе слово.

86 Архив автора.

Субъективный фактор

*К 100-летию со дня рождения Ивана Дмитриевича Ковальченко
(1923–1995)*

Жизненная проницательность и опыт определяли основное свойство мысли Ивана Дмитриевича Ковальченко — историка, педагога, гражданина. Его мысли и обобщения — исторические, историософские и политические — вырастали из его наблюдений над жизнью человека и общества в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Многие годы научной и педагогической работы он размышлял и делился мыслями с учениками и коллегами, проговаривал то замечательное и долговечное, что вошло в его классические «Методы исторического исследования»⁸⁷, на заседаниях кафедры источниковедения, которой заведовал на историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В основе его методологических суждений лежал фундаментальный опыт собственной исследовательской практики. Рождаясь из этой глубины, идеи И. Д. Ковальченко, продуманные им для себя самого, сохраняли и хранили свое значение для современной исторической науки.

Иван Дмитриевич разрабатывал поставленные им проблемы последовательно и целеустремленно, и каждая из них формировала свой круг изысканий. Экономические и социальные проблемы аграрной сферы, помещичьего и крестьянского хозяйства вызывали интерес к выяснению роли менталитета в аграрном развитии России. Ковальченко давал своим ученикам темы выпускных работ по социально-экономической тематике и социальной психологии.

В 1994 г. по инициативе академика-секретаря Отделения истории РАН И. Д. Ковальченко была проведена международная конференция «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)»⁸⁸.

В основе теории исторического познания И. Д. Ковальченко было

⁸⁷ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; И. Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): Сборник материалов. М., 2004.

⁸⁸ Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) Материалы международной конференции. Москва. 14–15 июня 1994 г. М., 1996.

I. Историография не для всех

решение проблемы трансформации документа в исторический источник, рассмотрение его эволюции, изучение своеобразия «древа жизни» исторических источников, имеющего ствол, ветви и постоянно обновляющиеся листья. Созерцание этого древа имеет самое непосредственное отношение к нашим возможностям реконструкции прошлого.

Ковальченко подчеркивал определяющую роль исторического источника в реконструкции прошлого. Историк должен идти от источника к концепции, а не наоборот. Иллюстрирование автором собственной концепции подбором источников Иван Дмитриевич считал неприемлемым. Казалось бы, это — вещь очевидная. Однако она подвергалась сомнению и даже методологическому неприятию, которое обосновывалось специализацией и классификацией историков, их делением на методологов, историографов, эпистемологов и пр., с одной стороны, и той убывающей группой историков, которые «по старинке» все еще пытаются писать историю по источникам, с другой.

И. Д. Ковальченко опирался на глубокий и разносторонний опыт богатейшей отечественной историографии и системное развитие источниковедения, в основе которого был громадный труд самого историка по освоению массивов архивного материала, сплошному просмотру дел фондов, начатый им еще в студенческие годы в 1947 г.⁸⁹ И уже ретроспективно мы видим, как в дальнейшем источниковедение открывало пути к преодолению методологического кризиса, нараставшего в 1980-е гг.

Одной из тем, которая была важна ученому, являлось соотношение субъективного и объективного факторов. Она была не новой, и в курсе по историографии на семинарских занятиях Иван Дмитриевич знакомил нас, студентов четвертого курса, с дискуссией об объективном и субъективном, или — как говорили на научном языке рубежа XIX–XX веков — номотетическим и идеографическим направлениями. То есть речь шла о соотношении и роли закономерного, общего, и — уникального, особенного, единичного, случайного, размышления о которых продолжают не один век.

В среде учёных традиционно существует разное отношение к явлению субъективности и субъективному фактору в истории, источникам личного происхождения (или встречающейся сегодня в качестве терминологии «эго» источникам).

Анализируя возможности исторической науки, ее стратегии, мето-

89 Только в 1947–1956 гг., по подсчетам В. П. Козлова, на листах использования исследователями более 40 тысяч дел фондов РГАДА (князей Голицыных, Юсуповых, графов Орловых, Орловых-Давыдовых и многих других) до недавнего времени подпись И. Д. Ковальченко была единственной.

ды и теоретические построения, Иван Дмитриевич по-новому подошел к решению проблемы исторических источников, в первую очередь, источников личного происхождения. Ковальченко предложил отечественному источниковедению аргументированное объяснение информационно-ценностной нагрузки источников. Он показал, что характерная для советской исторической науки недооценка субъективности источников, антропологических по своей природе и происхождению, оборачивается негативной оценкой самой категории субъективности, а также односторонним и поверхностным рассмотрением семантической сути явления, и определяющего его концепта. Эта недооценка вела в тупики не открывала исследователям новых путей. Она препятствовала системному анализу информационной ценности источников личного происхождения и ограничивала возможности их использования только той очевидной информацией, которая в каждом конкретном случае выполняла функцию, подтверждающую авторскую концепцию. Об анализе латентной информации речи не шло.

«Есть история говорюв, шумов, событий... И есть история молчания. Того, о чем было промолчано. И эта-то — главная. А “та” — так себе», — писал выпускник историко-филологического факультета Московского университета 1882 г., известный философ Василий Васильевич Розанов⁹⁰. И был прав. Арсенал средств и методов работы с источниками, наработанный И. Д. Ковальченко, его учениками и коллегами, показал реальность осуществления этой задачи.

На преодоление потребительского подхода к источникам, выработку ценностной ориентации к качеству, органически присущему источникам личного происхождения, то есть качеству субъективности (во всем богатстве его проявлений, включая многомерные личностные измерения) Иван Дмитриевич ориентировал своих учеников, избравших в качестве исследований тематику социальной и исторической психологии.

Однако и спустя годы у части научного сознания можно встретить пренебрежение к изучению явления «субъективного» и «субъективности». Демонстрируемое им нежелание содержательного и аксиологического рассмотрения данного фактора в истории и современной жизни, принципиальное отбрасывание «субъективного» как некоего «дефекта», недостойного научного внимания и не имеющего содержательной научной ценности, не оставляет исследователю шансов для глубокого и всестороннего понимания той исторической жизни, которую он изучает. Невнимание к «субъективному» и поискам «объективного» в «субъективном» не помогает толкованию процесса порождения истории

90 Розанов В. В. Мимолетное. 1915 // Русская Идея. М., 1992. С. 284.

I. Историография не для всех

ческого действия или исторического события, например, анализу воспоминаний (не только запечатленных на бумаге, но и запавших в сознание) и памяти о них, а, следовательно и исторической памяти. Сегодня такая нигилистическая позиция представляется тем более странной, что в изучении «субъективного» существует исторически глубокая и содержательно богатейшая отечественная и зарубежная традиция⁹¹.

Вспомним о логике исторического процесса становления российской государственности, открытого еще Николаем Михайловичем Карамзиным (1766–1826) своему читателю «Истории государства Российского». Она выстраивалась на фундаменте, созданном из компонентов генетического (родового и индивидуального) и психологического подходов, соотношение которых историк объяснял в каждом конкретном случае, стараясь уловить в них смыслы общего и индивидуального. Многолетняя кропотливая работа

с источниками, проделанная Карамзиным, позволяла ему ставить задачу необходимости изучения историко-психологической реальности как ткани и питательной среды исторического процесса.

В результате синтеза психологизма, который талантливый писатель внес в историческую науку, став историографом, и наработанного им уже трудом историка историко-генетического подхода, Карамзин не только «живописал» историческую действительность русского средневековья и характеризовал представителей княжеской, великокняжеской и царской элиты, но также углубленно исследовал природу, характерные черты московской власти XIII–XVI вв.

Синтез историко-психологического и генетического подходов стал для Карамзина тем методом, который открывал новые возможности

91 Лачаева М. Ю. Историческая психология: актуальность метода и потенциал для научного исследования (опыт обобщения отечественной литературы) // Локус. Люди. Общество. Культуры. Смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 105–106.

живописания исторической действительности и исторической портретистики представителей княжеской, великокняжеской и царской элиты, углубленного исследования ее природы, характерных черт, а также определивших их конкретно-исторических факторов, предоставивших возможность московским князьям проявить себя в истории.⁹²

Для Николая Михайловича особую ценность имел анализ истока, того начала, в котором зарождалась корневая основа последующих действий. Важное значение он придавал причинно-следственному психологизму. Определяя характер мышления правителя, Карамзин непременно учитывал, и, если позволяли источники, живописал с присущим ему литературным талантом опыт детства, переживания, наблюдения, сделанные тогда, в детстве, и те выводы, которые затем оставались в правителе на всю жизнь как предостережение и предупреждение об опасности для собственной власти и государства. Детство и условия взросления, безусловно, влияли на характер избирательности памяти будущего правителя, ее осмысленную направленность и нацеленность на совершенно конкретные вещи, которые предстояло продолжать уже наследникам. При рассмотрении этих вопросов Карамзин выстраивал семантические пространства ответственности родителей в передаче наследнику главной ценности — «великой цели» освобождения и укрепления государственности, на пути к достижению которой «судьба испытывала людей и государство многими неудачами»⁹³. Таким образом создавалась определенная преемственность. Речь шла, прежде всего, об идее «единодержавия». Карамзин придавал большое значение созреванию этой «благодетельной мысли», дававшей надежду на преодоление бедствий России, которые «произошли от несогласия и слабости князей», преодоление, возможное только при условии наличия «мужественной воли». Единодержавие открывало историческую перспективу — разорвать цепи ханского ига, изготовить «средства независимости и величия государственного»⁹⁴. Итак, концепт «единодержавия» для Карамзина становился ведущим. Счастливному соединению идеи и воли, по мнению Карамзина, Русь обязана Иоанну I (Ивану Калите, умер 31 марта 1340 г.). Калита соединил «лестное» для себя и «нужное для спокойствия государства» в одном — своем княжеском первенстве, которое

92 Лачаева М. Ю. Синтез психологизма и историко-генетического подхода в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Карамзинский сборник. Вып. 8. М., 2021. С. 217.

93 Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга 2. Т. V. М., 1988. С. 1.

94 Там же. С. 134.

I. Историография не для всех

боялся «утратить». Первенство Москвы достигалось политическими средствами, которым Калита, по своему складу, отдавал предпочтение перед военными средствами. В ход шли лесть, дары хану, очернение противника⁹⁵. Не скрывая от читателей фактов злодейства и коварства «собирателя земли Русской», сам Карамзин испытывал определенные нравственные коллизии. Но и к этому вопросу Николай Михайлович подходил исторически. Живописуя Ивана I, Карамзин обращал внимание просвещенного читателя XIX в. на историческую дистанцию, которая отделяла его от жестокосердных, свирепых нравов XIII–XV вв.

Отметим, что консервативный романтизм и идеализм в духе государственных добродетелей, на принципах которых уже в Новое время воспитывались российские императоры, позднее принесли немало бед во внешней политике уже императорской России.

Карамзин раскрывает, синтезируя генеалогический и психологический факторы, важные стороны истории отечественной государственности. Рассмотрение генеалогии московских правителей выстраивается историком-писателем при помощи анализа способности каждого из них к государственной деятельности и руководству государством. Сопоставление личных возможностей и их активности, а деятельное правление для историографа является важнейшим критерием оценки правителя («время государей тихих редко бывает спокойно: ибо мягкосердие их имеет вид слабости, благоприятного для внешних врагов и мятежников внутри страны»⁹⁶) в глазах Карамзина характеризует их роль в истории государства Российского. Психологические характеристики, данные Николаем Михайловичем московской династии, раскрывают внутренние характерные свойства каждого правителя, а также показывают влияния, которые оказали на личностные качества внешние факторы, то есть среда и обстоятельства. Вместе с тем, Карамзину была важна «живая» реакция характера в действиях на политической сцене, воздействие личности властителя на процессы, происходившие в Российском государстве в важнейший исторический период его становления, на людей и конкретные события.

Жизненные впечатления с течением времени в сознании государей и династии насаивались и вырабатывалась «историческая память». Она оказывала свое воздействие на решение новых задач, которые ставились перед представителями каждого следующего поколения власти. Это взаимопроникновение и «затверждение» становилось фундаментом

⁹⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга 2. Т. V. М., 1988. С. 135–136, 142, 147.

⁹⁶ Там же. С. 174.

жизни и деятельности, поступков уже следующего наследника.

Карамзин выделил три цели московской политики, которые были решены. Первая — прервать или облегчить «ордынские цепи», вторая — удержать Литву от агрессии против Московии, и третья — усилить Московское княжество за счет присоединения к нему независимых княжеств. Каждый следующий московский властитель и каждое следующее княжение, позднее царство были окрашены его личностью, отличались направленностью внимания правителя на конкретные проблемы, проявлением его потребностей, стремлений, чувств, интересов, характера, взглядов на действительность. Время приносило историческое своеобразие и краски. Учитывая сочетание внешних и внутренних (индивидуальных, личностных, родовых и присущих кровным родственникам, переданных по наследству, воспитанных конкретными людьми в определенных обстоятельствах) влияний, Карамзин создал портретную галерею русских властителей.

Ее стержнем является «счастливая идея» — укрепления и роста государственности, которая, по Карамзину, вошла в плоть и кровь московской династии и стала вектором собирания и развития страны. Выстраиваемая историографом генеалогическая и генетическая цепь скрепляла устойчивые психологические свойства представителей московской власти. Передававшиеся по наследству черты проявляли себя в политике.

Карамзину было важно показать, что каждый из строителей московского государства считал принципиально важным сохранение своей власти и «славного дела государственного могущества», чем и оказалась сильна династия. «Действие часто бывает долговременнее причины: внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя и живут в других обстоятельствах. Прославим действие веры: она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцем, ни умолкнуть совести; в уничтожении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну православия», — писал он⁹⁷.

Процесс формирования политических линий поведения московских князей Карамзин показал через: а) образы (отца, враждебного окружения, жен); б) усиление наследственных характерологических особенностей, укрепление одних черт и исчезновение других в конкретных князьях; в) их одиночество и интриги; г) меру государственной одаренности каждого. Историк проводит московского властителя сквозь а) борьбу и понимание им ее задач, б) переживания, утраты, и

⁹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Книга 2. Т. V. М., 1988. С. 218.

I. Историография не для всех

как следствие в) ожесточение в зрелые годы, которое придает твердость и решительность политической линии. «История государства Российского» структурирована по правлениям. Это давало возможность ее автору показать особую роль психологическим свойствам каждого московского правителя, проанализировать его психологические состояния (возрастные, в конкретных обстоятельствах и т. д.). В силу статусного положения московских правителей XV–XVI вв. и их роли в восточно-европейском пространстве психологический фактор оказывал влияние на международную историко-психологическую реальность своего времени. Их проявления историк отмечал во вполне видимых результатах политической истории и не только в Московии. На конкретные властные политические и управленческие занятия, приобретение умений и навыков, формирование привычек московских властителей накладывал отпечаток, определяющий поведение, индивидуальный темперамент правителя, который одновременно представлял систему наиболее характерных, устоявшихся черт личности. Сам характер формировало индивидуальное сочетание существенных сторон личности, прошедших «обработку» системой отношений конкретной исторической действительности.

История «свидетельствовала», она «не терпела», она «не доказывала»: «История, — писал Николай Михайлович, — не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему: ибо сие мудрствование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для которого она пишется». И чуть раньше: «История свидетельствует, что есть время для заблуждений и для истины»⁹⁸.

«История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина заложила традицию, став первым монументальным междисциплинарным исследованием, совместившим в себе историческое повествование, источниковедение, генеалогические и историко-психологические подходы.

В конце XX в. отечественная историческая наука вновь переживала «феномен Карамзина». Актуализация опыта дореволюционной отечественной историографии в постсоветской России была не случайна. «Восстановление мостов» принесло немало пользы в осмыслении психологических оснований передачи исторического опыта, в том числе и на таком тонком уровне как мысли, а также того, что вошло в состав нашего существования из прожитого и пережитого предыдущими поко-

⁹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Книга 2. Т. V. М., 1988. С. 222, 220.

лениями, а через нас перейдет к тем, кто придет нам на смену. Изучение антропологического кода культуры оказалось созвучно настроениям учёных и второй половины XIX— начала XX вв., и рубежа XX–XXI вв.

Замечательные подходы к историко-психологическому анализу подарил нам великий русский историк Василий Осипович Ключевский (1841–1911). «Руководящей исторической идеей» народа, которая с настойчивой регулярностью реализовалась в русской истории, когда речь шла о феномене осознания истории и восстановления государственности, для В. О. Ключевского являлась «историческая память». Она входила в духовную жизнь народа, поднимала дух и настроение. Этим настроением, по мнению историка, «народ жил целые века; оно помогало устроить ему свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок». Так, по Ключевскому, народ становился фундаментом, опорой государства.

Сила и продолжительность исторической памяти, по Ключевскому, зависит от того, была ли личность и ее деяния или историческое событие и факт «отзвуком какого-нибудь ценного общечеловеческого или, по крайней мере, национального мотива» или в них прозвучало «чисто индивидуальное настроение». Историк отдавал приоритет национальному, которое являлось для него критерием.

В национальной культурной памяти оставались те, кто был «способен искать пищи для ума в себе самом, много передумал», смог выработать умение наблюдать и «по наружным приметам угадывать душевное состояние», чья «неугомонная, вдумчивая, привычная к постоянной деятельности мысль» вместе с воображением придавала энергию их творчеству и деятельности.

Историк характеризовал структуру народной памяти и особенности ее функционирования. В изучении народного отношения к событиям и действующим лицам нашей истории сквозь века Ключевский видел

I. Историография не для всех

важную задачу историка.

Недостаток современной историографии историк видел в том, что ее основное внимание сосредоточилось «на технике ее правительственной машины», а на общество она смотрела «сквозь сеть правивших им учреждений, а не наоборот». Именно поэтому историки заставляли, по Ключевскому, «Россию столько раз умирать, переживать столько метапсихозов⁹⁹».

Историк относился к народу как исторической личности. Значение народа он видел «в его историческом призвании», которое выражалось, во-первых, «в том мировом положении, какое он создает себе своими усилиями», и во-вторых, «в той идее, какую он стремится осуществить своею деятельностью в этом положении»¹⁰⁰.

Народ выполняет свою роль на мировой сцене «теми силами, какие успел развить в себе своим историческим воспитанием». Таким образом, Ключевский поставил вопрос о традиции и «идеале исторического воспитания народа». Этот идеал достоин исторического изучения. Он состоит «в полном и стройном развитии всех элементов общежития и в таком их соотношении, при котором каждый элемент развивается и действует в меру своего нормального значения в общественном составе, не принижая себя и не угнетая других»¹⁰¹. Сами же результаты исторического воспитания проявляются в судьбе государства и народа. Для историков они становятся очевидными в процессе исторического изучения.

Народ — для Ключевского — это понятие сложное: этническое, этическое и духовно-нравственное. В русском народе Ключевский видел совокупную историческую личность, которая помнила о своем начале, о своем росте, о важнейших событиях народной жизни. Основным критерием народа историк называл «помышление о нравственной ответственности перед отечеством наравне со святыней». Такого культурного уровня предстояло достичь русскому племени, которое в исторической перспективе долгим и трудным путем сначала выработается в русскую народность, и только позднее в русский народ.

Неотъемлемым в народе были его привычки, предрассудки и обычаи, складывавшиеся веками. В случае забвения прошлого, сам факт которого свидетельствует о незрелости конкретных народов, вступает в свои права исторический закон. В этом случае закон выступает в роли строгого, неумолимого дядьки, и бывает даже их палачом, когда «глу-

99 Метапсихоз — греческое учение о переселении души умершего во вновь родившийся организм.

100 Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т.1. М., 1987. С. 60.

101 Там же.

пая детская строптивость переходит в безумную готовность к историческому самозабвению».

Государственное строительство сопряжено с периодической сменой элит, которые расположились между государством и народом. Рассматривая обстоятельства успеха или, наоборот, неудачи, Ключевский считал обязательным учитывать наличие или отсутствие «вкуса к власти», осознания необходимости упрочения политических прав правящим классом. Он изучал средства и механизмы реализации элитой своих притязаний, умения (или неумения) элиты влиять на общество. Историк анализировал соответствие реальных интересов и деклараций. Счеты и ссоры внутри элиты и ее недостаточное внимание к проблеме взаимоотношений элиты с государством, с одной стороны, и народом с другой, неумение тщательно выстраивать линию взаимоотношений по этим двум направлениям вели к периодической потере элитой своего господствующего положения.

Особенно опасными бывали ситуации, когда правящая знать оказывалась «на низшем уровне понятий сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами — участь, обычно постигающая общественные сферы, высоко поднимающиеся над низменной действительностью».

Ключевский показал, чем отличается личное сознание от сознания общественного. Если личное сознание идет от установленных причин к возможным последствиям, то есть от настоящего к будущему, то общественное сознание «расположено входить к искомому причинам от данных последствий», то есть от прошлого к настоящему¹⁰².

При отсутствии в работах Ключевского термина «архетип», историк передал свое глубинное понимание всеобщей связи через систему понятий, в частности, «культурный запас», который дошел до нас и «вошел в состав нашего существования, а через нас перейдет к тем, кто придет нам на смену». «Я не знаю, — писал Ключевский, — каков будет человек через тысячу лет; но отнимите у современного человека этот нажитой и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей — и он все забудет, всему разучится, и должен будет начинать сызнова».

Ключевский признавал действие в истории закона психологической ассоциации и исследовал разнообразные мотивы поведения, которыми «служат как психологические и нравственные побуждения, так и практические цели, житейские расчеты». Он выявлял умолчания и анализировал их причины и следствия, показывал значение данного фактора в истории.

102 Ключевский В. О. Сочинения. Т. VII. С. 382.

I. Историография не для всех

Ключевский предложил интереснейшие понятия, которые остаются полезными и современным историкам. Так, он выделил словосочетание «состав настроения» и проанализировал факторы, влиявшие на его изменение, что также имело свои исторические последствия — перемены социально-политические и культурные. Историк проанализировал «состав настроения» дворянского сословия нескольких исторических эпох, начиная с середины XVII в. и до первой половины века XIX в знаменитом произведении «Евгений Онегин и его предки».

«Настроение» как личное, так и общественное, в том числе и «текущее житейское» является для Ключевского важным понятием. Настроение может долго оставаться загадкой и для общества, и для личности. Причина этого видится историку в характере развития и сочетании внешних и внутренних воздействий и взаимодействий (или противодействий). Например, «вычитанных образов, принятых за свою собственную мечту».

Василия Осиповича интересовало, чем питалась пробудившаяся мысль: «непосредственным наблюдением», характером чтения, впечатлений, в каком сочетании они воздействовали. Он рассматривал, не была ли нарушена «естественная очередь предметов размышления» сильным внешним влиянием на неокрепшее внутреннее естество; как изучались предметы, из которых складывается жизнь сердца и те обстоятельства и факторы, что направляют настроение души.

Удивительным образом Ключевский показал общезначимое в индивидуальном. Он раскрыл историко-психологические закономерности трансформаций личных и общественных, энергию движения которым придала вера в идеал, потребность в счастье, а в случае крушения надежд два исхода: разочарование или отрезвление. Каждое из этих понятий — идеал, счастье, разочарование, отрезвление — Ключевский раскрыл, прописав внутренние связи между ними.

Вместе с тем, историческая психология, мастерами которой были и Карамзин, и Ключевский, и многие другие отечественные историки, является полем междисциплинарного исследования. К ней проявляют интерес не только историки и психологи, но также философы, филологи, социологи, нейробиологи, нейрофизиологи, психотерапевты, богословы... Представители каждой из названных областей определяют свой угол зрения, цели, задачи и методы при обращении к историко-психологическому материалу. При всех отличиях, связанных с предметной спецификой учёных разных областей знания, историки еще не завершили работы по выявлению точек соприкосновения и выделению наиболее полезного опыта в изучении природы и оснований историко-психического бытия, психологического объяснения исторического про-

цесса и его составляющих. Много делается, но остается сделать еще больше, поскольку многообразие и фундаментальность отечественного исследовательского опыта открывает современным учёным еще более широкие горизонты для его творческого освоения и применения.

К ключевым вопросам, которые не могут обойти вниманием историки, относится проблема психологической причинности, проблема личности и другие. Так, например, один из многочисленных отечественных мыслителей, философ Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) искал научные основания, посредством которых можно было бы объяснить устойчивость связи психических процессов, обосновать реальное единство психики, рассмотреть вопрос о природе воспроизведения психических представлений, психологической причинности.

Зеньковский выдвигал на первый план познание загадки индивидуальности, поскольку за пределами типического всегда остается неделимый остаток — то, что может быть названо ядром индивидуальности, и может быть нами оцениваемо. Ценность индивидуальности, «усваемая опытно, делает ее для нас реальной». И эта реальность является объектом познания.

Зеньковский был сторонником идеи самостоятельности психической причинности — то есть своеобразия психики. Он ввел в психологию понятие «центра психики» как ее творческого ядра, как субъекта психического развития.

Возможность приложения к психике понятия причинности обосновывалась учёным факторами подчиненности психики времени и приложимости к ней понятия силы. В понятии «психологической причинности», по Зеньковскому, содержится реальная подвижность бытия, и что особенно важно для историков — «его подчиненность времени». «Где есть время, там есть изменчивость и подвижность», — писал Зеньковский¹⁰³.

Источником изменчивости является «сила». В каждый конкретный исторический период или эпоху отдельные «силы» связаны в конкретную «систему сил», которая в данное время является «устойчивой» и может казаться современникам «неизменной». В каждый конкретный исторический период или эпоху «система сил» связывает основные моменты исторического бытия — «тождество» и «текучесть». Время через «систему сил» ограничивается определенными началами. Время проникается «необходимостью», выраженной вектором (от латинского «несущий»), возникающим в результате воздействия и борьбы «актов».

103 Зеньковский В. В. Проблема психологической причинности. // Собр. соч. Т. 3. М., 2011. С. 189.

I. Историография не для всех

Существуют разные формы необходимости, которые овладевают бытием. «В известном смысле и логическая и моральная и другие формы высшей необходимости суть “силы”, поскольку они обнаруживают “тенденцию” подчинить себе бытие, обнаруживают “способность” развивать огромную мощь, захватывая все большие и большие сферы бытия», — писал Зеньковский¹⁰⁴.

Основными условиями приложимости причинности к бытию является наличие в бытии сил и его подчиненность времени. Что касается «необходимости», то независимо оттого, что есть разные виды необходимости, сущность причинности не в ней (т.е. не в необходимости).

Тем не менее, мы обязаны поставить вопрос о наличии необходимости в причинных связях и о природе этой необходимости.

Историки интересуют течение психической жизни во времени, ее формы и воздействие на историческую реальность, поскольку мы признаем реальность времени. Историки изучают время как форму восприятия внутренней жизни, а также личное к нему отношение (мемуаристов, литераторов, государственных и общественных деятелей, мыслителей и историков), выявляют свидетельства о «внутреннем опыте» и опыте, возвышающемся над ним. «Если ставится вопрос о подчиненности времени, то дело идет лишь о том, все ли акты в психической жизни вовлечены в поток (исторического. — *прим. М. Л.*) времени», — задавался необходимостью выяснения Зеньковский¹⁰⁵.

Сам Зеньковский также внес свой вклад в отечественную мыслительную традицию и продолжил ее. Большое влияние на Зеньковского оказали работы Льва Михайловича Лопатина (1855–1920) — философа и психолога, который анализировал феномен реально исчезнувшего прошлого, «восстановленного в сознании» конкретного человека, в том числе мемуариста, разрабатывал проблемы творческой причинности.

Названные монументальные фигуры учёных — лишь одни из многих и многих, изучение взглядов которых подвластно современным историкам благодаря излюбленному И. Д. Ковальченко историографическому методу. Анализу накопленного наукой теоретического и методологического инструментария, его обобщению и пристальному рассмотрению Иван Дмитриевич уделял постоянное внимание, привнося в него свой неповторимый опыт. Мы с благодарностью вспоминаем о нем — учено-классике, оставившем нам вдохновляющий пример понимания науки как неотъемлемой части культуры.

104 Зеньковский В. В. Проблема психологической причинности. // Собр. соч. Т. 3. М., 2011. С. 189.

105 Там же. С. 190.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский как русский мыслитель

Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский относится к числу выдающихся деятелей отечественной культуры и просвещения, чьи имена если не забыты, то перемещены нашим временем на второй план. Литературовед и лингвист, санскритолог, мифолог, критик, социолог, этнограф, историк литературы и культуры, психолог, профессор Новороссийского, Казанского, Харьковского и Петербургского университетов, почетный член Петербургской академии наук (1907), затем Российской академии наук (1917), он при-

надлежит плодотворной и противоречивой, богатой парадоксами эпохе русского Серебряного века и в полной мере несёт в себе её черты. Научное наследие Овсяннико-Куликовского поистине велико. Многократные издания его монографий — о Пушкине, Грибоедове, Гоголе, Тургеневе, Льве Толстом, Чехове, четыре собрания сочинений, перепечатка его работ в хрестоматиях по разным дисциплинам — объективные свидетельства его былой популярности как учёного.

Родился он 23 января (4 февраля) 1853 г. в семье крупного помещика Николая Николаевича Овсяннико-Куликовского в имении Каховка Таврической губернии. Его род восходил корнями к запорожским казакам Кантемира, включал потомков светлейшего князя Григория Потемкина-Таврического и за свою бурную историю, обычную для этого уникального края — Новороссии, — выбрал русскую, украинскую, греческую, польскую, турецкую кровь.

Первого из известных Куликовских жаловал землями Пётр I. Но самым ярким из семейных преданий была трагическая история любви пра-

деда литератора, полковника Дмитрия Матвеевича Куликовского, героя русско-турецкой войны 1768–1774 гг., к жене херсонского уездного судьи Тимофея Овсянникова, Елизавете. Следствием их связи было как его заключение в крепости по надуманному обвинению и её загадочная гибель, приписываемая ревности мужа, так и рождение единственного сына, Николая Дмитриевича, который впоследствии соединил две фамилии в одну и стал первым Овсяннико-Куликовским. Жена его Варвара Ивановна, дочь херсонского вице-губернатора, была внучкой князя Потёмкина и, как говорили, самой Екатерины II. Икона Святых Николая и Варвары, написанная в память об основателях фамилии, удивительным образом сохранилась в усадебной церкви Святой Варвары соседнего с Каховкой имения Бехтеры.

Особая атмосфера культурной русской усадьбы, о значении которой писал Д. Н. Овсяннико-Куликовский в своих литературно-критических произведениях, была знакома ему не понаслышке. Его прадед приобрел целую область между Днепром и Перекопом и заселил её крестьянами, купленными в Курской губернии. От прадеда, собравшего огромную по тем временам библиотеку, как полагал Овсяннико-Куликовский, он унаследовал страсть к чтению. Дед литератора владел крепостным оркестром в Бехтерах и в 1810 г. подарил его Одесскому оперному театру, что даже послужило косвенным поводом для того, чтобы его имя оказалось в советском «Энциклопедическом музыкальном словаре», хотя и в разделе «Музыкальная подделка»¹⁰⁶.

Окончив симферопольскую гимназию (переезд в Симферополь был обусловлен вторым браком отца с дочерью таврического губернатора), в 1871 г. Д. Н. Овсяннико-Куликовский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, но после двух лет учёбы, перенеся тяжелый тиф, вернулся на юг России и продолжил образование в Новороссийском университете в Одессе. Именно в этом городе начали формироваться его научные и общественные интересы. Научные занятия, в которых на первый план выдвинулись сравнительное языкознание и санскрит, совмещались с самостоятельными изысканиями по русскому расколу и сектам, как и с увлечением социально-политической литературой — Чернышевским, Лассалем, Марксом. В Одессе он сблизился с деятелями украинского национального движения, был принят в «Громаду», хотя и не разделял их крайних по-

106 Энциклопедический музыкальный словарь. М., 1966. С. 331. Об истории подделки «симфонии № 21 Овсяннико-Куликовского» советским композитором М.Э. Гольдштейном см.: *Полищук Я.* Гений или злодей // Литературная газета. 1959. 5 янв.

зий. В 1876 г., перед отъездом в Петербург, Овсянко-Куликовский познакомился с одним из их лидеров М. П. Драгомановым, с которым впоследствии тесно сблизится за границей¹⁰⁷.

Спор по поводу принадлежности Овсянко-Куликовского к русской или украинской культуре, думается, был разрешен еще в 1927–1928 гг. на страницах «Евразийского временника» и «Евразийской хроники». Д. И. Дорошенко, считавшему Овсянко-Куликовского в числе некоторых других литераторов «продуктом творчества украинского гения, украинского духа»¹⁰⁸, отвечал Н. С. Трубецкой, справедливо указавший, что названная оппонентом группа авторов «не думала отказываться от своей общерусскости и продолжала творить на поприще общерусской культуры»¹⁰⁹.

Осенью 1876 г. Овсянко-Куликовский снова приехал в Петербург и зачислился в университет вольнослушателем. Там он начал работать у известного санскритолога, профессора И. П. Минаева, при помощи которого познакомился с лингвистическими теориями В. Гумбольдта, Штейнталя, Лацаруса, М. Мюллера, Гейера; собирал материалы в Публичной библиотеке. Кроме того, он получил доступ в круг петербургской радикальной молодежи, участвовал в нелегальных собраниях — выступал на конспиративных квартирах с лекциями о расколе и сектах, — по причине чего однажды был допрошен в III Отделении. От ареста будущего учёного спасла протекция знакомого юриста, друга семьи.

Через год Овсянко-Куликовский получил от Новороссийского университета командировку за границу для подготовки к профессуре по кафедре сравнительного языкознания и санскрита, там он продолжил совмещать науку с «политическим образованием», по его собственному выражению. Проживая в Женеве, Париже, Праге, он встречался с Г. А. Лопатиным, Н. П. Цакни, Н. В. Чайковским, М. М. Ковалевским, но особенно сблизился с тремя людьми, олицетворявшими три различных идейных направления, — уже упомянутым М. П. Драгомановым, одним из первых русских пропагандистов марксизма Н. И. Зибером и народником П. Л. Лавровым. В 1877 г. в Женеве конспиративно, без указания автора, была издана его брошюра «Записки южно-русского социалиста». Вращаясь ещё и в левокадетских и легальномарксистских

107 В том же 1876 г. деятельность «Громады» как культурно-просветительской организации была запрещена, она перешла на нелегальное положение, часть участников во главе с М. П. Драгомановым эмигрировала в Швейцарию.

108 *Дорошенко Д. И.* По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого «К украинской проблеме» // *Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 389.*

109 *Трубецкой Н. С.* Ответ Д. И. Дорошенко // Там же. С. 402.

I. Историография не для всех

кругах и исповедуя социалистические убеждения, Овсяннико-Куликовский так и не стал активным участником той или иной партии, принципиально сохраняя самостоятельность и независимость суждений.

Проведя пять лет за границей и возвратившись в 1882 г. на родину, молодой учёный защитил в Московском университете *pro venia legendi*¹¹⁰эту работу «Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок Сомы, в связи с концепцией речи и экстаза» и получил звание приват-доцента по индоиранской филологии. Это дало ему право в следующем году занять соответствующее место в Новороссийском университете, в котором он проработал четыре года.

Исследования Овсяннико-Куликовского по ведийской мифологии и философии были одними из первых в России. В течение короткого времени, развив очень интенсивную научную деятельность, он защитил подряд две диссертации: в 1885 г. в Харьковском университете магистерскую — «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности, в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общечеловечности. Культ божества Soma в древней Индии в эпоху Вед», а в 1887 г. в Новороссийском университете докторскую — «К истории культа огня у индусов в эпоху Вед», опубликованную также по-французски в «*Revue de l'histoire des religions*» под заглавием «*Les trois feux sacrés du Rig-Veda*»¹¹¹. В том же году тридцатичетырёхлетний доктор получил место профессора в Казанском университете, спустя год он переведён в Харьковский университет, с которым будет связана вся его дальнейшая педагогическая деятельность: он покинул университет в 1905 г.

В Харькове Овсяннико-Куликовский преподавал сравнительную грамматику индоевропейских языков и санскрит, состоял редактором «Записок Императорского Харьковского Университета», деятельно участвовал в харьковских сборниках «Вопросы теории и психологии творчества». Еще в 1884 г., когда он приехал в Харьков для представления к защите своей магистерской диссертации, Овсяннико-Куликовский познакомился с А. А. Потебней и был поражен умом и человечностью маститого учёного. «Дарвин языкознания», как впоследствии назвал он Александра Афанасьевича, произвел на Овсяннико-Куликовского самое глубокое впечатление и оказал большое влияние на формирование его научных взглядов. В начале своей работы в университете он наравне со студентами стал посещать лекции А. А. Потебни и был самым заинтересованным слушателем, воспринимая в первую очередь его методологические концепции.

110 На получение права читать лекции. (лат.)

111 Три священных огня в Ригведе (франц.)

К началу 1890-х гг. Овсяннико-Куликовский начал применять так называемый психологический метод, разработанный на основе принципов А. А. Потебни, не только к языкознанию (что позволило учёному сообществу заговорить о Харьковской лингвистической школе), но преимущественно к художественной литературе и проблемам теории и психологии художественного творчества. В книгах «К психологии понимания», «Введение в ненаписанную книгу по психологии умственного творчества», «Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве» и особенно в «Истории русской интеллигенции» Овсяннико-Куликовский по-своему переосмысливает великое русское литературное наследие.

В 1908–1910 гг. вместе с известными московскими профессорами П. Н. Сакулиным и А. Е. Грузинским Овсяннико-Куликовский редактировал пятитомную «Историю русской литературы XIX века», вышедшую в Москве в издательстве «Мир»; в 1912–1918 гг. состоял одним из редакторов «Вестника Европы», заведывая его беллетристическим отделом. Накануне вступления Овсяннико-Куликовского на этот пост в «Вестнике Европы» напутственное письмо с острова Капри отправил ему А. М. Горький.

Овсяннико-Куликовский был органичным элементом интеллектуальной жизни России и стремился находиться в центре всех культурных событий. Он сотрудничал с Азиатским учёным обществом, Комиссией по организации высших женских курсов, Петербургским обществом грамотности и другими организациями; являлся постоянным сотрудником журналов «Северный вестник», «Жизнь», «Вопросы философии и психологии», «Вестник воспитания», «Новое Слово», «Южные записки» и других. В архиве Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН хранятся письма Д. Н. Овсяннико-Куликовскому от Ю. И. Айхенвальда, К. К. Арсеньева, Ф. Д. Батюшкова, П. Д. Боборыкина, Е. Ф. Будде, С. А. Венгерова, Алексея Н. Веселовского, А. Г. Горнфельда, Н. Я. Грота, Л. Я. Гуревич, Н. И. Кареева, А. Ф. Кони, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревского, В. П. Кранихфельда, Н. О. Лернера, В. С. Миролюбова, Н. К. Пиксанова, В. А. Поссе, Э. Л. Радлова, М. С. Шагинян и других известных деятелей культуры¹¹².

Последний этап жизни Овсяннико-Куликовского связан снова с Одессой, куда он переехал летом 1919 г. из Харькова, поселившись на своей приморской даче. Публика имела возможность слушать его лекции в театре «Бергонье». Овсяннико-Куликовский входил в редакцию газеты «Южное Слово»; от её имени осенью 1919 г. он организовал публичное

112 ОР ИРЛИ РАН. Ф. 211. 325 ед. хр. 1796–1968.

I. Историография не для всех

выступление И. А. Бунина «Великий дурман», содержавшее негативную оценку большевистской революции, и давал ему положительную рецензию. В октябре 1919 г. Овсяннико-Куликовский создал собственную газету «Современное Слово». В городе, где начиналась его творческая деятельность, он пишет подводящие ей итог «Воспоминания», незаконченную книгу, принадлежащую к его лучшим произведениям. Умер он в Одессе 9 октября 1920 г.

Характерные черты Овсяннико-Куликовского как оригинального мыслителя, представляющего психологическое направление, нашли яркое проявление уже в его первых работах, темой для которых он не случайно выбрал психологию русского сектантства. В серии статей, появившихся в 1878–1880 гг., он пытался поставить исследование этого явления на «строго-научную» основу. Нельзя «отделять мысль от учреждения», духовное содержание социальных процессов от их институциональной формы — так формулирует Овсяннико-Куликовский свою методологию¹¹³. Требования переустройства общества, замены начал эгоизма, антагонизма и прочих «прелестей нашей цивилизации» началами солидарности, несли печать слегка наивного руссоизма начинающего автора. Залог лучшего будущего скрывается, по его мнению, в культурной самостоятельности народа, а её признаки Овсяннико-Куликовский усматривал именно в расколе и сектантстве, как выражении объективного «революционного процесса». Он формулирует новую идею — та борьба, которую ежечасно ведут секты против враждебного окружения, является борьбой не столько религиозной, сколько культурной: «Секты суть продукт стремления народных масс создать себе удобнейшие формы общежития»¹¹⁴. При этом подразумевалось, что «высшие классы» вообще неспособны к настоящему культурному творчеству.

Для характеристики этого процесса Овсяннико-Куликовский ввёл понятие особого типа социальных групп, которые он объединил под синтезирующим названием «культурные пионеры», тем самым уничтожая разницу между религиозными, социальными и культурными инновациями. В человеческом мире постоянно происходят революции, этим он, по оценке Овсяннико-Куликовского, отличается от остального органического мира, подчиняющегося только закону развития. Примеры революционного изменения общественных отно-

113 Овсяннико-Куликовский Д. Н. Культурные пионеры (этюды о религиозных сектах) // Слово. № 4. 1878. С. 97.

114 Там же. С. 125.

шений и народной культуры в целом Овсяннико-Куликовский видел, с одной стороны, в богомилах, которые отрицали государство и упразднили всякие половые отношения, а с другой стороны, в американской «Общине библейских коммунистов», организованной как коллективная семья, где все члены связаны между собой половыми отношениями и общностью имущества, а также «психической связью солидарности». К «всебрачию» сектантов исследователь относился с той же идеалистической симпатией, с которой народники относились к коллективному землевладению.

Современная семья — наряду с мистицизмом, пьянством, различными видами политической деятельности, погружением в науку — интерпретировалась Овсяннико-Куликовским как одно из специальных средств, которые требуются для выживания в «капиталистическом аду»: ими люди пытаются возместить естественную солидарность. Для 1878 г. такая антикапиталистическая риторика была далеко не оригинальна.

Овсяннико-Куликовский не включил эти ранние статьи в своё собрание сочинений, но возвращался к своим юношеским переживаниям в написанных сорок лет спустя «Воспоминаниях». Рассказывая о них с известной иронией, он подчеркивал, что в изучении раскола и сект его интересовала не столько историческая, сколько психологическая сторона; в этом, как отмечал учёный, сказался «натуральный психологизм» его мышления. Соответствующая направленность исследовательского интереса будет отличать все его дальнейшее творчество.

Овсяннико-Куликовский штудировал труды западных психологов и, усвоив под влиянием Г. Спенсера, Э. Тайлора и других эволюционную точку зрения, рассматривает религию и мифологию в свете социальной психологии. Вскоре после «Культурных пионеров» и таких работ, как «Самоубийцы и Нирвана», «Секта людей божиих», он оформляет свою диссертацию о роли экстаза «на ранних ступенях развития общественности»¹¹⁵. Предвосхищая исследовательские стратегии Вяч. Иванова и М. М. Бахтина, он искал в ином, далеко отстоящем культурном материале адекватный фон для рассмотрения «самодеятельности» русского народа, с которой продолжал связывать большие надежды. «Пугачёвщина» внушала ему отвращение, и вообще он не верил уже в революции, но его интерес филолога и этнографа, как и прежде, питался психологическими идеями.

115 Овсяннико-Куликовский Д. Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности. Одесса, 1883.

I. Историография не для всех

Концепция Овсяннико-Куликовского заключалась в том, что речь, а за речью и вся культура вообще, не состоялась бы, если бы в истории человечества не было ритуалов экстатической практики. Подобные мысли высказывали и Ф. Ницше в «Происхождении трагедии из духа музыки», и М. Вебер в «Происхождении религии», и У. Джеймс в «Многообразии религиозного опыта»¹¹⁶. Однако только Овсяннико-Куликовский проанализировал социально-антропологическое значение экстаза как такового и предположил, что это не состояние экзальтированной чувственности индивида, а его выход из животного состояния в культурное, человеческое, духовное. Экстаз и соответствующие практики в культуре трактовались и преподносились как реальный исторический путь становления человека. Со временем архаичная техника экстаза трансформировалась в более сложные культурные практики человечества — музыку, танец, праздники, обряды, искусство, религию, — заканчивая всем комплексом современной культуры. Человек, по убеждению Овсяннико-Куликовского, вообще не может жить вне стихии экстазов, ибо только на этой основе сохраняются речь и ясность сознания. «Нормальные экстазы», делящиеся на обычные и острые, Овсяннико-Куликовский дополнял «патологическими», их извращенной формой — и все они имеют, на его взгляд, этническую окраску, по пословице «что русскому хорошо, то немцу смерть». Этот принцип получит реализацию в литературной критике Дмитрия Николаевича.

Не избежав общего для русской мысли увлечения метафизическими идеями «Бесконечного» и «Вечного», культом личности и внутренней свободы, причудливо соединив их с дарвиновской теорией эволюции, Овсяннико-Куликовский стал наиболее выдающимся у нас представителем того течения, которое известно как «психологизм» или «панпсихологизм». Природа мышления Овсяннико-Куликовского, обозначенная им как «натуральный психологизм», склонность к раскрытию в явлениях языка и литературы их психологической сущности, имела определяющее значение. Он рассматривал все «идеологические надстройки», т.е. науку, искусство, право, как комплексы явлений, которые существуют только в переживаниях отдельных людей, продукты чисто индивидуальной «душевной деятельности», подходя довольно близко к построениям модного тогда Э. Маха, а также опираясь на Бергсона, В. Гумбольдта, Канта. Прогресс в эволюции психики Овсяннико-Куликовский сводил к усовершенствованию, обогащению, изощрению ум-

116 Книга У. Джеймса привлекала внимание отечественных мыслителей, но с религиозно-философской точки зрения. Критику его воззрений см., напр.: Эрн В. Ф. Размышления о прагматизме // *Его же. Сочинения*. М., 1991. С. 15–34.

ственной и чувственной сфер, к подчинению волевого аппарата власти ума и «высших чувств», при этом в центр внимания помещая вопрос об эгоцентризме или неэгоцентризме человека.

Категория психологизма, одна из важнейших в психологическом направлении литературоведения, а затем и искусствознания, устанавливала у Овсянико-Куликовского содержательную связь между анализом литературных произведений и психологией. Возможно ли вообще человеку понять вполне другого? Читая Спинозу, Гёте ответил на этот вопрос отрицательно. Оценивая эти высказывания, Овсянико-Куликовский считал, что Гёте путем самостоятельных наблюдений пришел к формулировке идеи в высшей степени важной и плодотворной, поскольку она является выражением элементарного психического явления, без точного понимания которого нельзя выйти на правильную дорогу в психологии языка, мышления и искусства. Основатель психологического и философского языковедения В. Гумбольдт сгустил эту мысль в сжатый тезис, который только на первый взгляд кажется парадоксальным: «Всякое понимание есть вместе с тем и непонимание». Полное понимание одним человеком другого было бы возможно лишь тогда, когда воспринимающий полностью уподобится другому человеку, утратив свою индивидуальность. А поскольку это исключено, то исключено и полное взаимопонимание между пишущим и читающим в области восприятия художественного произведения.

В основание своего психологического метода Овсянико-Куликовский положил идею А. А. Потебни об органической связи повседневного и художественного мышления. Первое — явление низшего порядка, второе — высшего; тем не менее именно повседневная бытовая речь рождает художественный образ. Каждый читатель литературных текстов в ходе практики овладевает некоторым опытом художественного мышления. В обыденном мышлении присутствуют зародыши, которые создают возможность относительного понимания, но для более адекватного и глубокого восприятия произведения читателю необходимо совершенствовать свое художественное мышление. Столкновение обеих форм Овсянико-Куликовский усматривал и внутри самой литературы, осуждая «быстроту и плодовитость» тех беллетристов, которые предъявляют публике плоды своего обыденного, а не высшего художественного мышления.

«Душа — не яблоко, её не разрежешь», — приводит Овсянико-Куликовский слова Шубина из «Накануне» И. С. Тургенева и пишет, что это справедливо только отчасти и в очень условном смысле. На самом деле душа человеческая довольно легко «разрезывается по

I. Историография не для всех

шву, которым скреплены одна с другой (и потом, далеко не прочно) две сферы её: сфера чувства и сфера мысли». Закон апперцепции, т.е. восприятия, прост — экономия психической энергии. Здесь Овсяннико-Куликовский делает шаг в сторону чрезмерного сближения искусства и науки. Интеллектуальное и познавательное начало, действительно присущее искусству, заполняло собой всю его сферу, вытесняя начало собственно эстетическое. «Оказывается, — не соглашался с этой позицией Л. С. Выготский, — что поэзия или искусство есть особый способ мышления, который в конце концов приводит к тому же самому, к чему приводит и научное познание»¹¹⁷.

Овсяннико-Куликовский говорит не иначе как о «так называемом» эстетическом наслаждении, полагая его прежде всего чувством умственным, интеллектуальным, которое совпадает с соответственными чувствами в области научного и философского познания и непосредственно обусловлено двумя причинами: во-первых, тем, что мы хорошо поняли образ, и, во-вторых, тем, что мы вполне сочувствуем автору.

Позитивистский подход, близкий отчасти к естественно-научному, проводился в работах Овсяннико-Куликовского очень последовательно. Главным в исследовании умственной деятельности он считал не результат, а «самый её процесс», и был одним из тех, кто с особенной силой настаивал на значении подсознания. Подавляющее большинство умственных актов, как считал учёный, совершается именно за порогом сознания.

Труды Овсяннико-Куликовского способствовали упрочению интереса к отечественной психологии и постановке проблем психологии творчества. Психологические характеристики многих русских писателей в его трудах проникательны и представляют интерес по сей день. Именно Овсяннико-Куликовский, который, к сожалению, обойден вниманием психологов, наиболее точно отражал идеи психологического анализа, вполне созвучные с современными психотерапевтическими представлениями о психическом здоровье, о соотношении сознания и бессознательного, языка, мысли и чувств. Свойственный ему обострённый интерес к психологической реальности вылился в психологическое направление отечественного литературоведения. Его психологизм вмещал в себя новые возможности анализа художественного произведения, ярким примером которого является анализ литературных произведений у Л. С. Выготского. Недостаточное внимание Овсяннико-Куликовского к «особой эмоции формы» продемонстрировало необходимость более

117 *Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1965. С. 42.*

твердых критериев и в итоге привело к развитию «объективной психологии искусства» Л. С. Выготского.

Психологическое направление в русском литературоведении сыграло большую роль в разработке вопросов взаимосвязи языка и мышления, теории художественной образности, психологии художественного творчества и понимания художественных произведений, что подготовило почву для восприятия классического психоанализа. Это касается не только трудов Л.С. Выготского, признаваемых во всем психологическом мире, но и реформировавшей современный театр системы К. С. Станиславского — теории, изложенной блестящим психологическим языком. Это направление создало условия, в частности, для возникновения удивительных кинолент Дзиги Вертова, С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, А. Александрова и других мастеров, вошедших в мировую сокровищницу киноискусства и оказавших огромное влияние на развитие отечественного кинематографа как особого явления в современной культуре.

С середины 1890-х гг. Овсяннико-Куликовский работал преимущественно в области русской литературы. Постепенно психология, ее экспериментальные приемы и методы превращались в его научной деятельности в орудие познания, в способ исследования языка и литературного творчества. До него идеи А. Н. Веселовского или А. А. Потебни оставались для массовой аудитории за семью замками; Овсяннико-Куликовский не только ввёл проблемы теории литературы в широкий научный и преподавательский обиход, но и обеспечил их дальнейшее развитие.

Впервые методология литературоведа-психолога нашла практическое применение в «Этюдах о творчестве И.С. Тургенева» (1896), где был проделан путь от «психологического диагноза» к теории литературы. Овсяннико-Куликовский превращал анализ процесса творчества из объекта самостоятельной отрасли знания в особый метод истории и теории литературы и литературной критики. Его работы содержат много любопытных наблюдений, оригинальных литературных теорий и рабочих гипотез, хотя смешение объектов, задач и методов смежных дисциплин делали их довольно недифференцированными и эклектичными.

Наряду с лингвистикой, литературоведением, философией, социологией, Овсяннико-Куликовский интересовался естественными науками. Его воодушевляла огромная результативность, которой достигали учёные-естественники, опирающиеся на свою методику познания явлений

I. Историография не для всех

реального мира, и раздражала зыбкость, неопределенность методов изучения явлений духовной деятельности человека, особенно в области художественного творчества. Успехи естественных наук наталкивали Овсяннико-Куликовского на мысль о возможности и даже необходимости использовать методы науки, применять научный инструментарий при изучении художественной литературы. Автор утверждал, что в творческом процессе создания произведений искусства так же имеет место и наблюдение, и опыт. И всё же в своей основе его подход сохранял субъективно-идеалистические черты.

Его разбор произведений художественной литературы носит системный характер и представляет собой, с одной стороны, раскрытие того строя чувств и мыслей, для апперцепции которого может служить данный образ, а с другой — восполнение той творческой работы, которую производил сам автор и посильным соучастником которой выступает критик своими «пояснительными примечаниями» к живописи художника, психологическим комментарием. Наряду с психологическим анализом субъективных элементов в творчестве художника Овсяннико-Куликовский применял и социально-классовый принцип (например, выводя особенности творчества Л. Н. Толстого из его «барской» психологии). Однако социологизм Овсяннико-Куликовского остается абстрактным, изучающим скорее не класс в традиционном понимании, а среду; в этом отношении бесспорное влияние оказало на него учение И. Тэна.

Одним из первых в России, кто преодолел нормативно-догматические схемы и поставил изучение литературы на историческую почву, стал рассматривать эволюцию художественной мысли как отражение духовной и общественной жизни народа, был С. П. Шевырёв. К концу XIX в. складывается культурно-историческая школа, виднейшим представителем которой был А. Н. Пыпин. Эту линию продолжал Овсяннико-Куликовский. Он использует художественный материал для внелитературных целей, заставляет отвечать его на вопросы иного порядка — социологические, политические, историософские и т.д. Об этом свидетельствует формула, неоднократно применяемая им к литературе, — «человеческий документ», или характерная оговорка, что определенные жизненные явления описываются им «по данным художественной литературы». Причину эволюции социально-философских идей русского общества он видел в различиях «душевной организации поколений». Вторгаясь в творческую лабораторию писателей, Овсяннико-Куликовский намеревался показать, как через психологию литературных типов выражалась социальная психология различных исторических эпох.

Анализируя психологию некоторых из созданных тем или иным писателем образов-характеров, Овсяннико-Куликовский выделяет в них постановку наиболее значительных «общечеловеческих» проблем и «вечных вопросов». Но если он и касается идеологических сюжетов, то преимущественно в целях уяснения миросозерцания и общей литературной направленности изучаемого автора, лучшей обрисовки склада его ума и самой натуры.

Пожалуй, главное значение обширного научного наследия Овсяннико-Куликовского обнаруживается не в области истории литературы, задачи которой были ему довольно чужды (например, понятия о стиле и жанрах рассматриваемых писателей у него практически отсутствуют), не в области литературной критики (например, изучать научно произведения последних десятилетий и особенно современные он вообще считал и методологически, и фактически невозможным) или эстетики (оценка правдивости образа мотивируется у него исключительно с общественно-психологической точки зрения, но никак не с художественной), даже не в области исследования специальных вопросов теории поэзии и прозы, для которой он так много поработал, но которая по сути переходила у него в психологию поэзии и прозы. Подлинное и действительно крупное значение Овсяннико-Куликовский, критические очерки которого получили тогда всеобщее распространение, заключается в том, что, базируясь на учении А. А. Потебни, он ввёл в научную жизнь проблемы теории литературы. Таковы проблема «понимания» как творческого акта, теория «наблюдательного» и «экспериментального» искусства, проблема реализма в искусстве, теория особой «лирической эмоции» и лирики как творчества ритмов в отличие от драмы и эпоса как образной поэзии и т.д.

Показательна разница в концептуальных подходах Овсяннико-Куликовского и полемизировавшего с ним Н. А. Котляревского, которая очевидна на материале их параллельных исследований Н. В. Гоголя¹¹⁸. Считая, что усилиями прежних исследователей и биография писателя, и эстетическая ценность его произведений, и самые приемы его работы достаточно выяснены и описаны, Н. А. Котляревский сосредоточился на задаче подробно исследовать ту взаимосвязь, которая объединяет творчество Гоголя с творчеством предшествовавших и современных ему писателей. В связи с этой постановкой цели работы он излагает историю русской повести и драмы с конца XVIII в. по 1840-е гг., связывая Гого-

118 Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь (1829–1842): Очерк из истории русской повести и драмы Нестора Котляревского. Пг, 1915; Овсяннико-Куликовский Д. Н. Гоголь // Его же. Сочинения. Т. I. СПб., 1913.

I. Историография не для всех

ля с художественным наследием Жуковского, Пушкина, Лажечникова, Бестужева, Полевого, князя Одоевского, Кукольника, Нарезного, Грибоедова, Квитки и других авторов. Таким образом, Гоголь оценивается в связи с общим ходом русской литературы, что и составляет основное содержание исследования Котляревского. В противоположность ему, Овсянико-Куликовский изучал главным образом «художественную стоимость» произведений, степень напряжённости душевной жизни их автора. С этой точки зрения он рассматривал приёмы работы Гоголя — на основе общей оценки склада его ума и гения — и предлагал особое понимание Гоголя как художника-экспериментатора и эгоцентрика, излучающего и изображающего мир от себя, в противоположность Пушкину, поэту-наблюдателю. Овсянико-Куликовский пришёл таким путем к заключению, что ум Гоголя был глубоким, могучим, но «тёмным» и «ленивым» умом. Он стоял, по мнению исследователя, в стороне от «движения умов в Европе», но смог компенсировать это своеобразными душевными муками, которыми невольно реагировал на пошлую сторону в человеке.

Разделение художественного творчества на наблюдательное и опытное, или экспериментальное, является весьма характерной для Овсянико-Куликовского идеей, которая восходит к работе Э. Золя «Экспериментальный роман». Если художник переносит жизненные явления в своё произведение в том виде, в каком их наблюдает, не внося каких-либо изменений, то это наблюдательное художественное творчество. Если же художник творит своё произведение на основе комбинирования образов и событий, осуществляет их «нарочитый подбор» в нужном ему направлении, производя своеобразный опыт над действительностью, то такое творчество учёный называл экспериментальным. Образы, явления и события получают в произведении различное освещение в зависимости от того, какой метод — наблюдательный или экспериментальный — положен в основу творчества. Смысл и художественное значение типов и картин, созданных одним или другим способом, будут разными.

Несмотря на то, что Овсянико-Куликовский признавал, как трудно провести точную границу между наблюдением и опытом в литературе, он всё же разделял русских писателей на две группы по преимущественному преобладанию одного из методов. К наблюдательному типу творчества он относил Пушкина, Тургенева, Гончарова, Льва Толстого в «Войне и мире», а к опытному или экспериментальному — Грибоедова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Глеба Успенского, Чехова.

Интересно, что экспериментальное творчество Овсяннико-Куликовский ставил ниже наблюдательного: первое в его глазах сродни психологии человеческого мышления, а она, по оценке учёного, не столь продуктивна в познавательном смысле, второе же — дитя цивилизации и воспитанного ею трезвого взгляда на жизнь, поэтому его произведения дают более широкую и правдивую картину действительности. Как видим, эта классификация тоже восходит к излюбленной мысли учёного об исконном тождестве искусства и научного познания.

Исследовательский стиль Овсяннико-Куликовского отличался его склонностью к оппозициям. Среди используемых им парных категорий не только наблюдательный и экспериментальный, но и: субъективный и объективный; художник и моралист. Субъективный способ понимался как создание образов и их сочетание, определяемое «внушениям личного внутреннего опыта», а объективный — это когда писатель не нуждается в наличии соответственного внутреннего опыта для того, чтобы понять душевный обиход других людей, ему достаточно иметь в своём распоряжении необходимые сведения. Тип писателя-художника противопоставлялся типу писателя-моралиста. В первую категорию Овсяннико-Куликовский включил Пушкина, Тургенева, Гончарова; во вторую — Гоголя, Достоевского, Глеба Успенского, Льва Толстого.

По сути, проявлением того же дуализма было противопоставление «реалистичного» искусства «ложному», под которым критик понимал многое: произведения псевдоклассические, романтические, символические, неоромантические, декадентские — все они, по его оценке, очень далеки от адекватного действительности «обыденно-художественного мышления».

Весом вклад Овсяннико-Куликовского и в развитие отечественного языкознания. Им составлено несколько учебных руководств по синтаксису русского языка и по теории словесности, не получивших слишком широкого распространения в педагогической практике, скорее всего, вследствие малодоступной формы подачи.

Немалую научную ценность представляло собой ясное и систематическое изложение основных языковедческих положений А. А. Потебни в обширной статье Овсяннико-Куликовского, посвященной научному наследию языковеда-мыслителя¹¹⁹. А. А. Потебня видел свою цель в освобождении науки о языке от беккеровского логицизма и переориентации её на гумбольдтовский психологизм, приняв за отправной пункт своей концепции положение В. Гумбольдта о том, что «язык

119 Овсяннико-Куликовский Д. Н. А. А. Потебня как языковед, мыслитель // Киевская старина. 1893. VII—IX.

I. Историография не для всех

следует рассматривать не как мёртвый продукт, но как созидающий процесс», причем, «истинное определение» языка может быть только генетическим¹²⁰.

Овсяннико-Куликовский увязывал эволюцию синтаксических форм в лингвистике с вопросами психологии языка, мысли и творчества. На любую единицу языка учёный смотрел как на результат особого речетворческого процесса, «работы мысли», «акта мысли-речи». В развитии мысли он выделил три последовательные стадии: психологическое суждение, словесное предложение и логическое суждение. Как последователь школы А. А. Потебни, Овсяннико-Куликовский развивал положения учителя об изначальной образности языка, являющейся первоисточником поэтического мышления, об аналогии слова и художественного произведения. Однако, если А. А. Потебня исповедовал психолого-генетический подход, то его ученик, к началу XX в. отойдя от гумбольдтовско-потебнианского генетизма, пришёл к объединению психологического и логического подходов к русской грамматике.

Своеобразие Овсяннико-Куликовского как представителя общественной мысли России нашло наиболее яркое выражение в его взглядах на русскую интеллигенцию, один из самых неоднозначных феноменов нашей истории. С интеллигенцией и её историко-культурной миссией учёный связывал свои самые сокровенные упования.

В начале XX в. оценка этого явления разделила саму интеллигенцию на два лагеря, традиционно именуемые радикальным и «веховским». Если первый по-прежнему без каких-либо оговорок принимал идеалы гуманизма, прогресса, науки с её «последними словами» и не обращал внимания на историческое наполнение этих постулатов и всё более абстрактный и доктринёрский характер исповедуемых ценностей, то второй различил их беспочвенность и увидел всю опасность этой утраты духовной почвы культурным слоем для страны в целом.

Принадлежность к сфере умственной деятельности в качестве атрибута интеллигенции важна для первой группы и не имеет значения по оценке второй, отдающей приоритет мировоззренческим установкам, или, по выражению С. Н. Булгакова, «религиозному типу». Как замечал Н. А. Бердяев: «По тоталитарному характеру можно даже определить принадлежность к интеллигенции. Многие замечательные учёные-специалисты, как, например, Лобачевский и Менделеев, не могут быть в

120 Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 69, 70.

точном смысле причислены к интеллигенции, как и, наоборот, многие, ничем не ознаменовавшие себя в интеллектуальном труде, к интеллигенции принадлежат»¹²¹.

Классическая схема отношения оригинальной русской мысли к интеллигенции выглядит следующим образом. Её общественными идеалами признавались наиболее прогрессивные идеалы Запада, веру в которые она исповедовала как род религии. Служение отвлечённому идеалу принципиально для интеллигента-подвижника, который по определению нуждается в вере. Правительственные преследования создали в радикальной интеллигенции самочувствие мученичества и исповедничества, насильственная оторванность от жизни развила мечтательность и утопизм, недостаточное чувство действительности. Интересно, что в русской мысли, отдававшей должное этому доходящему до мученичества социально-политическому романтизму, нередко проводилась аналогия между обращением интеллигенции в борьбу с самодержавием и обращением народа в раскол и сектанство, с изучения революционного потенциала которых начиналась научная деятельность Овсяннико-Куликовского. «Через 200 лет мученикам двуперстия откликаются мученики социализма», — как писал об этом Г. П. Федотов¹²².

Лицо русской интеллигенции — страстность, озабоченность этическими проблемами, сомнения, мысли о бессмертии или как минимум о переустройстве общества — и всё это нашло воплощение в образе Ивана Карамазова. Ещё одной важной чертой интеллигенции признавалась её самоизолирующая «кружковщина». «И беспоповцы-реалисты, и поповцы-идеалисты, и федосеевцы-марксисты, и молокане-народники, — каждое согласие, каждый толк ест из собственной чашки, ...не сообщаясь с еретиками», — замечал Д. С. Мережковский¹²³. С 1860-х гг. выработался тип сугубо «интеллигентских» публицистов. «Кружковая» интеллигенция полна предрассудков, не знает русской философии, не поняла и не признала религиозную мысль лучших русских людей. Указывалась ненормальность духовного развития интеллигенции, на которую так мало впечатления производили национальные религиозные гении — Бухарев, Хомяков, Юркевич, Вл. Соловьев, Достоевский, С. Трубецкой, Флоренский и другие. Психологические осо-

121 Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 69.

122 Федотов Г. П. Трагедия русской интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 431.

123 Мережковский Д. С. Грядущий Хам // Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский; Мережковский Д. С. 14 декабря. М., 1990. С. 541.

I. Историография не для всех

бенности интеллигенции привели к тому, что она просто просмотрела оригинальную русскую философию.

Но и на многоветвистом дереве западной культуры, опирающейся во многом на заложенный средневековым и реформацией религиозный фундамент, интеллигенция облюбовала лишь одну ветвь — атеизм, проведя жесткий искусственный отбор. Если западный интеллектуальный слой вполне имманентен своему обществу, то у нас интеллигенция утратила чувство русского гражданства, в «отщепенстве» увидела свою честь и достоинство (само употребление этого термина так же типично и для Овсяннико-Куликовского, но он вкладывал в него несколько другой смысл). Поэтому главная стоящая перед интеллигенцией задача формулировалась как обретение национального самосознания.

Сборник «Вехи» стал первым совместным выступлением мыслителей, занимающих эту мировоззренческую позицию, явившись важным этапом в её дальнейшем становлении. Когда в марте 1909 г. он вышел в свет, многолетняя работа Овсяннико-Куликовского над монументальной «Историей русской интеллигенции» близилась к завершению. Учёный был погружен в материал. Непосредственным ответом Овсяннико-Куликовского на прозвучавшие в адрес изучаемого им слоя горькие обвинения можно считать его статью «Психология русской интеллигенции», опубликованную в сборнике «Интеллигенция в России». Он вышел в Петербурге через год после «Вех» (только в течение этого года подобных откликов и разного рода рецензий обрушилось почти две с половиной сотни). В статье Овсяннико-Куликовский представил свои взгляды на интеллигенцию в более сжатом и полемически заострённом, чем в «Истории русской интеллигенции», программном варианте.

В основу его концепции положена категория «духовных ценностей». Саму интеллигенцию он определил как «мыслящую среду, где вырабатываются умственные блага, так называемые "духовные ценности"»¹²⁴. Отношение к ним человека делится, по Овсяннико-Куликовскому, на две категории. Либо человек оценивает умственное благо «по существу» и воспринимает его, не сообразуясь с потребностями своей души, с запросами личного развития, либо, воспринимая это благо, человек руководствуется потребностями своего внутреннего мира — берёт то, что ему нужно, и отвергает то, что не нужно. И предпочтение исследователя было на стороне первого типа, каким бы искусственным и надуманным он ни выглядел. Дело в том, что в первом случае духовная ценность, по его мнению, не урезывается и не обесценивается, чтобы «приладить-

124 Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России. М., 1991. С. 385.

ся к психике лица», а, напротив, «психика лица расширяется — чтобы воспринять данную ценность в её наиболее полном выражении»¹²⁵. Во втором случае «психика не расширяется... или расширяется лишь одно-сторонне, а воспринимаемые блага... переоцениваются, получая значение, не соответствующее их существу»¹²⁶.

Характерно, что содержание указанного духовного блага, абсолютного в смысле авторитета, Овсяннико-Куликовский полагает, по сути, константным, оно вполне конкретно и определено: «Гуманность, просвещение, освободительные идеи не нуждаются ни в религиозной, ни в философской санкции, ибо они самоценны и сами по себе составляют величайшее благо. Когда ищут их санкции в религиях или в философских системах, то это умаляет их достоинство»¹²⁷. О восприятии именно названных ценностей фактически шла речь. В русской мыслительной традиции идеи такого рода освещались и определялись как философия «человекобожества», т.е. обожествление человеком самого себя.

Рассуждения о способах восприятия духовных благ получали у Овсяннико-Куликовского историософское измерение. В странах, где «духовная культура давно упрочилась» и интеллигенция представляет собой явление не новое, пережила долгое развитие, духовное благо просто приемлется всяким, кто может его воспринять, и это делается сравнительно легко и без заметного приспособления, урезывания и переоценки — благодаря исторически «усвоенной и унаследованной воспитанности мысли, её изощренности и восприимчивости»¹²⁸. Лучше всего, по мнению Овсяннико-Куликовского, к сложившемуся в таких странах отношению к высшим ценностям подходит применяемый в юриспруденции термин «рецепция». И совсем иначе обстоит дело в странах отсталых (а именно, в России), где «духовная культура есть дело новое и непривычное». Здесь неприменимо нейтральное понятие «рецепция», поскольку ее заменяет напряженное «искание идей», формирование миросозерцания: личность не приемлет духовные блага, углубляя ёмкость своей мысли, а выбирает то, что представляется отвечающим её душевным запросам.

Учёный полагал, что через этот фазис прошли все национальные интеллигенции, но в «передовых странах» он уже не играет никакой роли. Он отмечал, что в Америке и Западной Европе «принципы гуманности, требования прогрессирующей человечности, задачи просвеще-

125 Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России. М., 1991. С. 385.

126 Там же. С. 386.

127 Там же. С. 394.

128 Там же. С. 386.

I. Историография не для всех

ния, освободительные — в обширном смысле — идеи... изъятые из-под ферулы религиозных и философских систем», что характеризовалось Овсяннико-Куликовским как «прогресс мысли» и «великое завоевание культуры»¹²⁹. У нас же интеллигенция обладает «идеологической натурой», и её представители «Дарвина, Конта и Маркса брали не по существу, не *ansich*, а идеологически»¹³⁰.

Против идеологической ограниченности интеллигенции были направлены и «Вехи», в этом аспекте у Овсяннико-Куликовского не было необходимости вступать с ними в полемику. Однако в идее якобы надмировоззренческого «расширения психики лица» ради рецепции определённых ценностей они тоже распознавали жесткую идеологию, позитивистского и утопического характера, и подвергали само содержание этих ценностей религиозно-философской оценке, тогда как Овсяннико-Куликовский поступал наоборот, рассуждая следующим образом: «Из любого вероучения и из любой философской системы можно, при желании и некотором усердии, вывести всё, что угодно: гуманное и негуманное, освободительное и поработительное»¹³¹.

Дальнейший прогресс, как надеялся Овсяннико-Куликовский, должен привести к распространению в России «типа интеллигента без идеологии»: на смену идеологиям, по его наблюдению, уже начали приходить европейские партии. В основу деятельности интеллигенции должно быть положено безусловное «признание высокой ценности духовных благ по существу и убеждение в необходимости их наивозможно широкого распространения в массе народа»¹³². Таким образом трактовалось то, что Овсяннико-Куликовский называл «выработкой личности», которую он считал главным историческим призванием интеллигенции в России.

Эти идеи были затем подхвачены и радикализированы другим теоретиком интеллигенции, младшим современником Овсяннико-Куликовского, Р. В. Ивановым-Разумником. Он причислял себя к «имманентным субъективистам», не признающим никакого объективного смысла вне личности: мы сами вкладываем субъективный смысл в исторический процесс — и этот имманентный каждому человеку смысл является самоценным. Имманентный субъективизм является, по Р. В. Иванову-Разумнику, естественной идеологией интеллигенции, для характеристики которой он вводил этическое понятие «вечной революционности»,

129 Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России. М., 1991. С. 395.

130 Там же. С. 398.

131 Там же. С. 395.

132 Там же. С. 403.

понимая под «революцией духа» неисчерпаемое желание личности самореализоваться. Религиозный индифферентизм и философский плюрализм играли в его концепции такую же важную роль, как у Овсянико-Куликовского. «Вас утешает вера в загробное возмездие? — верьте. Вас улаживает мысль о грядущем блаженстве человечества? — улаживайтесь, верьте... если не можете жить без веры. Верьте, но при этом живите полной жизнью, живите всеми струнами души; расширяйте жизнь, а потому проникайте в глубь научного и художественного творчества»¹³³, — призывал Иванов-Разумник.

К моменту появления статьи Овсянико-Куликовского фундаментальное трёхтомное исследование ученого «История русской интеллигенции» было почти завершено. Оно публиковалось в журнале «Вестник воспитания» с 1903 по 1910 г., но под другим названием: «Итоги русской художественной литературы XIX века». В 1911 г., уже под новым названием, работа выходит в составе Собрания сочинений Овсянико-Куликовского (1909–1911). Затем она переиздавалась в составе второго и третьего Собраний сочинений при жизни автора (1910–1911 и 1912–1914), а также к 70-летию учёного в четвертом, посмертном издании (1923–1924). Структура всех четырёх Собраний сочинений оставалась неизменной, «История русской интеллигенции» занимала в них VII, VIII и IX тома. В тексте последней главы Овсянико-Куликовский обещает читателям продолжение работы, посвящённое творчеству А.М. Горького. Действительно, оно публиковалось в «Вестнике воспитания» с 1911 по 1914 г., в виде четвёртой части книги, но не было закончено и никогда не включалось в Собрания сочинений.

В 1989 г. «История русской интеллигенции» переиздаётся частично в составе двухтомных «Литературно-критических работ» Овсянико-Куликовского: во второй том вошли главы I–XII первой части и главы I–II второй части.

Эту книгу необходимо знать, и она... много даст.

*М. Горький*¹³⁴

Одно из центральных мест в теоретической конструкции Овсянико-Куликовского занимает его трактовка России и русского народа.

¹³³ Иванов-Разумник Р. В. О смысле жизни. Берлин, 1920. С. 28.

¹³⁴ Горький М. Собр. соч. в 30 тт. Т. 29. М., 1955. С. 224.

* В скобках здесь и далее страницы по изданию: Овсянико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. Ч. 1–2; Ч. 3. М., 2023.

I. Историография не для всех

Он относит Россию к странам «отсталым и запоздалым» и исходит из априорного положения: «То, что в большом масштабе совершалось в истории человечества, в малом масштабе повторяется в истории отдельных запоздавших народов» (Ч. 1–2, 65)*. Пример славянофилов, по мнению Овсянико-Куликовского, демонстрирует, насколько пагубно «не рассчитать своих сил и вообразить, что “времена созрели” или “мы созрели”, — вообще, сделать хронологическую ошибку» (Ч. 1–2, 60). Поэтому, учитывая, «как вообще запаздывает вся наша история, всякий прогресс у нас» (Ч. 1–2, 292), российскому обществу «нужно еще учиться у западноевропейских народов уму-разуму и цивилизации» (Ч. 1–2, 294).

Культурным отставанием России Овсянико-Куликовский объясняет «пустоту и пошлость жизни, дикость понятий» (Ч. 1–2, 17), «нашу беду и отсталость», выраженную в «потере идеалов» (Ч. 1–2, 117), «общее закрепощение мысли и совести русских людей» (Ч. 1–2, 176), «скудость материальной культуры» (Ч. 1–2, 299), «жестokie нравы» (Ч. 1–2, 501) — в общем, по характерному выражению Белинского, на которое неоднократно ссылается автор, всю «гнусную российскую действительность» (Ч. 1–2, 151). «Уродливой стороне отечественного регресса» (Ч. 1–2, 475) Овсянико-Куликовский противопоставляет «западную культурность... мировых центров цивилизации» (Ч. 1–2, 474). Для исследователя очевидно, что работа «на едва вспаханной ниве русской культуры и мысли» (Ч. 1–2, 61) предстоит колоссальная. Не случайно, когда Чехов, «этот апостол культурности, обращался к созерцанию нашей русской культурной отсталости, то его художническому взору открывалась безотрадная картина своего рода сизифовой работы» (Ч. 3, 54). Ведь, «как известно, наша культура, в противоположность западноевропейской, которая давно уже в высшей степени интенсивна, отличается — пока — преобладающим характером экстенсивности» (Ч. 1–2, 475).

В характеристике русского народа Овсянико-Куликовский руководствуется своей теорией национального: в соответствии с ней национальность представляет собой устойчивую психологическую форму, которая, с одной стороны, остаётся «в своих основных чертах той же самой», но, с другой стороны, всё же «не есть нечто неподвижное» (Ч. 1–2, 199). На этом строится надежда, что «наш психический уклад» изменится в благоприятную сторону и постепенно избавится от недостатков, коими, по мнению Овсянико-Куликовского, «русский человек наделен, по-видимому, от природы или от прошлой истории, и от которых он может со временем излечиться только оздоравливающим действи-

ем дальнейшей — более здоровой — истории» (Ч. 1–2, 77). К их числу автор относит такие черты, как «русское безволие, нашу косность, лень, вялость, отсутствие инициативы», «нашу бездеятельность, апатию» (Ч. 1–2, 204), «слабость, шаткость нашей психической организации» (Ч. 1–2, 117), «пассивность волевых процессов, замедленный темп действующей воли», что «в сфере мысли отражается наклонностью к фатализму того или другого рода» (Ч. 1–2, 212), «мечтательность, склонность к созерцательности, к мистицизму» (Ч. 1–2, 327), «русскую хандру», «душевную усталость, иногда дряблость, скороспелую разочарованность — вообще психическую неустойчивость» (Ч. 1–2, 77), «невежество, жестокие нравы и упорный, злой консерватизм» (Ч. 1–2, 391), «душевную пасмурность», которой «всегда немало в обиходе русской жизни» (Ч. 3, 68), «отсутствие энергии, вялость духа, дряблость чувства, слабость воли, — черты почти патологические, выращенные в русском человеке» (Ч. 1–2, 170).

Психологизм исследователя сказался в том, что акцент он сделал на волевой сфере. Он полагал, что «есть какой-то дефект в волевой функции нашей национальной психологии, препятствующий нам выработать определенные, стойкие, отвечающие духу и потребностям времени формы общественного творчества» (Ч. 1–2, 205). По той же причине, как считал Овсяннико-Куликовский, «настоящих “характеров” у нас нет, а есть только их возможность (в будущем), их фикция или как бы видимость» (Ч. 3, 99). Органичным продолжением названных качеств Овсяннико-Куликовский считал «трепет, вообще свойственный русскому человеку» (Ч. 1–2, 211), объясняемый «перекрестным действием всех видов страха, — от страха перед квартальным до “страха Божия”, от страха доноса — до суеверной мыслебоязни» (Ч. 1–2, 358). Он приводит слова Глеба Успенского: «Русский человек пуглив, как травленный заяц, и боится “вообще”, без видимой причины, без наличной опасности» (Ч. 1–2, 359).

Изучение обнаруженного дефекта, или, словами Овсяннико-Куликовского, «исследование порчи русского человека, искривления нашей национальной физиономии» (Ч. 1–2, 188), составляло, по его мнению, дело всей русской литературы, особенно если проследить линию Гоголь — Гончаров — Салтыков-Щедрин — Чехов, которым критик уделил самое пристальное внимание. В произведениях Гоголя впервые так явно и настолько гениально в художественном отношении замечено, что именно «изъяны психологии русского человека» составляют «главную причину наших бед, нашей материальной, экономической отсталости и нашего, морального вообще, гражданского в частности, извращения» (Ч. 1–2, 180).

I. Историография не для всех

Проявлением «психопатологии русского национального уклада» стала «обломовщина всероссийская, обломовщина — как черта национального психического склада», как «черта, присущая русскому человеку, как таковому» (Ч. 1–2, 199). Овсяннико-Куликовский называет Обломова «типом национальным», обломовщину «явлением специфически русским» (Ч. 1–2, 188), а Россию — «классической страной обломовщины» (Ч. 1–2, 336). Он утверждает: «В картине обломовщины мы наблюдаем “картину болезни” русской национальной психики... Обломовщина, как болезнь, не есть атрофия русской национальной формы. С гораздо большим правом мы могли бы определить эту болезнь, как гипертрофию. В ней нормальные русские способы мыслить и действовать получили крайнее, гиперболическое выражение» (Ч. 1–2, 202, 203).

Даже образы Салтыкова-Щедрина не кажутся Овсяннико-Куликовскому сатирично-гротескными: «Иностранец, не знающий России, принял бы сатиру Щедрина за грубый шарж. Но мы, русские, хорошо знаем, как близка она к действительности» (Ч. 1–2, 286). Такое же значение диагноза исследователь признавал за произведениями Чехова, призывая «считаться с несомненным диагностическим характером этих произведений» (Ч. 3, 68). Главную заслугу Чехова Овсяннико-Куликовский видел в том, что «к болезненным уклонам мысли, чувства и воли русских людей он подходил, как врач-художник» (Ч. 3, 68).

Виновником патологий, которые исследователь находил в характере русского народа, он называл «среду, за ее уродство, тупость и злобное отношение к уму, таланту, гуманности, просвещению» (Ч. 1–2, 120), а также «отсутствие культурной и умственной традиции» (Ч. 1–2, 497). Игнорирование национальной культуры постулировалось у Овсяннико-Куликовского аксиологически, не нуждалось в обосновании, хотя преподносилось подобно результату научного наблюдения: «Давно замечено, что мы, русские, далеко не так связаны традицией культуры, как связан ею западноевропейский человек» (Ч. 1–2, 328).

При этом Овсяннико-Куликовский делает принципиальную с его точки зрения оговорку. Он различает два понятия — народ исторический и народ, «представляющий собой известную идею». Автор солидарен с позицией Салтыкова-Щедрина: «Первому... сочувствовать не могу. Второму я всегда сочувствовал» (Ч. 1–2, 274). Над русским народом «тяготеет тяжесть всех 26-ти томов истории Соловьева, как образно выражается Успенский» (Ч. 1–2, 374), что должно, по Овсяннико-Куликовскому, служить для него оправданием. Отсталость России «имела слишком много исторических оправданий, чтобы ставить ее в вину самому народу и самой нации — так таковой» (Ч. 1–2, 299).

Таков контекст, в котором Овсяннико-Куликовский разворачивает свою идею интеллигенции. Она предстает как «армия культурных тружеников, работников просвещения, представителей мысли, творчества и совести страны» (Ч. 1–2, 346). На знамени этой армии начертана «вера в силу устроительного разума» (Ч. 1–2, 437). Поэтому «выработка широких, прогрессивных и жизнеспособных общественно-политических идей есть прямая и насущная задача просвещенных, передовых людей времени» (Ч. 1–2, 21–22). Овсяннико-Куликовский призывает не отклоняться от «призвания мыслящего человека — помнить, хранить и разрабатывать усвоенные понятия о человеческом достоинстве, о том, что поверх и вопреки мерзости запустения, нас окружающей и завещанной затхлым прошлым, есть светлый мир общечеловеческих идеалов, чистый и прекрасный» (Ч. 1–2, 117). Передовым людям, относящим себя к интеллигенции, надлежало «перерастать, умственно и нравственно, тот уровень, на котором стояло огромное большинство общества» (Ч. 1–2, 103).

С этим критерием Овсяннико-Куликовский подходит к творчеству русских писателей и мыслителей. Однако далеко не любые «культурные блага» отвечают, по его мнению, требованиям высокого умственного и нравственного уровня и могут быть признаны пригодными и необходимыми для выполнения интеллигенцией своей функции. В частности, сомнительными в глазах исследователя выглядят искания поколения 1840-х гг.: «когда мы видим, что они тратят добрую долю сил и времени, например, на ненужные метафизические словопрения о тонкостях гегелианской философии, тогда у нас возникает законное сомнение в подготовленности их служить органом вышеуказанной исторической необходимости» (Ч. 1–2, 22).

Истинным благом Овсяннико-Куликовский признает лишь то, что служит «умственной эмансипации масс», по выражению Д. И. Писарева (Ч. 1–2, 244). Закономерно, что «роковой, доселе не упраздненный, вопрос об отношении между интеллигенцией и народом», «обязательный для всякого мыслящего, чувствующего и гуманного человека в России», по оценке Овсяннико-Куликовского, «получил характер моральный, став вопросом совести» (Ч. 1–2, 345). Сложность этого вопроса автор видел в необходимости балансировать между задачей «перенесения на Русь огромных умственных ценностей, служивших для воспитания всех прогрессирующих народов» (Ч. 1–2, 113), и опасностью занять позицию «воспитателей» народа: «Что интеллигенция должна, по мере сил и возможности, содействовать образованию народа, это не подлежит спору. Но утверждать, что она должна “воспитывать” народ — это значит сто-

I. Историография не для всех

ять не на демократической, а на барской точке зрения» (Ч. 1–2, 245).

Демократические требования трактовались Овсяннико-Куликовским как «симптом развития личности», что в свою очередь, как считал учёный, служит проявлением общего процесса индивидуализации человека, лежащего в основе истории. В древности и в средние века этот процесс распространялся «медленно и туго», поскольку «ростки личной психологии подавлялись наплывом массовой психологии» (Ч. 1–2, 403). В XVII и XVIII вв. развитие «психологического индивидуализма» быстро пошло вперед. XIX в., по мысли Овсяннико-Куликовского, в этом отношении резко выделяется из ряда других эпох: индивидуализация личности «проникла во все слои населения, по крайней мере, в передовых странах Европы» (Ч. 1–2, 404). Значительно хуже дело обстоит в России: «в противоположность другим культурным народам, у нас доселе нет массового культуртрегерства, нет... инициаторов, пионеров культуры» (Ч. 3, 137). Овсяннико-Куликовский имел в виду отсутствие соответствующего массового слоя, но, разумеется, не отдельных личностей. Так, «одним из самых замечательных и оригинальных созданий русской философской мысли» он считал «философское воззрение» Н. К. Михайловского (Ч. 1–2, 414), а из современных и актуальных представителей культуры особо выделял В. Г. Короленко, в котором видел «образец русской интеллигентской мысли»: «В истории русской интеллигенции В. Г. Короленко принадлежит одно из самых видных и самых почетных мест» (Ч. 3, 9).

Время работы Овсяннико-Куликовского над книгой включило в себя революцию 1905–1907 гг., но открытая борьба интеллигенции «с порядком вещей» не стала предметом исследования и затронута лишь некоторыми аллюзиями, показывающими, однако, позицию автора: «Величайшее зло России это — отсутствие культурности в европейском смысле и закоренелые навыки варварства, произвола и насилия: нельзя “поправлять” это “дело веков”, являя со своей стороны примеры варварства, некультурности, произвола и насилия» (Ч. 3, 175).

«История русской интеллигенции» предлагает богатый материал для понимания методологии Овсяннико-Куликовского как учёного и мыслителя, о наиболее характерных чертах которой уже было сказано. Угол зрения автора диктовался его общей идейной направленностью, а исследовательский метод предусматривал возможность делать выводы о психологии русской интеллигенции, опираясь на данные художественной литературы. При этом Овсяннико-Куликовский настаивает, что изучает «не историю литературы, а историю общественно-психологических типов» (Ч. 1–2, 350). В литературных произведениях его инте-

ресовали в первую очередь типы русского интеллигентного героя в их динамике — «изменяемость наших общественных типов, при той быстроте (почти по десятилетиям), с которою они видоизменялись вместе со сменой общественных настроений» (Ч. 1–2, 16).

Овсянко-Куликовскому важно подчеркнуть органичную преемственность между литературными персонажами, поскольку в центре его внимания историческая судьба определенного типа — отчужденного, «лишнего» человека. Так «единством психологии» связывается целый ряд героев русской литературы: Чацкий — Онегин — Печорин — Бельтов — Рудин — Лаврецкий. «Индивидуальные различия только ярче оттеняют их общественно-психологическое родство» (Ч. 1–2, 85). Объясняя это родство, Овсянко-Куликовский развивает свою теорию «общественной стоимости», начало которой было положено в монографии о Гоголе. Всех «лишних людей» русской литературы объединяет «особый недуг», в каждом Овсянко-Куликовский констатирует «особую ненормальность волевого уклада неудачника» (Ч. 1–2, 119). Но «"лишнего человека" создает совместное действие двух факторов... Один — это плохая психическая организация человека... Второй — разлад между личностью и средой» (Ч. 1–2, 83). Качество же отношения личности со средой Овсянко-Куликовский определяет вопросом осуществления человеком своей «общественной стоимости». Когда осуществиться её удастся, человек ощущает «свою психологическую связь с целым, как он понимал это целое» (Ч. 1–2, 77), что имеет «оздоровляющее действие на психику человека, какое всегда оказывает осуществление общественной стоимости; человек чувствует и сознает, что он — уже не нуль, а единица, органически связанная с целым» (Ч. 1–2, 79). Необходимую «долю душевного удовлетворения» «людям мыслящим» должна приносить всё та же деятельность по «распространению гуманных идей» (Ч. 1–2, 77). Но при всех индивидуальных нюансах ни один из перечисленных героев в итоге не обладал «тою энергией мысли и чувства, какая необходима человеку для осуществления его общественной стоимости» (Ч. 1–2, 79).

Дальнейшую эволюцию рассматриваемого автором «общественно-психологического типа» олицетворяют для него Тентетников, а затем Обломов: «их отщепенство, их душевное одиночество получило иное выражение — "покоя", физической и психической бездеятельности» (Ч. 1–2, 175). И в этом смысле, как полагал Овсянко-Куликовский, «образ Обломова подводит итог целому ряду типов, ему предшествовавших» (Ч. 1–2, 187). Его отличает пагубное «отсутствие самого чувства общественной стоимости человека, т.е. такое состояние психики,

I. Историография не для всех

при котором человек не страдает от того, что общественная стоимость не осуществилась» (Ч. 1–2, 209).

Нереализованность «общественной стоимости» Овсяннико-Куликовский обнаруживает не только у литературных типажей, но и у самих создателей литературы, иногда у целых их поколений. Примеры из одной области незаметно перетекают в примеры из другой, барьера между которыми не существует. Причиной диагностированного «недуга» Овсяннико-Куликовский считал не столько «недостаток необходимой энергии», сколько неверное, в его понимании, направление ее приложения. Здесь мы снова наблюдаем характерное для ученого отрицание эстетики. Вслед за Писаревым, опираясь на его статью «Реалисты», Овсяннико-Куликовский провозглашает, что «эстетика есть самый прочный элемент умственного застоя и самый надежный враг разумного прогресса», и что «реализм должен радикально истребить эстетику» (Ч. 1–2, 321). Причем, учёный обосновывает своё предубеждение не только как литературный критик, но и как психолог: «когда человек — в своей жизни, в своем труде, науке, в искусстве, наконец, в любви — прежде всего и по преимуществу ищет “эстетических наслаждений”, отодвигая все остальное на второй план, то мы в праве сказать, что он находится на ложном пути и в его душевной организации есть нечто нездоровое, есть какое-то извращение» (Ч. 1–2, 322).

В своём понимании должного Овсяннико-Куликовский достигает высокой степени ригоризма, трактуя «нездоровые» проявления душевной организации весьма широко: «Излишняя утонченность самовоспитания, избыток рефлексии, слишком усердная гимнастика ума и чувства, крайности самоанализа — все это легко может кончиться тем, что человек не воспитает себя в смысле ценной общественной величины» (Ч. 1–2, 64). Столь же подозрительна излишняя погруженность в личную жизнь — в той степени, в которой она «заслоняла насущные нужды и очередные задачи русской действительности» (Ч. 1–2, 45). Претензии с этих позиций предъявляются не только литературным героям — «лучшее время жизни и большую часть своих незаурядных сил Лаврецкий потратил на погоню за личным счастьем» (Ч. 1–2, 143), — но и реальным деятелям русской культуры. Одинаково отталкивающее впечатление производили на исследователя как душевная жизнь поколения 1840-х гг., «наэлектризованная избытком чувств, требовавших выражения и излияния» (Ч. 1–2, 47), так и литературная деятельность определенной части поколения 1880-х гг., представители которой «отдавали дань увлечению “эстетизмом”, “аполитизмом”, “аморализмом”» (Ч. 3, 38).

Судьба выделенного Овсяннико-Куликовским центрального типа

русской литературы делает крутой поворот в «монументальной фигуре Базарова, которой в галерее наших художественных типов принадлежит одно из самых видных мест» (Ч. 1–2, 310). Автор предлагает читателю подробнее «разобраться в генеалогии Базарова, как типа» (Ч. 1–2, 329). Во-первых, он разделяет мнение Н. Н. Страхова о том, что в Базарове мы имеем тип не просто общественный, а национальный, «отражение известных черт великорусской национальной психологии, которые, конечно, являются еще более стойкими и общими, чем признаки общественно-психологические» (Ч. 1–2, 310). Во-вторых, преемственность типов, по мысли Овсяннико-Куликовского, здесь нарушается: «Базаров, как тип, отнюдь не произошел от Рудиных и Бельтовых и не унаследовал духовных благ, ими накопленных» (Ч. 1–2, 331) — «он пришел им на смену, как их отрицание, и никаких уз духовного сродства мы не найдем между ним и всей серией типов» (Ч. 1–2, 331). Базаровский тип разрывает замкнутый круг всероссийской обломовщины. Его нигилизм «совпадает с наукой, научным мирозерцанием, критической философией» (Ч. 1–2, 335) и в этом отношении представляет наконец общечеловеческое явление. Овсяннико-Куликовский связывает его с европейским «поворотом философских направлений от метафизики, от идеалистической философии... к философии материалистической, основанной на естествознании» (Ч. 1–2, 324).

Россия в своём догоняющем развитии, по логике автора, не могла не воспроизвести ту же ситуацию. «Переход от идеалистической метафизики к материализму и позитивизму был неизбежен и вовсе не так труден. Мы должны были сделать этот шаг, как сделала его, в свое время, мыслящая Европа» (Ч. 1–2, 251). Воспроизведение, о котором говорит Овсяннико-Куликовский, имело место и в более ранние периоды, но носило в значительной степени имитационный характер: «Рационалистическая идеология была в свое время законным и исторически необходимым продуктом западноевропейской умственной культуры. Пересаженная в Россию в XVIII веке, она либо вырождалась в лицемерное и сентиментальное фразерство (вспомним “республиканца” и крепостника Карамзина), либо от нее оставалось “жеманство — больше ничего”, либо, наконец, у людей истинно-просвещенных и искренних она еще резче оттеняла наше “отчуждение” и “рабство”» (Ч. 1–2, 501). Теперь же речь шла о другом, Овсяннико-Куликовский подчеркивает самостоятельный и творческий стиль новейших русских рационалистов и позитивистов.

Дальнейшее развитие русской литературы Овсяннико-Куликовский оценивает исходя из того, насколько она встроена в увиденный им об-

I. Историография не для всех

щечеловеческий путь или, наоборот, отклоняется от него. Самую благоприятную оценку исследователя заслуживал в этом плане А. П. Чехов. Определяющим моментом в работе писателя Овсяннико-Куликовский считал его «метод художника-гигиениста», усилия которого направлены на неустанный поиск «симптомов общественного оскудения» (Ч. 3, 75). «Есть что-то “базаровское” (в смягченном и облагороженном виде) в моральном и идеологическом эмпиризме Чехова» (Ч. 3, 60), — находил критик и относил сходство на счёт общего для обоих «вторжения медицинской точки зрения в искусство» (Ч. 3, 82). Вершиной творчества Чехова Овсяннико-Куликовский считал повесть «Скучная история», которая, по его мнению, глубиной мысли и силой душевных страстей «заслуживала бы заглавия: “Фауст XIX века”» (Ч. 3, 57). Николай Степанович, профессор из повести, «есть как бы новый Фауст» (Ч. 3, 70). Но не «новое воплощение фаустовского типа», «нет возможности подводить их под один и тот же психологический тип». Николай Степанович «относится к старому Фаусту так, как современная наука относится к средневековой, как химия — к алхимии» (Ч. 3, 71). К такому выводу Овсяннико-Куликовский приходит на основании того, что «гетевский Фауст разочаровывается в своей “науке”, ...герой же “Скучной истории” до последнего вздоха сохраняет нерушимую “веру” в науку» (Ч. 3, 71).

Чтобы рассмотреть другую сторону литературной критики Овсяннико-Куликовского и оценить, насколько уничтожающей способна она быть, достаточно обратиться к его анализу Достоевского. Учёный писал о Достоевском сравнительно редко, но всё же не мог не посвятить ему в «Истории русской интеллигенции» две главы. Если в Чехове исследователь видит доктора, то в Достоевском — скорее одного из потенциальных пациентов. Он открывает большую традицию прочтения Достоевского, редуцированного до психоанализа, в которой после него будет не только Фрейд, но и Томас Манн, и Стефан Цвейг¹³⁵. Однако к медицинской лексике Овсяннико-Куликовский подбирается постепенно.

Прежде всего, он характеризует Достоевского как консерватора и констатирует наличие в нём «признаков, дающих возможность причислить его к врагам освободительного движения и прогресса» (Ч. 1–2, 442). Идеи Достоевского, «этого гениального, но неуравновешенного и негуманного человека» (Ч. 1–2, 459), действовали на читателей как наркоз, в его сочинениях «многие искали умственного убаюкивания», а торжество его иллюзий «означало бы, что Россия заснула истинно-обломовским сном или грезит наяву» (Ч. 1–2, 452). На самом же деле, не

135 Смирнов И. П. Особенности восприятия Ф. М. Достоевского в Германии // Ф. М. Достоевский — наш современник. М., 2000. С. 259.

иллюзорно, «под покровом слов о всепрощении, о христианской любви, о братстве у него клокочет злость» (Ч. 1–2, 456). Навязчивые идеи писателя, его «ослепленность», Овсянико-Куликовский сводит в конечном итоге к двум пунктам: это религиозность Достоевского и его неверное отношение к русскому народу.

Именно «национализм», жертвой которого, по оценке Овсянико-Куликовского, стал писатель, «с психологической необходимостью ведет к софистике, ко лжи, к подтасовкам, к человеконенавистничеству и изуверству» (Ч. 1–2, 446). Отношение Достоевского к народу критик трактует как утопию, «идолопоклонство», «насилие над совестью, духовное рабство и худший вид лицемерия» (Ч. 1–2, 445). Учёный подчеркивает, что националистическая проповедь писателя действовала как гипноз, в ней «было что-то безоглядное, иступленное... на что русский читатель всегда был падок» (Ч. 1–2, 443). «Удачным опытом такого гипноза» (Ч. 1–2, 453) Овсянико-Куликовский называет знаменитую Пушкинскую речь писателя, «которая произвела сенсацию и нечто вроде коллективной истерики», а по сути была наполнена лишь «бледными и общими местами славянофильского народничества и русского мессианизма» (Ч. 1–2, 453).

Не меньшее неприятие Овсянико-Куликовского вызывает «негуманная, раздражительная и озлобленная религиозность» (Ч. 1–2, 456) Достоевского. Исследователь отмечает, что Достоевский «самую веру в Божество, в бессмертие души... брал и ценил как реальный психологический факт» (Ч. 1–2, 457). Изучать его произведения, по мнению Овсянико-Куликовского, необходимо для уяснения «психопатологии религии», но с существенной оговоркой: «нельзя ожидать сколько-нибудь удовлетворительной постановки и разработки вопросов философии и психологии религиозности от художника с столь узким художественным кругозором, какой мы видим у Достоевского» (Ч. 1–2, 459). Однако «для изучения... патологического источника религиозности сочинения Достоевского — настоящий “человеческий документ”» (Ч. 1–2, 458), — отмечает критик.

Овсянико-Куликовский не соглашается с мнением, что писателю удалось изобразить все глубины человеческой души — в действительности Достоевский показывает «только некоторые», причём, всякий раз одни и те же. Единственное, что правдиво изображено у Достоевского, это «болезнь совести, как источник жгучей потребности в вере в загробное существование» (Ч. 1–2, 458). Верность описания Достоевским этой болезни, как пишет исследователь, «подтверждают, кажется, единогласно специалисты — психологи и психиатры» (Ч. 1–2, 458). Ссылаясь

на «психопатологическую организацию большинства героев Достоевского», Овсяннико-Куликовский выявляет «интимную психологическую связь психопатологической основы творчества Достоевского с “жестокостью” его таланта, а равно и с его религиозно-моральными исканиями» (Ч. 1–2, 470). Сами эти искания обусловлены, с точки зрения критика, «болезненным состоянием его нервной системы», они ни что иное, как борьба Достоевского с собственными «припадками озлобления». «В его психических самоистязаниях... было своеобразное “сладострастие” мучительства. В результате возникла душевная истома, разрешавшаяся припадками сентиментальной религиозности» (Ч. 1–2, 471).

Роман «Братья Карамазовы», одно из ключевых произведений русской мысли, получает невысокую оценку критика: «разработка темы и выполнение замысла едва ли могут быть признаны вполне удачными» (Ч. 1–2, 459); «вопрос жизни и нравственного сознания, вопрос о зле в мире... поставлен здесь нерационально, можно сказать, психопатически» (Ч. 1–2, 462); Иван Карамазов — «психопат в точном, медицинском смысле этого слова» (Ч. 1–2, 459).

Отдельно занимает Овсяннико-Куликовского проблема восприятия Достоевского в России. Исследователь признает, что на рубеже 1870–1880-х гг. его популярность в стране «сильно возросла» (Ч. 1–2, 451), но в другой части книги возвращается к этому вопросу, чтобы уточнить, что «шумный успех» идей Достоевского «в глухое время 80-х годов... оказался мишурным» (Ч. 3, 103). Причину популярности мыслителя Овсяннико-Куликовский видит в том, что публику «подкупала кажущаяся гуманность Достоевского, а равно и — столь же фиктивный — радикализм его протеста» (Ч. 1–2, 451). И хотя это был «ореол, далеко не отвечавший действительности» (Ч. 1–2, 455), всё же «для проповеди Достоевского почва была готова», причём, как подчеркивает Овсяннико-Куликовский, «в данном случае читательницы важнее читателей» (Ч. 1–2, 452). Учёного удручало любое свидетельство того, что «наше образованное общество, несмотря на пройденную им школу нигилизма, материализма, позитивизма, оставалось (и остаётся доселе) очень отзывчивым и падким на всякую идеологию, так или иначе затрагивающую скрытые струны религиозности» (Ч. 1–2, 452). Но в будущее он смотрел с оптимизмом. Полагая, что «принцип: “религия — основа морали” есть принцип культурно отсталых народов» (Ч. 3, 159), он выражал надежду: «С развитием культуры... сама психологическая религиозность заметно изменяется в своем характере и психологическом составе. Ей, очевидно, предстоит новый путь развития — в направлении резко индивидуалистическом (каждый человек

будет иметь свою не только религию, но и религиозность, годную и, так сказать, психологически обязательную только для него одного)» (Ч. 1–2, 421).

В соответствии с этим рисовались Овсяннико-Куликовскому и перспективы русской интеллигенции, которой, по мысли учёного, предстояло «отрезвиться» от своих теоретических споров и ненужной межнаправленческой борьбы и в дальнейшем прагматично отдавать силы только «научному воспитанию ума». «Благодатную иллюзию», что «нравы укрощены наукой», исследователь считал очень зыбкой: «В передовых странах Европы эта “иллюзия”, по-видимому, уже готова вскоре перестать быть иллюзией и превратиться в нормальное, здоровое и согласное с действительностью ощущение или воззрение. И там легко человеку мыслящему и чувствующему сохранять относительный мир души и спокойствие рациональной мысли... Иначе стоит дело в странах отсталых. Всего иллюзорнее та иллюзия у нас, в России, где еще так много варварства и дикости» (Ч. 3, 72).

Впрочем, Овсяннико-Куликовскому представлялось очевидным, что «вопрос... будет решен историческим ходом вещей и прогрессивным развитием самой интеллигенции» (Ч. 3, 176). Выражением этой оптимистичной уверенности учёный и завершает свою «Историю».

К «Истории русской интеллигенции» Овсяннико-Куликовского, в которой обычно видят главный труд учёного, можно подходить по-разному. Узкий подход демонстрирует П. Н. Милюков, который в своих библиографических заметках характеризует книгу как «ряд этюдов о писателях, выражавших стремления интеллигенции, от Грибоедова до Чехова»¹³⁶. Но размах и масштаб работы слишком широки для этого, о чём говорит один только перечень обсуждаемых в ней произведений. Речь идёт не о выразителях интеллигентских стремлений, а о русской литературе, как и культуре в целом. Нельзя не согласиться и с самим Овсяннико-Куликовским и не признать оправданным его отказ от первоначального названия работы: «Итоги русской художественной литературы XIX века». Ведь под интеллигенцией он понимает мыслящую среду, создающую духовные ценности, и далеко не только литературу. Однако одной интеллигенцией, как бы всеохватно ни толковал ее учёный, его фундаментальный труд тоже не ограничивается. Как представ-

¹³⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 353.

I. Историография не для всех

ляется, «Историю русской интеллигенции» следует встроить в традицию истории русской мысли и рассматривать именно в этом ряду.

История русской мысли была предметом изучения многих авторов. Классическими образцами остаются исследования В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского, где она представлена под именем истории русской философии (при этом «философия» понималась не менее расширительно, чем «интеллигенция» у Овсянико-Куликовского), или же В. С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Л. П. Карсавина, которые размышляли о ней под именем русской идеи. Интересно, что одна из ранних работ Овсянико-Куликовского носила название «Очерки из истории мысли». Учёный ставил в ней задачу «дать посильное объяснение происхождения некоторых философских идей»¹³⁷, в решении которой он опирался на сопоставление античных греческих философов и Риг-Веды. В центре внимания Овсянико-Куликовского находились Космос, Эрос, Единое Сущее, культ огня, вакхические культы, Любовь и Вражда, стихии земли, воздуха и воды. Похоже, что образцом для этой работы послужил труд «Опыт истории мысли» одного из кумиров ученого — П. Л. Лаврова. Но по существу в гораздо большей степени традиционно понимаемому предмету истории мысли соответствует именно «История русской интеллигенции».

«У нас, русских, потребность в философской систематизации знания и опыта жизни... образует черту национального умственного склада, сближающую нас с немцами» (Ч. 1–2, 107), — это наблюдение Овсянико-Куликовского вполне созвучно оценкам В. В. Зеньковского. Не менее характерным и ценным представляется его суждение о том, что всех русских мыслителей, независимо от направления, отличает «исторический романтизм». Но наиболее очевидное сходство его книги об интеллигенции с признанными работами по истории русской мысли, которое бросается в глаза, — так называемый «литературоцентризм», подмечаемая большинством исследователей особенность русской мысли вообще¹³⁸. Литературные образы, которые, по выражению Н. А. Бердяева, воспринимались как более «реальные», чем их прототипы в жизни, традиционно господствуют в русской мысли. Говоря о России и русском народе, мыслители рассуждают о писателях и поэтах. Типична позиция С. Н. Булгакова, который считал, что «апофеоз», олицетворение русского народа в XIX в. — это Вас-

137 Овсянико-Куликовский Д. Н. Очерки из истории мысли // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 2. С. 159.

138 Смирнов И. П. История мысли. Теоретические основания. М., 2020. С. 74–100.

нецов, Достоевский, Вл. Соловьев и Толстой, «мы все в национальной совокупности являемся их творцами»¹³⁹. Той же идеей руководствуется Овсяннико-Куликовский: «Характерные черты национальной психологии ярче всего обнаруживаются в художественном творчестве крупных дарований и гениев» (Ч. 1–2, 327). А замечание В. В. Розанова о фатальном характере ложного восприятия русской интеллигенцией Гоголя, что тоже укладывается в понятие литературоцентризма, будто прямо отсылает к книге Овсяннико-Куликовского: «Жизнь и историю сотворило, и огромную жизнь сотворило, именно принятие его за натуралиста и реалиста, именно то, что и “Ревизора”, и “Мертвые души” все сочли (пусть ложно) за копию с действительности, подписав под творениями — “с подлинным верно”. Настаивание на этом... и произвело весь “бурелом” в истории, оно и сообщило Гоголю огромную силу ломающего лома, — поистине значение того архимедовского рычага, которым великий механик обещал бы перевернуть землю, “если бы нашел точку опоры”. Он показал всю Россию бездоблестной, — небытием»¹⁴⁰.

Заметим, что во многих отношениях сам Овсяннико-Куликовский предстает как типично русский мыслитель. Можно указать целый ряд родовых черт, отличающих русскую мысль и присущих Овсяннико-Куликовскому как одному из её представителей. Например, известный концепт всеединства. Его следы вполне можно обнаружить во многих мыслях Овсяннико-Куликовского. Он полагал ущербным и неокончательным разделение духовного мира человека на две изолированные сферы — чувства и мысли, — произошедшее в результате тысячелетней эволюции. Человеческая психика сложна и расчленена, но эволюция ее не закончена: в будущем, хотя и отдалённом, как утверждал Овсяннико-Куликовский, обе сферы должны слиться воедино. Философская идея бесконечного, разрабатываемая в русской мыслительной традиции, волновала и Овсяннико-Куликовского. И хотя в работе «Идея бесконечного в положительной науке и в реальном искусстве» он пишет, что разрешение её необходимо искать на почве науки, а не метафизики¹⁴¹, сама постановка вопроса достаточно показательна. Научное творчество Овсяннико-Куликовский определял как познание и разработку идеи бесконечного в его космических формах, а художественное творчество как

139 Булгаков С. Н. Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев и Толстой (параллели) // Литературное дело. СПб., 1902. С. 120.

140 Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. С. 338.

141 Овсяннико-Куликовский Д. Н. Идея бесконечного в положительной науке и в реальном искусстве // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1. Харьков, 1907.

I. Историография не для всех

дающее то же самое в формах человеческого выражения.

Методологический принцип восприятия конкретного и индивидуального, который защищал Овсяннико-Куликовский, тоже имеет глубокие корни в русской мысли. По оценке учёного, повседневное, обыденное мышление может быть названо «реалистичным» постольку, поскольку непосредственно берёт образы из действительности и отличается конкретностью и индивидуальностью. Художнику-реалисту остаётся, опираясь на это свойство обыденной речи, обобщить и развить его. Схожим образом воспринимает проблему конкретного С. Н. Булгаков, обосновывая свое учение об «идеал-реальном бытии». Н. О. Лосский обобщает это направление мысли в качестве «идеи конкретного в русской философии». Вот выделенные им черты отечественной мыслительной традиции: «1) утверждение абсолютной ценности конкретного, индивидуального бытия, именно личности; 2) утверждение, что ценность личного бытия по рангу стоит выше ценности отвлеченных начал; 3) недопустимость поглощения личности видом, родом, обществом, государством, вселенною; 4) несводимость нравственной задачи личности только к подчинению отвлеченным общим правилам, законам и нормам, иными словами, необходимость конкретной этики; 5) учение о свободе в точном смысле слова, т.е. не только отрицательной относительной, но и положительной абсолютной»¹⁴².

Индивидуальности, «выработке личности», Овсяннико-Куликовский придает первостепенное значение. И хотя его идеи развиваются в ином русле, чем было принято в рамках русского персонализма (по справедливому замечанию С. Л. Франка, «излюбленная тема русских размышлений — человек как звено во всеобщей богочеловеческой связи»¹⁴³), само внимание к проблемам индивидуальности нельзя не признать типичным. Личность для Овсяннико-Куликовского представляет собой совокупность психических процессов в индивидуе. Психологические штудии учёного венчались выводом, что прогресс человеческой психики в дальнейшем будет определяться синтезом всех её элементов, т.е. мыслительной и чувственной сферы. «Этот синтез и есть то, что иначе называется личностью», — подчёркивал исследователь. О синтезе разума, чувства и воли, всех познавательных способностей человека, говорили ранние славянофилы, А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. Эти идеи легли в основание всей последующей русской мысли, составили ядро её теории познания. И Овсяннико-Куликовский воспроизводит этот

142 Лосский Н. О. Идея конкретности в русской философии // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 129.

143 Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 158.

общий посыл, несмотря на то, что его отношение к славянофилам было отрицательным.

Исследователь стремился занять позицию вне спора западников и славянофилов, над ним. Он акцентировал те моменты в их психологическом портрете, которые позволяли отнести тех и других к одному «общественно-психологическому типу». И все же симпатии его очевидны, в статье «Психология русской интеллигенции» он прямо указывает на «умственное рабство, дух нетерпимости и фанатизм, которым... характеризовались славянофилы — в отличие от западников», которых, по мнению исследователя, отличают «убеждение в необходимости приобщения России к общечеловеческому просвещению» и «ненависть к застою, мракобесию, невежеству, диким нравам»¹⁴⁴.

Овсяннико-Куликовский, безусловно, западник, и этим интересен. Его книга, как представляется, служит великолепной иллюстрацией к прозвучавшей в русской мысли характеристике нашей интеллигенции и ко всем содержащимся в ней опасениям. В этом отношении работа сохраняет свою актуальность и для сегодняшнего дня. Овсяннико-Куликовский подметил существенную особенность, присущую в том числе и его взглядам: «склонность и, так сказать, вкус к самоотрицанию, к насмешке над своей жизнью, своими нравами, формами быта, понятиями — к критическому и отрицательному отношению к себе самим, как исторически сложившейся национальности» (Ч. 1–2, 328). Оценка критика резка, но полностью применима к нему самому: «Русский человек, как только он достигает самосознания и начинает критически мыслить, — прежде всего принимает отрицать исторически и психологически данные формы нашего национального уклада» (Ч. 1–2, 328).

Видимо, в случае Овсяннико-Куликовского мы имеем дело с явлением, которое сам учёный описал как «отрицательный национализм». Объясняя его на примере И. С. Тургенева, он констатировал, что писатель находил особый род удовлетворения в «злой критике самой национальности нашей», всех порождаемых ею исторических форм и учреждений. «Если вдуматься в суть дела, — рассуждает Овсяннико-Куликовский, — то это отношение Тургенева к русской национальности, не всегда справедливое, придется определить как особого рода национализм, именно — отрицательный. Он противоположен настоящему — положительному — национализму в своих выводах, в идеях, в практической программе, но роднится с ним психологически: ведь он также основан на самом чувстве национальности. Критикуя свою

144 Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России. М., 1991. С. 396.

I. Историография не для всех

национальность и порицая те или другие черты ее, человек показывает тем самым, что он ее чувствует и относится к ней далеко не индифферентно» (Ч. 1–2, 297). Говоря о И. С. Тургеневе, учёный в сущности рисует в этих словах автопортрет. Носители подобного мировоззрения занимают особое место в истории русской мысли.

И, конечно, в полной мере самобытный талант Овсяннико-Куликовского раскрылся в его ярких, пронизательных психологических наблюдениях при анализе отдельных произведений русской литературы. По отношению к некоторым из них, принадлежащим писателям «второго ряда», критик выступает в качестве первооткрывателя в нашем литературоведении. «Овсяннико-Куликовский судил, как безрелигиозный гуманист, но наблюдал он верно»¹⁴⁵, — считал Г. В. Флоровский, ссылаясь в «Пути русского богословия» на его мнения о Гоголе, Добролюбове, Льве Толстом. Психологические характеристики учёного, основанные на прекрасном знании литературного и биографического материала, привлекают тонкостью, оригинальностью, неожиданностью сравнений и богатством ассоциаций. Здесь его подлинная стихия, здесь в максимальной степени вскрывается субъективизм его научных построений и проявляются личные литературные вкусы во всем их конкретном многообразии, но в то же время это та область, в которой объективное значение его труда следует признать непреходящим. Замечательная по точности оценка, высказанная Овсяннико-Куликовским в адрес экономиста М. И. Туган-Барановского, полностью приложима к указанному аспекту его собственного разнопланового творчества — «искрящаяся жизнерадостность научной мысли»¹⁴⁶.

145 Флоровский Г. В. Пути русского богословия. К., 1991. С. 404.

146 Овсяннико-Куликовский Д. Н. Незабвенной памяти М. И. Туган-Барановского (Предисловие) // Туган-Барановский М. И. Нравственное мирозерцание Достоевского. Одесса, 1920. С. IV.

Научный метод В. А. Плугина

Андрей Рублёв — выдающийся иконописец России конца XIV — первой трети XV вв. Интерес к творческому наследию мастера и его ценность были и остаются значительными, особенно сегодня. Научное изучение жизни и творчества Андрея Рублёва продолжается более двух столетий. При этом и процесс обретения иконописных работ русского гения представляет собой длинный исторический путь — от собирания, реконструкции и художественного описания, до научной атрибуции, историко-философского изучения и духовного осмысления рублёвских икон и фресок.

Участниками этого длительного процесса являются специалисты различного профиля: историки, философы и мыслители, искусствоведы и реставраторы, коллекционеры, деятели культуры. Неизбежный междисциплинарный подход породил широкое пространство научных работ о жизни и творчестве русского иконописца.

Пробуждение интереса к древней иконописи и Андрею Рублёву было связано с русским старообрядчеством. Именно оно, как носитель исконной культурной традиции, положило начало собиранию и коллекционированию предметов русской старины. Собирательская деятельность старообрядцев способствовала сохранению многих памятников допетровской иконописи, а также древней традиции иконописания. Так выявлялся контекст традиции Андрея Рублёва.

Основополагающий вклад в дело обретения и научного изучения иконописных работ Андрея Рублёва внесли русские реставраторы и искусствоведы. Благодаря усилиям И. Э. Грабаря, В. П. Гурьянова, Г. О. Чирикова и др. в рамках деятельности реставрационных мастерских и экспедиций начала XX в., были обнаружены и сохранены многие шедевры древней русской иконописи, в том числе рублёвские иконы и фрески. Научные изыскания искусствоведов Н. П. Кондакова¹⁴⁷, Н. П. Лихачёва¹⁴⁸, В. Н. Лазарева¹⁴⁹,

147 Кондаков Н. П. Русская икона: в 4 т. Прага, 1928-1933.

148 Лихачёв Н. П. Манера письма Андрея Рублёва: Реферат, читанный 17 марта 1906 г. СПб., 1907.

149 Лазарев В. Н. Андрей Рублёв и его школа // История русского искусства. В 13 т. Т. 3. / Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1955. С. 102-187.

I. Историография не для всех

М. В. Алпатова¹⁵⁰, Н. А. Деминой¹⁵¹, Г. И. Вздорнова¹⁵² оказали влияние на стилистическую атрибуцию творчества иконописца.

Однако, несмотря на очевидные положительные результаты, искусствоведческий метод имеет и некоторые недостатки. Это, в первую очередь, рассмотрение отдельных аспектов творческого пути иконописца без выраженного стремления раскрыть его мировоззрение. Чрезмерная концентрация внимания искусствоведов на художественных особенностях и внешних формах рублёвских икон и фресок приводила порой к ситуации, когда исследователи фактически начинали поверять иконописную гармонию сухой алгеброй: «Боковые ангелы Троицы обращены к среднему, и их головы к нему склонены. Правый ангел тупым углом, образуемым его левым контуром, замыкает собою или приемлет как обращенный на него взор среднего ангела, так и направление его могущества. Правый ангел еще характеризуется параболностью контура»¹⁵³.

Более того, ввиду отсутствия принципа историзма в подходе к осмыслению наследия Андрея Рублёва, искусствоведы зачастую обезличивали рублёвский замысел. Они сбивали его с национального фактора на мировой, тем самым ставя работы иконописца в один ряд с мировыми шедеврами европейского искусства¹⁵⁴, что, в принципе, справедливо. Получается, что искусствоведы стремились закрепить в науке некий общий для рублёвских работ «рецепт» создания, а также традицию восприятия Андрея Рублёва исключительно как гениального художника.

Поднимая вопрос об историографическом поле рублёвоведения, важно также отметить, что осмысление духовного замысла иконописца было бы невозможно без философских наработок русских религиозных мыслителей конца XIX — начала XX века. Это в первую очередь Е. Н. Трубецкой и П. А. Флоренский. Их научная и творческая деятельность характеризовалась попытками философской интерпретации древней иконы и иконописного наследия Андрея Рублёва через осмысление национального характера и исторической реально-

150 Алпатов М. В. Андрей Рублев и русская культура // Андрей Рублев и его эпоха. Сборник статей / Под ред. М. В. Алпатова. М., 1971. С. 7–17.

151 Демина Н. А. О связях Андрея Рублева и мастеров его круга с искусством и культурой Киевской и Владимиро-Суздальской Руси // Там же. С. 125–142.

152 Вздорнов Г. И. Троица Андрея Рублёва: Антология. М., 1989.

153 Олсуфьев Ю. А. О линейных деформациях в иконе Троицы Андрея Рублёва // Андрей Рублёв [Электронный ресурс.] URL: <http://andrey-rublev.ru/antology-olsufev2.php> (Дата обращения: 17.05.2024).

154 Алпатов М. В. Андрей Рублев и русская культура. С. 13.

сти иконописца, через привязку к истории русского общества и государства, к современникам мастера и его духовной школе. Именно из национальной идеи и идеи духовной преемственности вышла у философов мысль о рублёвской «Троице» как идеальном выражении заветного замысла св. Сергия Радонежского о соборности и духовном подвиге русского народа¹⁵⁵. Благодаря русским философам происходило постепенное углубление осмысления древней иконописи в рамках национальной традиции, что в дальнейшем было дополнено отечественными историками.

Зарождение исторического подхода к изучению древнерусского искусства восходило к творчеству корифеев истории XIX в., таких как В. О. Ключевский, рассматривавших художественные произведения как исторический источник. В. О. Ключевский впервые ввёл формулу осмысления художественных произведений: само по себе — это индивидуальное, личное творчество, но, если произведение согрето национальным чувством, оно становится явлением народной жизни, историческим фактом¹⁵⁶.

Таким образом, в результате активной исследовательской и творческой работы была сформирована твердая научная основа для разработки дальнейшего, уже научного исторического подхода к изучению жизни и творчества Андрея Рублёва, что отразилось в исследовательском опыте М. Н. Тихомирова и, впоследствии, в научных работах В. А. Плугина.

Историк М. Н. Тихомиров (1893–1965) увидел в духовном учении Сергия Радонежского ключ к пониманию художественных замыслов рублёвских икон и фресок. Для М. Н. Тихомирова Андрей Рублёв стал в первую очередь проявлением национального гения русского народа¹⁵⁷. Особенностью и приоритетом исторического подхода, следовательно, стало доминирование принципа историзма, а именно большей привязки творчества живописца к истории русского народного сознания, философии, государства, и в меньшей степени — к истории изобразительного искусства.

С точки зрения исторического подхода, вершиной научного осмысления творческого наследия Андрея Рублёва следует, несомненно, считать историка русской иконописи В. А. Плугина (30 июля 1937 — 6 де-

155 *Флоренский П. А. Иконостас. СПб., 2010. С. 67.*

156 *Ключевский В. О. Грусть // Сочинения в восьми томах. Т. 8. Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М., 1959. С. 131.*

157 *Тихомиров М. Н. Андрей Рублев и его эпоха // Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 209.*

кабря 2003). Будучи человеком безграничных духовных возможностей, он подходил к научно-историческому творчеству с позиции русского патриотизма. На мировоззрение и профессиональные интересы историка во многом повлияла его работа в 1960–1964 гг. на посту заведующего отделом искусства во Владимиро-Суздальском историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике. Именно в этот период, отмеченный также 600-летним юбилеем Андрея Рублёва, произошло знакомство В.А. Плугина с

древнерусской культурной традицией, с сохранившимися рублёвскими иконами и фресками. Открытие творчества иконописца учёным, ранее специализировавшимся на истории народных бунтов в России, произошло в Суздальском музее. Рублёвская икона «Богородицы Владимирской» стала личным откровением историка.

Научная деятельность В. А. Плугина связана с историческим факультетом Московского университета. С 1968 г. историк начал свою преподавательскую деятельность на кафедре источниковедения, приняв участие в составлении труда М. Н. Тихомирова «Русская культура X–XVIII веков»¹⁵⁸. Научное творчество историка русской иконописи поддерживали такие именитые историки, как М. Т. Белявский, В. Н. Лазарев и И.Д. Ковальченко.

Владимир Александрович с блеском преподавал источниковедение отечественной истории в Московском университете. Его понимание русского летописания поражало коллег и студентов. Симптоматично, что когда в 1976 г. вышла в свет книга Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV–XV вв.»¹⁵⁹, именно В. А. Плугин был приглашён к написанию научной рецензии¹⁶⁰. Инициатором выступил И. Д. Ковальченко, главный редактор ведущего исторического журнала «История СССР»,

158 Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968.

159 Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

160 Плугин В. А. Нерешённые вопросы русского летописания XIV–XV веков // История СССР. 1978. № 4. С. 73–94.

хорошо понимавший различие взглядов Владимира Александровича и Якова Соломоновича на русскую историю.

Научный интерес В. А. Плугина к древнерусской иконе постепенно стал центральной темой всего творчества историка. В 1969 г. Плугин защитил кандидатскую диссертацию, а в 1994 г. — докторскую на темы, раскрывающие мировоззрение Андрея Рублёва, духовную жизнь Руси эпохи Сергия Радонежского, изобразительные и письменные источники XIV–XV вв. На основе диссертаций были изданы две монографии: «Мировоззрение Андрея Рублёва: (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник» (1974)¹⁶¹, «Мастер “Святой Троицы”. Труды и дни Андрея Рублёва» (2001)¹⁶². Помимо рублёвской темы, историка интересовало изучение исторических биографий¹⁶³, летописания¹⁶⁴ и русской культуры¹⁶⁵, русской разведки¹⁶⁶ и войн в России, а также краеведение Владимирской области¹⁶⁷.

Основным подходом В. А. Плугина к изучению истории Отечества является соединение исторического источниковедения, искусствоведения, а также собственного духовного опыта учёного. Таким образом, историк через самостоятельный религиозный поиск и переживания пришёл к осмыслению жизни и творчества Андрея Рублёва. Иконописец воспринимался Владимиром Александровичем как выразитель нового мировоззрения русского человека конца XIV — начала XV вв. Примечательно, что историк стал одним из первых послевоенных исследователей, сконцентрировавших своё научное внимание именно на мировоззренческой проблеме русского народа.

Работа учёного, посвящённая исследованию мировоззрения Андрея Рублёва, в полной мере раскрывает научный метод Плугина. Историк изучал Андрея Рублёва в его неразрывной связи с эпохой: рассматривал социальную среду живописца, его ближайшее окружение, философские

161 *Он же.* Мировоззрение Андрея Рублёва: (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974.

162 *Он же.* Мастер «Святой Троицы». Труды и дни Андрея Рублёва. М., 2001.

163 *Он же.* Алехан, или Человек со шрамом: Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. Документальная повесть с некоторой долей вымысла. М., 1996.

164 *Он же.* Летописи // Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981. С. 62–79.

165 История русского и советского искусства: учебное пособие для вузов / М. М. Алленов, О. С. Евангулова, В. А. Плутин и др.; Под ред. Д. В. Сарабянова. М., 1979.

166 Богданов А., Плугин В. А., Шеремет В. Разведка была всегда: Заново прочитанные страницы истории спецслужб от начала Киевской Руси до конца Российской империи. М., 1998.

167 Владимиро-Суздальский музей-заповедник: Путеводитель / А. И. Антонова, С. П. Гордеев, В. А. Плугин и др.; Под ред. С. П. Гордеева. Владимир, 1964.

I. Историография не для всех

веяния, взгляды и идеи современников. В. А. Плугин исследовал философские трактаты и литературные произведения рублёвского периода, чтобы понять, что вдохновляло художника, что способствовало смысловому наполнению его иконописных работ. Таким образом историк от понимания эпохи шёл к осмыслению народного гения русского иконописца. Важно и то, что Владимир Александрович не отделял жизнь и личность Андрея Рублёва от его творчества, а наоборот, видел их как неразрывное целое и воспринимал бытие иконописца как творческую форму жизни, или «жизнетворчество».

Погружаясь в социальные и духовные процессы Руси эпохи Андрея Рублёва, В. А. Плугин, благодаря своему глубинному зрению, смог увидеть, что внутри общества конца XIV — начала XV вв. уже сложились те народные силы, связанные с развитием исихазма и учением Сергия Радонежского, которые окажутся способными своим духовным и телесным подвигом вывести государство из состояния всеобщей розни и кризиса. Историк русской иконописи оказался таким образом фактически единственным в научном сообществе учёным, которому открылось, что именно этот замысел Андрей Рублёв и воплотил в «Святой Троице» в результате личного философского переосмысления и саморефлексии живописца.

Исихастскому движению, а точнее его «русской рецензии»¹⁶⁸, как одному из ведущих явлений духовной жизни Руси XIV–XV вв., в «Мировоззрении...» уделяется значительное внимание. Осмысление В. А. Плугиным Андрея Рублёва во многом заключается в раскрытии идейной основы всего творчества русского иконописца. Живописец, вопреки распространённым в то время эсхатологическим представлениям об исходе мира к 1492 г., прочувствовал и сформировал на основе русского исихазма собственный позитивный взгляд на судьбу Руси. Поэтому в творчестве русского народного гения зазвучал просветленный мотив. Иконописец переосмыслил исихастскую традицию и воплотил результаты своего духовного поиска в иконах и фресках, отойдя от сложившихся иконографических традиций. Согласно В. А. Плугину, Андрей Рублёв предстаёт в русской истории не только как гениальный художник, но и как философ своего времени.

Важно подчеркнуть, что вопросы отражения исихастской философии в древнерусском и средневековом искусстве до В. А. Плугина уже поднимались в научных исследованиях, посвящённых изучению творчества Андрея Рублёва (например, в работах В. Н. Лазарева¹⁶⁹ и

168 Плугин В. А. Мировоззрение Андрея Рублёва. С. 6.

169 Лазарев В. Н. Андрей Рублёв и его школа. С. 102–187.

А. И. Клибанова¹⁷⁰), однако в них исихазму отводилось лишь второстепенное значение. Именно Владимир Александрович в полной мере связал идеи исихазма с творческим и духовным окружением Андрея Рублёва и собственным духовным подвигом русского иконописца. Этим объяснялось доминирование в рублёвских иконах и фресках чувства всеобщей любви к человеку, Богу и окружающему миру.

Вершиной исихастской философии, осмысленной живописцем, являются иконы Праздничного чина Благовещенского собора Московского Кремля, и прежде всего — иконы «Преображение» и «Воскрешение Лазаря». В «Преображении» В. А. Плугин увидел философию гармонии Андрея Рублёва. Она раскрывается в особенностях взаимоотношения фигур Христа и пророков Ильи и Моисея, в сдержанности апостолов. Иконописец отказался от передачи контрастов, расстояния, полярности божественного и земного начал, характерных для иконографической традиции. Тонкий психологизм рублёвской иконы раскрывает переосмысление русским мастером учения и образа Христа. Историк русской иконописи узрел в «Преображении» божественную благодать, соразмерность, близость Господа человеку: свет, исходящий от Христа, не обжигает апостолов, а просветляет. Они представлены иконописцем как самоуглубленные, сосредоточенные, созерцающие чудесный свет внутри самих себя. Этим объясняется отказ Андрея Рублёва от резкого изображения фаворского сияния, а также от выражения на лицах апостолов потрясения и ужаса от увиденного. Соразмерность и просветленность иконы, по мнению В. А. Плугина, является свидетельством русского национального сознания иконописца.

При анализе рублёвской иконы «Воскрешение Лазаря» В. А. Плугин зашёл ещё дальше в осмыслении творчества великого русского иконописца. Данная икона обладает исключительной иконографической оригинальностью. Особенностью её стало новое композиционное расположение: главным действующим лицом на иконе предстают не иудеи, как принято в иконографии, а апостолы. Андрей Рублёв расположил их не за Христом, а перед ним, навстречу ему. Важно отметить, что философское решение та-

170 Клибанов А. И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // Андрей Рублев и его эпоха. С. 62–103.

I. Историография не для всех

кой перестановки русского иконописца в широкой искусствоведческой среде практически не осмыслено. Большинство исследователей проходят мимо этого вопроса, рассматривая творческий замысел художника как исключение из правил.

Сильная сторона научной деятельности В. А. Плугина состоит в том, что он сумел раскрыть смысл совершённой Андреем Рублёвым перестановки на иконе «Воскрешение Лазаря». Историк сумел прочувствовать рублёвский психологизм, тонкую философскую ткань повествования иконы и пришёл к выводу, что работа иконописца — это его глубоко индивидуальное духовное размышление и восприятие исихазма. Андрей Рублёв рассматривал икону как философский трактат. Поэтому главный смысл иконописец сосредоточил не на факте чуда воскрешения как материальной стороны явления (на что делается упор в традиционной иконографии), а на проявлении любви Христа к своим духовным ученикам, стремлении передать им священное знание, приобщить к тайне будущего искупления.

Важное место в научном творчестве В. А. Плугина занимает также идея воссоздания биографии и облика Андрея Рублёва. Поэтому в монографиях историка содержатся новые дискуссионные предположения, отмечающие происхождение русского иконописца из древнего ремесленного рода, становление художественного гения Андрея Рублёва в светской, а не церковной среде и т.д. В. А. Плагин отличался научной принципиальностью, не боялся научных споров и критики, зачастую и сам выступая в качестве оппонента устоявшемуся в науке взгляду на русскую историю. К примеру, Владимир Александрович критически пересмотрел сложившееся в искусствоведческой среде мнение о первоначальном нахождении «Троицы» Андрея Рублёва: Плагин был убеждён, что рублёвская икона предполагалась изначально не для Троицкого собора и попала в Троице-Сергиеву обитель только в XVI в. благодаря усилиям Ивана Грозного¹⁷¹.

Такая «неудобность» и зачастую неуступчивость В. А. Плугина в вопросах, касающихся древнерусской иконописи и, в особенности, житнетворчества Андрея Рублёва, привели к тому, что в советской и современной науке сложилась традиция недооценки и даже игнорирования наследия историка. В научной среде складывается ситуация, когда искусствоведы и реставраторы умалчивают о научных изысканиях профессора или оказываются просто не знакомы с трудами учёного. Таким образом, целый пласт информации, связанный с лекциями об искусстве,

171 Плагин В. А. Мастер «Святой Троицы».

публичными и научными исследованиями и выступлениями практически не упоминает имени В. А. Плугина.

Другим фактором, препятствующим изучению научного наследия В. А. Плугина, является то, что труды историка сегодня не переиздаются. Печальна также судьба документов личного архива Владимира Александровича, большая часть которых не сохранилась. Лишь усилиями близких коллег профессора часть архива и библиотеки историка русской иконописи удалось спасти. Значительная часть материалов была сохранена С. М. Завьяловым, и. о. директора ведомственного архива Московского университета¹⁷². Так, несмотря на отрывочность наследия В. А. Плугина, сохраняется возможность рассмотрения и изучения его научного творчества — прорисей икон, копий изобразительных источников, статей с правками автора, подготовительных материалов по монографиям и т.д. Часть из них находится в архиве МГУ.

Память о В. А. Плугине продолжает сохраняться в научной деятельности друзей и учеников историка. В 2018 г. была издана монография Д. М. Володихина и Г. Р. Наумовой, посвящённая жизни и творчеству профессора Московского университета¹⁷³. Изучению наследия Владимира Александровича во многом посвящена научная деятельность Т. Д. Горячевой¹⁷⁴. Более того, на кафедре источниковедения Московского государственного университета, начиная с 2007 г., каждые пять лет проходят научные чтения памяти В. А. Плугина.

В трудах мемориального характера, посвящённых профессору, В. А. Плугин рассматривается как феномен эпохи. Это связано с тем, что историк русской иконописи неожиданно вошёл в науку и рублёведение с новым осмыслением житнетворчества Андрея Рублёва. Произошло это именно в тот исторический период второй половины XX в., когда в России активно шли процессы формализации русской культуры и нейтрализации всех духовных смыслов, о чём заговорили её представители¹⁷⁵. По воспоминаниям коллег: «Владимир Александрович не до-

172 Наумова Г. Р. Архив В. А. Плугина в деталях // Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 13. М., 2022. С. 90.

173 Володихин Д. М., Наумова Г. Р. Владимир Александрович Плугин: учёный, учитель, мыслитель. М., Севастополь, 2018.

174 Горячева Т. Д., Наумова Г. Р. Творчество Владимира Александровича Плугина и русская историография // Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина. Вып. 3–4. М., 2013. С. 118–128.

175 Особенно яркие оценки процессов находим в дневниках Г. В. Свиридова. См.: Свиридов Г. В. Музыка как судьба / сост. А. С. и В. С. Белоненко. М., 2017.

I. Историография не для всех

пускал сужения темы мировоззрения русского человека эпохи Сергия Радонежского до формы мазка кисти или химического состава соскоба с древней иконы»¹⁷⁶.

В. А. Плугин мыслил другими категориями и всегда бережно относился к исторической памяти своего народа. Погружаясь в житнетворчество Андрея Рублёва, историку удалось узреть живописца даже не как великого художника, каким его традиционно принято считать, а как народного гения, в котором соединились, помимо художественного таланта, собственный философский опыт иконописца и духовная поэзия русской жизни того времени.

¹⁷⁶ Володихин Д. М., Наумова Г. Р. Владимир Александрович Плугин: учёный, учитель, мыслитель. С. 45.

Проявление научной школы

К выходу книги А. А. Мурашева «Простая русская семья»

8 декабря 2023 г. в Доме русского зарубежья состоялась презентация книги Аркадия Анатольевича Мурашева «“Простая русская семья...”: (семейный портрет баронов Врангелей по мотивам писем О. С. Пушкиной, Ф. М. Достоевского, князя С. М. Волконского, А. А. фон Лампе, Марджаны М. и не только)». Автор рассказал о работе над очередным своим историко-документальным повествованием.

Сам по себе факт выхода в свет новой книги автора целого ряда интереснейших работ по различным периодам и сюжетам отечественной истории не удивителен. Однако имеется целый ряд обстоятельств моментов, на которые хотелось бы обратить особое внимание.

Импульс на изучение личности в истории Аркадий Анатольевич получил от своего учителя Валерия Ивановича Бовыкина. Вот как он сам говорит об этом:

«В середине 1990-х в пору моего нечувствительного «отступничества» от экономических штудий в сторону персонифицированной истории (князь П.Б. Козловский) и интереса – фамилия, похоже, обязывала – к литературным собраниям насекомых («Страна Мурашия» и т.п.) Валерий Иванович обратил мое внимание на неведомого мне в ту пору Федора Васильевича Чиждова (1811-1877).

Личность колоритнейшая – «свой среди своих»: Н. Гоголь, И. Айвазовский, А. Иванов, И. Аксаков, А. Хомяков, И. Мамонтов и др., редактор-издатель «Вестника промышленности», устроитель железнодорожных обществ, Московского купеческого банка и т.д.

I. Историография не для всех

- А кроме того, - Валерий Иванович не без хитринки посмотрел на меня, - автор дневника, который он вел с 14 лет до самой смерти, и, быть может, на страницах которого он поведал и еще об одном невольном увлечении (в малороссийской ссылке) – занятиях шелководством...

Да, дневник – до сих пор не востребован. А была бы панорама, летопись...

Блистательная аттестация Учителя понудила меня изучить литературу о «дяде Чижове» (так именовали Федора Васильевича в семье его друга Д. В. Поленова)... Увы, визит в «Ленинку» обескуражил – фонд, в котором хранился дневник Ф. В. Чижова оказался «заштабелированным»...

Наш автор имеет солидный творческий стаж. Им написано около 100 научных и научно-популярных работ, он также является соавтором учебника по истории. Область научных интересов: История России XIX — начала XX вв, российское дворянство, вопросы хозяйственного развития России до 1917 года. Однако сами по себе эти сведения мало способствуют пониманию места автора в сегодняшнем пишущем и читающем мире. А с другой стороны те читатели, которым выпала удача раньше других познакомиться с творчеством А. А. Мурашева, с удовольствием констатируют, что Аркадий Анатольевич свободно и уверенно держит ту высокую творческую планку, которую взял несколько десятилетий назад.

Вообще личность автора, его творческая манера, подходы к изучаемым проблемам просто не могут не привлекать внимания. Иногда даже непонятно до конца, то ли автор выбирает для своего рассмотрения таких интересных персонажей, то ли его персонажи делаются такими интересными и «объемными» под пером исследователя. Скорее всего, здесь происходят и тот, и другой взаимосвязанные процессы.

Отметим: автор обладает чертами личности, которые видны буквально в каждой его работе и которые сегодня востребованы в нашем обществе. Он неравнодушный, увлеченный человек, он патриот своего Отечества. Его интерес к персонажам — интерес истинный, не показной. Его взгляд на историю лишен отстраненного любования прошлым, что сегодня еще встречается. Может быть это последнее обстоятельство и не такой уж большой грех, но в любом случае Аркадию Анатольевичу он не свойственен. Он — профессионал, он — добросовестный исследователь. Именно поэтому его книги как только выходят из печати — сразу и закономерно превращаются в события культурной жизни, вокруг которых собираются его единомышленники и единоверцы. Его книги — это всегда неопровержимые факты,

интереснейшие архивные материалы, ценные наблюдения и выводы. Не хочется называть их «бестселлерами». Скажем так: его книги становятся библиографической редкостью как только выходят из-под печатного станка.

Интересные и насыщенные самыми разнообразными материалами публикации автора были посвящены таким персонажам отечественной и мировой истории, как князь С. М. Волконский, князь П. Б. Козловский, барон Н. Н. Врангель и многие другие.

Книга «Простая русская семья», с упоминания о выходе которой мы начали повествование, — это результат огромной исследовательской работы, которую ведёт А. А. Мурашев, привлекая редкие архивные материалы: письма, воспоминания, фотографии и другие документы, многие из которых публикуются впервые. Книга сопровождается подробными авторскими примечаниями, а их почти две тысячи, что лишний раз показывает его научную обоснованность. При этом следует учесть, что многие примечания являются следствием и результатом научных изысканий, а иногда и собственно изысканиями.

Сама по себе биобиблиография работ А. А. Мурашева, его подходы к изучаемым вопросам, умение и желание показывает разительное сходство творческой манеры нашего героя с творчеством его учителя, основателя научной школы, одной из наиболее сильных творческих школ последних десятилетий — научной школы Валерия Ивановича Бовыкина. Это сходство наблюдается по нескольким направлениям работы. Прежде всего, это редкое сочетание верности избранной теме с широтой научных интересов, стремление познать историю через людей, действовавших в истории и собственно делающих историю, ответственность за сказанное или написанное слово. Это точность языка, умение выделить главное при анализе проблемы. В их текстах нет случайных, «приблизительных» слов и понятий. Иногда кажется, что лучше было бы сказать или написать по-другому, «вот так», но потом выясняется, что нет, нельзя. Так, как у них — лучше, точнее, «тоньше».

Обратим внимание на характерный авторский прием. Знакома читателя с результатами своих научных разысканий, Аркадий Анатольевич не ограничивается тем, что демонстрирует результаты своих исследований. Чтобы читатели его трудов лучше поняли авторскую мысль, он вставляет в свою работу сильный автобиографический элемент. Он ведет читателя по всему исследовательскому лабиринту. Он не боится переступать ту черту, которая отделяет исторический материал, материал прошлого от сегодняшней реальности. Читая его работы, чувствуешь, что теряешь границу между автором и его героем-

I. Историография не для всех

ми, испытываешь чувство общего переживания, вместе с ними погружаешься в прошлое героев. Вместе с героями переживаешь историю Отечества, всю, без изъятия, с ее взлетами и неудачами. Каждый раз вновь и вновь задумываешься над смыслами истории. И вместе с тем такое погружение в исторический материал никоим образом не может быть рассмотрено как уход от научной четкости в подборе и использовании исторического материала. Для того, чтобы его лучше поняли, он вставляет в повествование автобиографические тексты, и герои этих повествований нам ничуть не менее интересны, чем Волконские, Врангели, Бенкендорфы и другие выдающиеся сопричастники нашей истории. Это дорогого стоит.

Автору хочется пожелать дальнейших успехов на ниве русской истории и русской словесности.

Эти книги прочитать обязательно:

Барон Н. Н. Врангель. Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. СПб., 2001.
Charles & U.-U. d'Ensky. Барон и Муза. Николай Врангель. Паллада Богданова-Бельская. СПб., 2001. – 224 с. (в соавторстве)

Князь А. И. Порюс-Визанурский. Петербургские зарисовки. СПб., 2004. – 176 с.

«Дворяне все родня друг другу». СПб., 2005. – 346 с.

«Друг бардов английских...» («сурсики» о князе Козловском). М., 2006. – 314 с.

«Мое собрание насекомых...» М., 2007. 48 с. Рисунки Васи Мурашева.

Князь Сергей Волконский. «Предчувствие сходящих бурь...»: эссеистика князя С. М. Волконского в борисоглебский (1917 г.) период. М., 2009. – 56 с.

Князь Сергей Волконский. «Предчувствие сходящих бурь...»: эссеистика князя С. М. Волконского в борисоглебский (1917 г.) период. Изд. 2-е дополн. М., 2009. – 68 с.

Князь Волконский. Сергей М.: биографические зарисовки. Улан-Удэ; М. – 138 с

Мызники замка Фаль. Улан-Удэ: Верхнеудинский острог, 2011. – 236 с.

Мызники замка Фаль. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Улан-Удэ: Верхнеудинский острог, 2012. – 272 с.

Князь Волконский. Сергей М.: биографические зарисовки. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Улан-Удэ: Верхнеудинский острог, 2012. – 232 с.

Мызники замка Фаль. Изд. 3-е, дополн. Улан-Удэ: MDCLXVI, 2013. – 249 с.

Петр и Николай. Бароны Врангели. Улан-Удэ: Верхнеудинский острог, 2014. – 196 с. 23 ил. (в соавторстве с Э.Кронером и U.-U.d'Ensky)

«Павловка» Борисоглебского уезда и ее обитатели (Из дилогии «Заповедные усадьбы»). Большая Грибановка: Наследники Макушиных, 2015. – 240 с.

Не только «Вэшники», или сорок лет спустя. Улан-Удэ: MDCLXVI, 2015. – 202 с.

Борисоглебск–1917: от января к декабрю (Антология уездной прессы в зеркале воспоминаний князя С. М. Волконского). Борисоглебск: MDCXCVIII, 2017. – 240 с. – 17 илл.

Мызники замка Фаль. (Из дилогии «Заповедные усадьбы»). Кяхта: MDCCCII, 2018. – 240 с. 49 ил.

Князь Сергей Волконский. Мои воспоминания: в 2 т. Т. I. Лавры. Странствия. Т. II. Родина. М., 2018. Составление, комментарии, вводная статья.

«По диким степям Забайкалья...» (бурятские мотивы на страницах «Нивы» & «Всемирной иллюстрации», «Всемирного путешественника тож»). Тулун–Куйтун: MCMXXXIV, 2019. – 180 с. – 86 илл.

Уездная пресса 1917 г. (борисоглебские газеты в фондах Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки) // Общество: философия, история, культура. 2019. Вып. 3.

Charles&U.-U.d'Ensky. Барон и Муза. Барон Николай Врангель. Паллада Богданова-Бельская. I. II. / Сост. А. А. Мурашев и А. Ю. Скаков. Дегунино-Фрязино: «СУРСИКИ», 2020. 144 и 120 с.

Не только «Вэшники», или еще анкор. Улан-Удэ: MDCLXVI, 2020. – 216 с.

«Мой уездный город...» (Борисоглебские страницы в воспоминаниях князя Сергея Волконского). Улан-Удэ: MDCLXVI, 2020. – 228 с. 35 ил.

Великая Отечественная война в нашей памяти. К 75-летию Победы [Электронный ресурс]: альманах / под общ. ред. Т.А. Молоковой. Электрон. дан. и прогр. (6,5 Мб) Москва : Изд-во МИСИ – МГСУ, 2020. – 273 с.

«Портреты предков на стенах...» (Музей декабристов в усадьбе правнука графа А. Х. Бенкендорфа) // Материалы Международной научной конференции «Усадебный топос в русской литературе конца XIX - первой трети XX в.: отечественный и мировой контекст» (Москва, ИМЛИ РАН, 19-23 июня 2019 г.) // Новые российские гуманитарные ис-

I. Историография не для всех

следования: электронный журнал. 2020. Т.15.

Князь Сергей Волконский. Избранное («Последние новости» и не только). Улан-Удэ: «Верхнеудинский острог», 2021. – 392 с.

Князь Сергей Волконский. Избранное («Последние новости» и не только). Изд. 2-е испр. и дополн. Улан-Удэ: «Верхнеудинский острог», 2021. – 400 с.

«Простая русская семья...» (семейный портрет баронов Врангелей по мотивам писем О. С. Пушкиной, Ф. М. Достоевского, князя С. М. Волконского, А. А. фон Лампе, Марджаны М. И не только). Улан-Удэ: «Верхнеудинский острог», 2023. – 351 с.

Князь Волконский. Сергей М.: Биографические зарисовки. В девяти частях, с интродукцией (Introduction), тремя приложениями & постскриптомом (P.S.). Изд. 3-е, изрядно дополненное. Улан-Удэ: «Верхнеудинский острог», 2024. – 640 с.: ил.

И снова об изучении традиции русской мысли

Когда более тридцати лет назад возник большой интерес к отечественному мыслительному наследию, чему во многом способствовало издание трудов В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и других выдающихся русских мыслителей Серебряного века, то актуальность изучения его казалась бесспорной. Заинтересованная часть исследователей стремилась вооружиться этим наследием, ожидая с его помощью выяснить пути всех течений русской мысли, её главную традицию, ответить на важнейшие вопросы, связанные с нашей историей и современностью. Тем более к тому времени научное сообщество столкнулось с большими трудностями в изучении и оценке происходивших радикальных перемен всех сфер жизни общества.

Представители главной мыслительной традиции, мощный исток которой восходит к древности, наследники М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, славянофилов и Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, В. О. Ключевского и других известных русских мыслителей раскрывали сущность исторического опыта России и мира в XX в. Отвечали на важнейшие вопросы, вставшие перед страной, человечеством, рассматривали «через призму вечных непреходящих оснований» проблемы политические, социальные, экономические, культурные, заглядывали в глубины русской истории и национального самосознания. Поскольку «без понимания своего прошлого мы не сможем сознательно ориентироваться в настоящем и строить свое будущее»¹⁷⁷.

Предполагалось, что подходы наших классиков способны оживить изучение российской истории, способствовать формированию объективного взгляда на её противоречивый ход, в том числе и «на ложные пути, по которым шла интеллигенция революционная»¹⁷⁸, чтобы нынешняя интеллигенция смогла услышать их когда-то «неуслышанные предупреждения».

Но оказалось весьма сложно «творческое освоение этого наследия» (П. П. Гайденко). Трудно было «мыслить мысль» (В. С. Соловьев), не

¹⁷⁷ Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 8.

¹⁷⁸ Там же.

I. Историография не для всех

говоря уже о её развитии и восприятии «через призму нашего *сегодняшнего* опыта», современного состояния научного и философского знания, а не «просто повторить, пересказать и прокомментировать». Конечно, для этого не хватало крепкой мыслительной преемственности. Но были и другие факторы, которые приводили к ослаблению интереса и даже «разочарованию» (П. П. Гайденко) в этом наследии. Быстро гасла стремительность первоначального знакомства с наследием, которую раньше считали «инстанцией запретной истины» (С. С. Хоружий)¹⁷⁹. Не прибавляла силы обстоятельному изучению мысли даже «характерная для русского общества любовь к удивительному и непонятному в философии», которая «чем непонятнее, тем глубже, тем больше “погружает”, как говаривал русский любомудр Георгий Гачев»¹⁸⁰.

Оказывали своё отрицательное воздействие и настроения радикальной интеллигенции, назвавшей себя либеральной, у которой уже к рубежу 1990-х гг. «практически исчез интерес к культурной традиции», хотя совсем недавно это считалось «единственно достоверной» основой для развития. У этой части интеллигенции «налицо был скорее новый разрыв с русской дореволюционной культурой, нежели ожидавшееся воскрешение её из мертвых» (К. Г. Мяло)¹⁸¹. Более того, проявилось «неожиданное, парадоксальное, фантастическое перемещение из одного в другое измерение интеллигентского сознания», обнаружилось его «сходство с трагически известной идеей диктатуры и беспощадного насилия над жизнью, над почвой и традицией»¹⁸². Её представители использовали и наследие русских мыслителей лишь для усиления своего «антисоветизма» и «антикоммунизма», которым, по слову А. А. Зиновьева, «метили в коммунизм, а попали в Россию». Подобные установки так или иначе действуют до сих пор, в условиях большого разворота общественно-политической практики к национальным традициям и историческому опыту.

Сегодня востребованное глубокое понимание традиций, духовных ценностей, осмысление всего опыта исторического пути России усиливает внимание к трудам наших мыслителей. Растёт количество исследований по истории русской мысли, подчеркивается, как и десятилетия назад, её актуальность. Разработан и преподается в высшей школе курс «Основы российской государственности», в котором можно увидеть по-

179 Хоружий С. С. Путем зерна: русская религиозная философия сегодня // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 141.

180 Гайденко П. П. Указ. соч. С. 11.

181 Мяло К. Г. «По страницам самиздата». М., 1990. С. 14.

182 Там же.

пытки осмыслить эти основы на почве традиции отечественной мысли.

Но остаются, если не увеличиваются, и трудности изучения, понимания этого наследия. Вот почему столь важен сейчас выход таких исследований по истории отечественной мысли, которые призваны ответить на вопрос о «наличном состоянии традиции» (С. С. Хоружий), т. е. о её освоении и развитии. Среди этих работ назовём содержательную книгу И. П. Смирнова «История мысли. Теоретические основы»¹⁸³, в которой в качестве предмета истории мысли избрана национальная мыслительная традиция.

Автор подчеркивает свою преемственность с русскими мыслителями, не сомневаясь, что заложенная ими традиция изучения русской мысли должна получить дальнейшее развитие¹⁸⁴. И. П. Смирнов отмечает в своей книге, что «распознавание традиции отечественной мысли» в качестве главной задачи рассматривалось и современными исследователями¹⁸⁵. Именно на это изначально был нацелен и научный семинар «Традиции исторической мысли», действующий на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова с 1994 г. и серия сборников статей, издающаяся по итогам его работы. Об этом свидетельствуют и сборники статей «История мысли. Русская мыслительная традиция», выходящие уже более двадцати лет под редакцией И. П. Смирнова.

Согласимся с выводом, сделанным в обстоятельной рецензии на книгу И. П. Смирнова о том, что разрабатывая категорию «традиция мысли», автор подчеркивает, что она выявляет и обобщает сущность культурных традиций народа, религиозных, философских, художественных и др., выявляет характерный «стиль ума». В рецензии отмечено, что «в книге поставлены слишком острые и неудобные теоретические вопросы, чтобы не возбудить вокруг неё актуальной историографической дискуссии»¹⁸⁶.

Конечно, и дискуссионных вопросов не избежать, но в первую очередь отметим, что размышления автора дают очень важный импульс к дальнейшему изучению традиции мысли. Содержат призыв

183 Смирнов И. П. История мысли. Теоретические основания. М., 2020.

184 Там же. С. 200.

185 Г. Р. Наумова и С. А. Ермишина подчеркивают это в статье «На путях к освоению традиции» в начале 2000-х гг. в одном из первых номеров «Истории мысли. Русская мыслительная традиция» под редакцией И. П. Смирнова // Там же. С. 193.

186 Корноухова И. А. Теоретические основания нашей мысли // Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова / Отв. ред. Г. Р. Наумова. М., 2020. С. 209.

I. Историография не для всех

«добросовестно истолковать» её основные положения, выявлять национальный «стиль ума» (К. Н. Леонтьев)¹⁸⁷, преодолевать «повествовательное описание идей» (об этом в своей концепции «стиля ума» писал К. Манхейм)¹⁸⁸. Такой подход, на наш взгляд, ориентирует на выявление укоренения мысли в национальном самосознании, её изначального «родословия» (В. С. Соловьев), дальнейшую разработку «рестра» основных понятий, «толкового философского словаря», наподобие того, который задумывали по наследию А. С. Пушкина С. Л. Франк и П. Б. Струве¹⁸⁹.

«Мыслить мысль», свидетельствовать о «наличии традиции» возможно только в духе «творческого историзма», в «живом творческом усилии приверженцев» (Н. А. Бердяев). В этом залог того, что способ передачи ценностей духовной жизни, образцов понятий и смыслов «принимается и передаётся в свободном согласии с тем, что ушедшие из жизни носители её имеют право голоса в жизни наследников»¹⁹⁰. Это то, что И. П. Смирнов рассматривает как межпоколенческий аспект традиции мысли.

Такой подход помогает избежать и чрезмерных «восторгов при встрече» с классикой, сопровождающихся лишь обильным цитированием, а также неоправданных выводов о том, что она «не смогла стать “живой водой” для русского общества» и даже о «бессилии и никому-не-нужности» этой мысли¹⁹¹.

Мыслительное наследие, о котором идёт речь, понимали и понимают по-разному, что зависит от различной заинтересованности в нём. Изучение традиции мысли позволяет выявлять ее интерпретации и эти заинтересованности, а также чем от неё отличаются позиции представителей других направлений отечественной мысли.

Весьма востребовано такое качество традиции национального «стиля ума», как способность к диалогу с представителями иных мировоззренческих подходов. Эти преимущества «собирания» мысли и культуры существенно отличают этот подход от подходов иных мировоззренческих дискурсов с их установкой на «борьбу против». О том, что такое «собирание» возможно, свидетельствуют и выстраданные

187 Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 628.

188 Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 572.

189 Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX вв. М., 1990. С. 450.

190 Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 296.

191 Русская мысль, Система русской мысли и Русская система (опыт критической методологии) // Русский исторический журнал. 1998. № 1. С. 88.

уроки русской эмиграции, показавшие необходимость наследия национальной культуры, традиции мысли для выживания духовного и физического людей, для передачи его «поколению детей, рождённых на чужбине»¹⁹². Значительный вклад в дело сохранения и развития русской культуры, мысли был сделан в этот период С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, П. И. Новгородцевым, Н. О. и В. Н. Лосскими, С. Л. Франком, П. Б. Струве и другими мыслителями.

Интегрирующие начала традиции мысли, её синтезирующую нацеленность, что выделяет и И. П. Смирнов, не отменяют значение выявления её существенного отличия от других течений отечественной мысли. Об этом не раз говорили сами мыслители. Так, всем желавшим укрепить свои идейные позиции за счёт знаменитых предшественников адресовано разъяснение веховцев, что «между христианским сознанием Новикова, Радищева, Чаадаева — светочами русского образованного общества» и «полежавшими» после Бакунина Белинским и Чернышевским лежит «идейная пропасть». Разница между ними «не есть просто „историческое развитие“». Это не звенья одного и того же ряда, это два по существу непримиримые духовные течения, которые на всякой стадии развития должны вести борьбу»¹⁹³.

И ещё подчеркнуто, что главное русло национальной мысли, связанное с национальным самосознанием, не поддавалось различным идеологическим интерпретациям. «Замечательно, что наша национальная литература остаётся областью, которую интеллигенция не может захватить. Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика. Белинский велик совсем не как интеллигент, не как ученик Бакунина, а главным образом как истолкователь Пушкина и его национального значения. Даже Герцен, несмотря на свой социализм и атеизм, вечно борется в себе с интеллигентским ликом. Вернее, Герцен иногда носит как бы мундир русского интеллигента, и расхождение его с деятелями 60-х годов не есть опять-таки просто исторический и исторически-обусловленный факт конфликта людей разных формаций культурного развития и общественной мысли, а нечто гораздо более крупное и существенное»¹⁹⁴.

Вот это «крупное и существенное», связанное с коренными духовными основаниями жизни народа, и отличает представителей главной традиции русской мысли, хотя и не отменяет, ещё раз подчеркнем, воз-

192 Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 212.

193 Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 156.

194 Там же. С. 157.

I. Историография не для всех

можное нахождение общих мест, точек пересечения, с представителями других мыслительных направлений.

Доказательность и убедительность исследований, в которых раскрываются важнейшие жизненные основы бытия народа, сами привлекают представителей иного мыслительного поля. Ведь понял же силу и жизнеспособность школы В. О. Ключевского историк-позитивист П. Н. Милюков, отдав должное «мастерскому синтезу» выдающегося историка, показавшему пути «примирения» «противоположных конструкций русской истории»¹⁹⁵. И даже подчеркнул своё родство с этим подходом, хотя и не уяснил его синтеза *a priori*, который сам Ключевский назвал методом «народно-психологического чутья». Это «чутьё» привело к тому, что его социальная тема возникла «не из европейской социальной борьбы, как русского социализма», «а имеет более глубокие, народные и вместе с тем личные корни», его подход «был связан с бытом и нравственными основами» (Г. П. Федотов)¹⁹⁶.

На современном этапе, как уже было отмечено, были свои уроки освоения и распознавания значения традиции русской мысли, силы её собирающего начала. Ещё раз обозначим это словами историков философии об этой мыслительной традиции «как интегральной философии, представляемой в виде целостной картины, отражающей все главные этапы русской мысли» о «продолжающемся феномене философской культуры»¹⁹⁷. И согласимся с выводами о «несовместимости интегрального видения истории русской философии с какой-либо партийностью, философской или политико-идеологической», с тем, что в 1990-х гг. «поворот к русской философии» произошёл как раскрепощение философского сознания, как отказ от «застарелой партийности».

Но вместе с тем отметим и необходимость прояснения вывода о «неплодотворных» попытках «абсолютизировать значение отдельных течений», выразить национальное своеобразие «только немногим избранным»¹⁹⁸. Оставляет ли такой вывод возможность для распознавания главной традиции русской мысли, национального «стиля» ума, связанного с национальным самосознанием? Или все течения, все на-

¹⁹⁵ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 61.

¹⁹⁶ Федотов Г. П. Россия Ключевского // Федотов Г. П. Судьбы и грехи России. В 2 т. Т.1. СПб., 1991. С. 339.

¹⁹⁷ Маслин М. А. Русская философия как единство в многообразии // Русская философия: многообразие в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии (Москва, 14–17 ноября 2001 г.). М., 2001. С. 4.

¹⁹⁸ Там же. С. 5.

правления охватывает общая рамка отечественной мысли, названная «национальной мыслительной традицией». На наш взгляд, только в процессе распознавания основной традиции возможно выявить «интегрирующие» основы «единства и многообразия» как в рамках главной традиции мысли, так и в рамках отечественной мысли в целом.

Нацеленность главной мыслительной традиции на понимание иного мировидения, распознавание иных направлений отечественной мысли и диалог с ними очень важны сейчас. Методологические подходы определяют предметно-содержательный выбор и интерпретацию результатов исследования. Они должны быть доступными для осмысления, чтобы под прикрытием «нейтрализации понятий» или «постмодернистского консенсуса», с его разрывом всяческих связей, не торжествовал «последний победивший принцип» (В. С. Соловьев) и мифотворчество в научном исследовании. Такие подходы позволяют выявлять и преодолевать ограниченность позитивистских исследований, в том числе истории идей, проявляющуюся в их неспособности «определить диалектическую нить» русской мысли, её «родословие», её «корни и вершины» а только это и «имеет внутреннюю цену»¹⁹⁹.

Изучение традиции русской мысли даёт возможность более углубленно поставить вопрос о достоверности наших знаний, сравнивать результаты исследований, написанных на основе различных методологических подходов, оценивать по достоинству работу предшественников. Это важно для расширения эвристических возможностей исследовательской деятельности в области гуманитарных и обществоведческих наук, для обретения творческой свободы.

О том, что можно создать такой благоприятный климат в научной среде и «собирать» «в точке пересечения смысловых координат» (Ю. М. Осипов) представителей различных мировоззренческих позиций свидетельствует более чем тридцатилетний опыт лаборатории «Философии хозяйства» на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, возглавляемой профессором Ю. М. Осиповым. Традиция мысли о русском домостроительстве — «философия хозяйства» (таково и название журнала) — оказалась плодотворной почвой для сотрудничества. О возможности подобного творческого взаимодействия свидетельствует, как отмечалось выше, и опыт научного семинара «Традиции исторической мысли».

История мысли, действующая в ключе распознавания её основной традиции, позволяет понять, что при всей полифонии голосов мыслителей,

199 Соловьев В. С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 495.

I. Историография не для всех

это сложившееся действенное и целостное миропонимание, в котором все его планы — религиозно-духовный, философский, культурный, политический, социальный, экономический — составляют единое целое. В этой традиции мысли, представляющей национальный «стиль ума», явно обозначено главенство аксиологической составляющей, которая основана на православном христианстве.

Изучение традиции мысли предполагает понимание взглядов мыслителей, касающихся всех уровней бытия России, мира в целом²⁰⁰. Это тем более важно, поскольку многие вопросы волновали представителей и других течений, включая тех, которые дали свои известные ответы и очень тяжелый опыт их практической реализации в XX и XXI вв.

Позволяет оценить значимость размышлений мыслителей о судьбах мира и России, сложности и противоречивости её исторического пути, о значении русской цивилизации, о глобализации и её опасных тенденциях, катастрофической стороне прогресса. Понять, какие возможности для этого даёт концепция «конкретного бытия», когда «конкретное и общее зараз» (П. А. Флоренский), её положение о необходимости понимания целого для постижения частного, для раскрытия конкретного.

Актуальны, на наш взгляд, положения концепции *свободного консерватизма* (П. А. Вяземский о мировоззрении А. С. Пушкина) с её нацеленностью на единые основы традиций российской государственности, общественных приоритетов и «самостоянья человека» (А. С. Пушкин), на раскрытие союза, симфонии «социальной троицы» Власти, Церкви, Общества (В. С. Соловьев). А также понимание взаимодействия государства и общества не как огосударствление общественной жизни, а как идеи правового регулирования и контроля, социализации правового государства, не как расширение сферы политической власти, но как более высокой степени верховенства закона. Важны выводы о привнесении идей социализма в экономику при сохранении правильно понятой свободы человека, о связи политики и нравственности, о необходимом объединении государственных и общественных сил в совместных «заботах об общем благе», о том, что «желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла» (А. С. Пушкин)²⁰¹. А также вывод о необходимости обеспечения «права человека на достойное существование», «права народа на достойное существование» (В. С. Соловьев).

Эта мыслительная традиция содержит актуальный призыв к выра-

200 Полторацкий Н. П. Русская религиозная философия // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 128.

201 Пушкин А. С. Собрание сочинений. Золотой том. М., 1993. С. 679.

ботке исторически-реалистического понимания национальных основ реформирования сложившегося политического, социального, хозяйственного строя. Движение по этому пути должно происходить, соотносясь с «объективными основами истории», в русле национальных культурных традиций, не разрывать «связи и скрепы», обеспечивающие историческое единство и целостность национальной жизни.

История отечественной мысли призвана ответить на один из главных вопросов, как живет наследие главной мыслительной традиции сейчас, показать, что «история сознания имеет свои законы, в силу которых всякое идейное содержание, истинное или ложное, исчерпывается до конца, чтобы в последних своих заключениях найти своё торжество или своё обличение»²⁰². Наследие наших мыслителей не утратило свою жизненную силу, имеет неисчерпанные ресурсы и даёт возможность к осмыслению новейшей реальности российской и мировой, значительно усложнившейся за последние годы.

202 Соловьев В. С. Указ. соч. С. 469.

II. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ — ДЕЛО МОЛОДЫХ

А. А. Миленко

Заглянув в архив В. И. Бовыкина

26 ноября 2023 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Ивана Дмитриевича Ковальченко — доктора исторических наук, профессора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В течение почти 30 лет И. Д. Ковальченко занимал должность заведующего кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ. Под его руководством кафедра превратилась в экспериментальный научно-методический центр союзного масштаба, игравший ведущую роль в разработке проблем источниковедения и методов исторического исследования²⁰³.

Коллегой Ивана Дмитриевича был Валерий Иванович Бовыкин, основоположник школы экономической истории исторического факультета МГУ. В ходе работы с личным фондом В.И. Бовыкина нами было выявлено немало материалов, свидетельствующих об активном сотрудничестве двух профессоров.

Так, они выступали в роли соавторов труда «Очерки истории СССР. 1861–1904: Пособие для учителей» вместе с Сергеем Сергеевичем Дмитриевым и Константином Николаевичем Тарновским. Также историки входили в авторский коллектив, подготовивший учебник для абитуриентов. В 1965 г. был издано «Пособие по истории СССР для поступающих в вузы», в котором их соавторами выступили Анатолий Михайлович Сахаров, Валентин Алексеевич Емец, Владимир Павлович Наумов,

203 Бовыкин В. И. Восхождение к истине // Иван Дмитриевич Ковальченко (1923 – 1995): К 75-летию со дня рождения (Биобиблиографический указатель) / МГУ им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. / Под ред. А. Г. Голикова; Н. Г. Абрамова и др. (сост.). М., 1998. С. 7.

Владимир Зиновьевич Дробижев. В 1974 г. под редакцией Ивана Дмитриевича вышло второе, исправленное и дополненное, издание²⁰⁴.

Валерий Иванович и Иван Дмитриевич входили в состав редакционной коллегии и список руководителей авторского коллектива монографии «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (1979 г.), в котором впервые обобщается опыт работы историков с массовыми источниками.

В свою очередь академик И. Д. Ковальченко был ответственным редактором научной монографии В. И. Бовыкина «Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской революции», которая вышла в 1988 г. и была посвящена социально-экономическому развитию России в конце XIX – начале XX в. и её месту в мировой экономической системе.

Учёные имели схожие идеи относительно методов работы с историческими источниками. Так, в материалах личного фонда В. И. Бовыкина мы находим в представлении Ученому совету исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова своей диссертации «Зарождение финансового капитала в России» следующие соображения, связанные с пробелами в источниковой базе (фонды многих банков предприятий были утрачены): «мне показалось необходимым в некоторых случаях на страницах диссертации максимально раскрывать *лабораторию исследования* (курсив мой. — прим. А. М.) и широко ознакомить читателя с содержанием и характером документов, материалов, на основе которых мной делались те или иные выводы, чтобы читатель

204 Примечательно, что ученицей Валерия Ивановича Галиной Романовой Наумовой (в соавторстве с А. В. Никоновым и Ю.Г. Корнеевой) в 2019 г. был издан учебник по истории России в трёх книгах: «История России. IX–XVII века», «История России. XVIII век — начало XX века», «История России. XX век — начало XXI века». Таким образом, преемственность научной школы Бовыкина сохраняется.

сам мог судить о том, насколько они верны»²⁰⁵. У И. Д. Ковальченко в 1979 г. вышла статья «Лаборатория историка» (коллеги пользовались и схожей терминологией), в которой шла речь о трёх монографиях, посвященных проблемам изучения массовых источников и совершенствования методов их обработки и анализа. Имелись ввиду коллективные работы «Массовые источники по социально-экономической истории советского общества» и «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (ответственным редактором был сам Иван Дмитриевич) и «Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX вв.» Б. Г. Литвака. По мнению профессора, работа с массовыми источниками требует напряжённой работы, а историк, работая с такими объемами материалов «единого факта ради», изводит «тысячи тонн словесной руды», содержащейся в источниках²⁰⁶.

В 1995 г., когда Ивана Дмитриевича не стало, Валерий Иванович написал статью, посвящённую своему коллеге и другу. В воспоминаниях об учёном он обратился к его биографии, боевым заслугам во время Великой Отечественной войны, пути в Московском университете. «В школе И. Д. Ковальченко обожал математику. Неудивительно, что, став профессиональным историком, он вспомнил об этой своей первой любви», — отмечает профессор Бовыкин в статье²⁰⁷. Оба учёных были заинтересованы в применении междисциплинарного подхода и расширении источниковой базы в исторической науке.

В архивном фонде Валерия Ивановича мы обнаружили несколько писем И. Д. Ковальченко, которые относятся к разработке международных научных проектов в сфере экономической истории. Одно письмо от 1989 г. было адресовано к профессору Университета в Хьюстоне (США) Грегори Полу по вопросу об осуществлении совместного проекта по изучению динамики экономического развития России в конце XIX — начале XX вв.²⁰⁸ По задумке историка, планировалось создать базу данных, всесторонне характеризующую эволюцию народного хозяйства страны (сельского хозяйства, промышленности, транспорта, кредитной системы, внешней торговли, государственных финансов) для

205 ОР РГБ. Ф 891. К. 102. Ед. хр. 7. Л. 8.

206 Ковальченко И. Д. Лаборатория историка // Книжное обозрение. 1979. № 38 (696).

207 Бовыкин В. И. Восхождение к истине // Иван Дмитриевич Ковальченко (1923–1995): К 75-летию со дня рождения (Биобиблиографический указатель) / МГУ им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. / Под ред. А. Г. Голикова; Н. Г. Абрамова и др. (сост.). М., 1998. С. 7.

208 ОР РГБ. Ф. 891. К. 24. Ед. хр. 25. 3 л.

подготовки на этой основе статистических публикаций, коллективных и монографических исследований. Функции руководителя проекта с советской стороны должен был взять на себя профессор В. И. Бовыкин, который и сохранил письмо в своем архиве. Учёные даже разработали план работы над проектом в период 1991–1992 гг., когда должны были быть решены многие организационные, методические и чисто научные проблемы, после чего планировалось провести несколько совещаний участников проекта: в начале 1991 г. в Москве, в конце 1991 г. – начале 1992 г. — в Хьюстоне и осенью 1992 г. — в Белладжии.

Другое письмо от 1994 г. Иван Дмитриевич адресовал вице-президенту РАН академику Андрею Александровичу Гончару о включении в план финансируемых проектов научного проекта «Иностранный капитал в дореволюционной России»²⁰⁹. Проект был чрезвычайно актуален. В феврале 1992 г. во время визита Б. Н. Ельцина во Францию была достигнута договорённость о преемственности долговых обязательств Российской империи и Российской Федерации. Именно по этой причине В. И. Бовыкин и И. Д. Ковальченко считали целесообразным провести исследование этого вопроса, чтобы в случае необходимости она обсуждалась и решалась российской стороной компетентно, на основе достоверных фактов и цифр²¹⁰.

В рамках данного проекта в архиве сохранились письма самого Валерия Ивановича руководителю Государственной архивной службы России профессору Рудольфу Германовичу Пихоя. В этом проекте так же Бовыкин брал на себя роль организатора как специалист по проблеме иностранного капитала в России, автор ряда посвященных ей работ, основанных на изучении материалов отечественных и зарубежных архивов. Планировалось создание научной группы «Индустриальное развитие и предпринимательство в России» в ИРИ РАН, которая должна была работать в тесном сотрудничестве с коллегами Санкт-Петербургского отделения ИРИ, исторического факультета МГУ, исторического факультета МГПУ в период с 1993 по 1995 гг.

Кроме того, В. И. Бовыкиным достигнута предварительная договорённость о сотрудничестве в разработке данной проблемы с рядом историков из Франции, Бельгии, Великобритании и США. Участие авторитетных зарубежных экспертов в архивных разысканиях и в упомянутых выше исчислениях будет служить своего рода гарантией объективности последних. Администратор Дома наук о человеке в Париже М. Эймар в беседе с В. И. Бовыкин выразил готовность Администрации оказать

209 ОР РГБ. Ф. 891. К. 104. Ед. хр. 37. 3 л.

210 Там же. Ед. хр. 36. Л. 5.

содействие сотрудничеству российских и зарубежных участников проекта, а также публикации его результатов.

Как мы видим, двух историков объединяла идея международного сотрудничества с иностранными учёными, обмена опытом с зарубежными специалистами. Но, к сожалению, материалы личного фонда В. И. Бовыкина не позволяют уточнить судьбу двух проектов.

Интерес двух историков к международным проектам подтверждает тот факт, что они оба вместе ездили в заграничные командировки. Валерий Иванович бережно хранил материалы по своим иностранным командировкам, в том числе отчёты, письменные обоснования, объяснительные и докладные записки и программы мероприятий. Поездки с Иваном Дмитриевичем в Париж не стали исключением²¹¹. Одна из таких командировок состоялась в январе 1984 г. с целью участия в заседании рабочей группы для участия в координации исследований в рамках международного научного проекта по изучению рабочего движения в странах Европы и США конце XIX — начале XX вв. Эта группа уже дважды собиралась на свои заседания (в январе и июле 1983 г.), но советские историки не приняли в них участия, поскольку приглашения им были присланы Домом наук о человеке слишком поздно (приглашались трое: И. Д. Ковальченко, В. И. Бовыкин, Ю. И. Кирьянов).

Участие советских историков (кроме В. И. Бовыкина и И. Д. Ковальченко) в группу входили Ю. И. Кирьянов, И. М. Пушкарева, Л. И. Бородин) проходило в рамках соглашения между Академией наук СССР и Домом наук о человеке²¹² в Париже. В заседании рабочей группы приняли участие представители Франции (5 человек), США (5 человек), СССР (3 человека), Великобритании (2 человека), Италии (2 человека), ФРГ (2 человека), Австрии (1 человек), Западного Берлина (1 человек). Участники приняли решение об издании научных трудов, посвящённых стачечному движению. Поскольку именно советские историки внесли предложение о написании исследования, рабочая группа выразила пожелание, чтобы ответственным редактором этого труда был член-корреспондент АН СССР И. Д. Ковальченко. В состав редакционной коллегии планировалось включить учёных, которые бы занимались организацией подготовки этого сборника: В. И. Бовыкина, Х. Лагранжа (Франция), Л. Хаймсона (США).

211 ОР РГБ. Ф. 891. К. 24. Ед. хр. 25. 3 л. К. 103. Ед. хр. 11. 30 л.

212 Фонд Дома наук о человеке основан по инициативе Генерального директора высшего образования Гастона Берже 4 января 1963 г. декретом французского правительства. Фонд является одним из крупнейших в Европе институтов, оказывающих поддержку общественно-научным и гуманитарным исследованиям иностранных учёных на безвозмездной основе.

Историки работали всегда на продолжение международного научного сотрудничества, поэтому было принято предложение Фонда Фельтринелли²¹³ о проведении в конце 1985 — начале 1986г. в Италии конференции, посвящённой анализу влияния Первой Мировой войны на рабочее движение в странах Европы и США.

Кроме научной деятельности, И.Д. Ковальченко прочитал в Доме наук о человеке лекцию о достижениях советской исторической науки в области изучения аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX вв. Также учёный имел деловую беседу с китайским исследователем новой и новейшей истории Франции Цзинь Чжун-Юанем²¹⁴ — профессором кафедры всеобщей истории Шанхайского университета.

В 1985 г. историки вновь отправились в командировку во Францию для продолжения работы в заседании рабочей группы по координации исследований в рамках международного научного проекта по изучению рабочего движения в странах Европы и США в конце XIX — начале XX вв. В заседании рабочей группы приняли участие представители Франции (2), США (3), СССР (2), Великобритании (1), Италии (10), ФРГ (1), Австрии (1), Канады (1).

Всё это время Иван Дмитриевич и Валерий Иванович работали над «Критическим обзором публикаций о стачках в индустриальных странах в конце XIX — начале XX вв.». И. Д. Ковальченко планировал включить труд в план редакционной подготовки 1986 г., чтобы книга была опубликована в 1987 г. Публикацию предполагалось осуществить на русском языке в издательстве «Наука» с последующим изданием книги на английском и французском языках Домом наук о человеке в качестве перевода с основного, русского издания.

Участники рабочей группы строили долгосрочные планы на буду-

213 Фонд Фельтринелли был основан в Милане в 1949 г. Джанджакомо Фельтринелли. В 1948 г. он создал в Милане библиотеку, посвящённую истории социалистического и рабочего движения в Европе. Эта библиотека теперь является частью Фонда Фельтринелли и содержит 140 000 работ, посвящённых социальной истории, на 10 разных языках.

214 Цзинь Чжун-юань в 1954–1959 гг. учился в Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова. Занимался у профессора Мавродина. Написал дипломную работу о борьбе в Испании в 1936 г. и откликах на неё во Франции (по его словам, дипломную работу в период культурной революции пришлось сжечь). В Париже Цзинь Чжун-юань находился по приглашению Дома наук о человеке с целью совершенствования изучения истории Франции. Китайский профессор с теплотой вспоминал время учебы в Советском Союзе, выражал надежду, что придёт время, когда советские специалисты-историки будут приглашены в высшие учебные заведения Китая (ОР РГБ. Ф. 891. К. 103. Ед. хр. 11. «Отчет о командировке во Францию с 6 по 13 января 1984 г.»).

щее сотрудничество и выбирали новые темы для исследований в области общественных наук. Например, был поднят вопрос о возможности участия советских историков в исследовании проекта «Социальные конфликты в Европе накануне Первой мировой войны»²¹⁵.

Валерий Иванович всю жизнь пополнял коллекцию научных статей своих коллег, учеников и иностранных учёных. Мы понимаем, что в его архив попали исключительно те работы, которые были ценны именно для Бовыкина. Среди них есть и работы Ивана Дмитриевича: «Массовые источники по социальной структуре деревни Европейской России конца XIX — начала XX вв. и методы их обработки и анализа» — доклад на советско-венгерском коллоквиуме (Москва, 1972 г.)²¹⁶, «Аграрные отношений и крестьянские движения в России в конце XIX — начале XX вв.» — доклад на первой конференции советских и немецких историков (Майнц, 1973 г.)²¹⁷ и «Отработки в помещичьем хозяйстве Европейской России в конце XIX — начале XX вв.» — доклад на III Симпозиуме советских и американских историков (Москва, 1978 г.)²¹⁸.

В тексте доклада «Аграрные отношения и крестьянские движения в России в конце XIX — начале XX вв.» сохранились пометы и маргиналии на полях Валерия Ивановича. Например, двумя параллельными линиями отмечен абзац: «В конечном своем итоге реформа была, хотя и весьма ограниченно прогрессивным историческим явлением, буржуазным по своей сущности. Основным выражением прогрессивности тех изменений, которые произошли в аграрной сфере в результате отмены крепостного права, был рост производительных сил»²¹⁹.

Итак, личный архивный фонд историка уникален тем, что позволяет углубиться не только в тонкости научной деятельности фондообразователя, но и проследить детали его взаимодействия с коллегами. Архив профессора Валерия Ивановича Бовыкина даёт понять многогранность научных интересов академика Ивана Дмитриевича Ковальченко и его стремление к участию в международных проектах и обмену иностранным опытом в исторической сфере. На этом примере мы можем увидеть научную дружбу двух историков.

215 ОР РГБ. Ф. 891. К. 103. Ед. хр. 15. Л. 7.

216 Там же. К. 112. Ед. хр. 19. 22 л.

217 Там же. Ед. хр. 20. 35 л.

218 Там же. Ед. хр. 21. 33 л. (Доклад написан в соавторстве с Н. Б. Селунской).

219 Там же. Ед. хр. 20. Л. 2.

Новые штрихи к становлению фабрично-заводской периодической печати в 1920-х гг.: создание газеты «Вагранка»

Советская фабрично-заводская периодическая печать изучается долгое время. Уже в конце 1920-х — 1930-е гг. исследователи обращались к ней как к источнику по истории рабочего класса, индустриализации и конкретных промышленных предприятий²²⁰. Особенно активно фабрично-заводская пресса разрабатывалась в рамках проекта «История фабрик и заводов». В результате к началу 1990-х гг. был накоплен обширный пласт научной и научно-популярной литературы, посвящённой типологии и истории отечественной фабрично-заводской периодической печати, в том числе её особенностям как массового исторического источника по различным аспектам экономической, социальной, политической и культурной жизни государства и общества советского периода²²¹.

В последние десятилетия, несмотря на то, что часть учёных, ранее занимавшихся вопросами рабочей и индустриальной истории (в том числе промышленной периодики), «дезертировала, — по выражению А. К. Соколова, — из данной области исследований»²²², историография фабрично-заводской печати продолжала пополняться новыми, порой

220 Горев Б. Заводские газеты как источник для истории заводов // История заводов. Вып. 3. М., 1932. С. 156–157 и др.

221 Гаубих Б. В. Печать Коммунистической партии в борьбе за организацию высшего этапа социалистического соревнования в промышленности (1935–1937 гг.) // Красноярский педагогический институт. Учёные записки. Т. 4, Вып. 1. Красноярск, 1955. С. 97–115; Звездин З. К. Периодическая печать как источник по истории трудового подъёма рабочего класса СССР 1926–1929 гг. (обзор материалов) // Проблемы источниковедения. Т. VIII. М., 1959. С. 3–30; Многотиражные фабрично-заводские газеты как источник по истории рабочего класса (на материалах ленинградской печати) // История рабочего класса Ленинграда. Вып. 1. Л., 1962. С. 192–199; Виноградов Н. А. Многотиражная печать как исторический источник (по материалам Ленинграда и области) // Рабочий класс СССР на современном этапе. Вып. 13. Л., 1989. С. 158–170; Касымбеков Ж. Роль партийной печати в развёртывании социалистического соревнования в промышленности Узбекистана в период второй и третьей пятилеток (1933–1941 гг.) // Ташкентский педагогический институт им. Низами. Учёные записки. Т. 198. Ташкент, 1977. С. 14–24 и т. д.

222 Соколов А. К. Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 17.

весьма крупными, исследованиями²²³, а проблематика их существенно расширилась. Впрочем, в истории фабрично-заводской периодики по-прежнему остаётся немало «белых пятен», а исторический путь многих изданий не изучен или воссоздан лишь отчасти. Более того, история даже первых и наиболее видных представителей советской фабрично-заводской периодики ещё по существу не воссоздана, как, например, газеты одного из некогда крупнейших промышленных предприятий России — Московского автомобильного завода им. И. А. Лихачева (АМО ЗИЛ), основанного в 1916 г. и занимавшегося производственной деятельностью до середины 2010-х гг.²²⁴

Заводская газета как многотиражное издание регулярно выходила со 2 октября 1928 г. по 28 ноября 2014 г. Всего за более чем 86 лет увели свет 17 556 номеров. Стоит отметить, что первый номер газеты как именно многотиражного издания был отмечен как «№ 1 (75)», чем подчёркивалась преемственность его с общезаводской стенгазетой. В конце 1920-х гг. — начале 1930-х гг. издание было еженедельным, а тираж составлял около 2000 экземпляров. В лучшие годы ЗИЛ, когда он в 1960–1980-е гг. достиг пика своего развития как производственный комплекс и социальный организм (на нём вместе с филиалами трудилось до 120 тыс. чел.), газета головного предприятия²²⁵ выходила тиражом до 20 тыс. экземпляров в будние дни ежедневно. С начала 1990-х гг. её тираж постепенно сократился до 700–1000 экземпляров, а номера стали выходить не чаще 1–2 раз в месяц.

На разных исторических этапах заводская многотиражка меняла название, отражая веяния времени. Первоначально она именовалась «Вагранка»²²⁶, с октября 1930 г. по конец 1932 г. газета получила новое название — «Амовец» (от первой официальной аббревиатуры завода

223 Их наиболее актуальный обзор совершён в работе Н. В. Солощенко (*Солощенко Н.В.* Многотиражная и отраслевая печать как источник для изучения развития пищевой промышленности СССР и формирования «нового рабочего» в период первой и второй пятилеток (контент-анализ материалов газет). Дисс. ... канд. ист. н. М., 2022).

224 Несмотря на то, что в течение 2014–2016 гг. производственная деятельность на предприятии была поэтапно прекращена, предприятие продолжает функционировать донныне, специализируясь прежде всего на продаже или сдаче в аренду недвижимости, оставшейся от ушедшего в историю автогиганта.

225 Помимо многотиражной газеты головного предприятия производственного объединения ЗИЛ, свои многотиражки имелись у некоторых филиалов.

226 О причинах такого наименования будет сказано далее.

«АМО»²²⁷). С начала 1932 г. на волне ускоренной предвоенной индустриализации «Амовец» получил новое наименование — «Догнать и перегнать», которое с 14 января 1941 г. сменилось на «Сталинец». Примечательно, что московский автозавод был назван в честь «вождя народов» ещё в октябре 1930 г. после первой масштабной реконструкции (тогда возникла известная аббревиатура «ЗИС» — «Завод имени Сталина»), но отразилось это в наименовании многотиражки лишь спустя десятилетие. Последнее название — «Московский автозаводец» — газета получила в июне 1956 г. на волне «развенчания культа личности»²²⁸ и носила его вплоть до конца своей деятельности.

Несмотря на известность и длительность выхода, какой-либо литературы об истории заводской многотиражки весьма немного. Это, прежде всего, советские пропагандистские книги-брошюры: работа 1931 г. «Стенгазету каждый день» сотрудника завода и члена редколлегии многотиражки О. Рубцова, «Литературная газета: орган парткома, завкома 1-го автозавода им. Сталина», вышедшая в 1937 г., брошюра М. Крюкова, Н. Ушатикова «На переднем крае. Заводская газета в борьбе за технический прогресс» 1960 г., а также ряд статей, затрагивавших историю развития газеты, в её же выпусках и на страницах иной советской периодики. Упоминалась заводская многотиражка в книге по истории завода 1966 г. Но, пожалуй, единственное более-менее цельное описание многотиражки АМО ЗИЛ на всем её историческом пути содержится во втором томе трёхтомника «Завод и люди», подготовленного группой исследователей-энтузиастов, бывших сотрудников предприятия в преддверии его столетнего юбилея (точнее, не состоявшегося юбилея)²²⁹.

В статье о газете, занявшей 19 страниц тома, описываются основные этапы истории «Московского Автозаводца», в особенности последние десятилетия выхода издания, очевидцем которых стал автор статьи В. Г. Мазепа — бывший главный конструктор ЗИЛа. А вот история становления газеты (с начала 1920-х гг. по 1928 г.), напротив, раскрыта всего в четырёх небольших абзацах. Точнее не раскрыта, а приоткрыта, хотя и с некоторыми выдержками из архивных документов. В этой связи нам кажется важным целенаправленно обратиться к ранней истории

227 Наиболее известны следующие аббревиатуры московского автомобильного завода им. Лихачева: АМО, ЗИС, ЗИЛ.

228 Тогда заводу было присвоено имя видного организатора промышленности И. А. Лихачёва, руководившего предприятием в 1927–1939, 1940–1950 гг.

229 Завод и люди. 1916–2016: В 3 т. Т. 2 / авт. проекта, сост. В. Г. Мазепа, М. А. Шелепенков; под ред. М. А. Шелепенкова, А. В. Курковой. М., 2016. С. 360–379.

газеты автозавода: это интересно не только в силу её неизученности, но и ввиду уникальных сохранившихся и доселе почти не введённых в научный оборот документальных материалов, которые могут пролить свет не только на историю создания газеты предприятия, но и дополнить общую картину становления советской фабрично-заводской периодики 1920-х гг.

Речь идёт о документальном деле под названием «Материалы по истории заводской газеты»²³⁰, которое встретилось нам в процессе изучения массива архивных материалов, отложившихся в результате деятельности двух комиссий по истории московского автозавода (АМО ЗИЛ): 1930-х и 1950–1960-х гг. Данное дело состоит в основном из различных материалов первой половины 1930-х гг.: стенограмм индивидуальных и коллективных интервью с работниками завода и членами редколлегии заводской газеты, протоколов редакционных совещаний и финансовых документов редакции многотиражки начала 1930-х гг. Также частично представлена переписка редакции и поступившие отзывы на отдельные статьи того же времени.

Объём данного дела весьма значителен — 198 листов, из которых большая часть — стенограммы. Понимая невозможность подробного рассмотрения включённых в дело документальных материалов в рамках одной статьи (эту задачу хотелось бы решить в следующих публикациях), постараемся с помощью выдержек, по крайней мере, продемонстрировать информационный потенциал этого по-своему уникального источника.

История заводской многотиражки АМО ЗИЛ, как и советской фабрично-заводской многотиражной периодики в целом, начиналась со стенгазет как всего предприятия, так и отдельных подразделений²³¹. К сожалению, историческую значимость сохранения экземпляров стенной печати в те годы еще не осознавали, поэтому в начале 1930-х гг., когда началась работа над написанием книги по истории завода, почти все выпуски как центральной общезаводской, так и цеховых, бригадных стенгазет предприятия оказались безвозвратно утрачены. Это обстоятельство придает воспоминаниям о деятельности стенной печати на заводе АМО в послереволюционные годы особую ценность. В одном из зафиксированных в 1932 г. индивидуальных интервью, один из автозаводских рабкоров 1920-х гг., а затем ответственный редактор много-

230 ЦГА Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 553.

231 По свидетельству О. Рубцова, к концу 1920-х гг. на заводе АМО выпускалось около 160 стенгазет, причем выходила даже газета на идише для еврейской бригады (Рубцов О. Стенгазету каждый день. М., 1931. С. 19).

тиражной газеты «Вагранка» Ф. Д. Святенко так описывал историю появления газеты на заводе АМО.

Первую заводскую стенгазету, по его словам, изготовили в 1922 г. к дню Пасхи на антирелигиозную тематику²³². «Газета оформлялась художественными шапками и лозунгами, была нарисована вагранка²³³, в раскаленную пасть которой рабочие на вилах бросают наших голово-тяпов и буржуев. Весь журнал же состоял из антирелигиозных замеч-ток, особенно стихов нашего поэта — токаря-инструментальщика тов. Твердого»²³⁴. Этот выпуск готовился долго, несмотря на привлечение платного редактора, который вскоре ушёл на работу в Коминтерн, из-за чего новых номеров «Вагранки» в том году больше не вышло.

Сам Святенко вскоре «познакомился на пикнике» с рабочими га-зеты «Правда» и тоже стал её рабочим корреспондентом, в том числе писал заметки об автозаводе. В 1923 г., как он отметил в интервью, по инициативе редколлегии «Правды» на АМО по примеру завода «Серп и Молот» решили 2 раза в месяц выпускать стенгазету. Нашлись 7 добровольцев, началась работа над выпусками. «Составляли газету у себя в клубе и дома... На первое время взялись за беспорядки на заво-де, а их было много». Новые выпуски стенгазеты, по словам Святенко, решили вешать на столбе в механическом цехе. Реакция работников была неоднозначной. «Кто хвалил, кто ругал. Особенно те, против ко-рых заметки»²³⁵.

Столь же по-разному реагировало на стенную печать руководство за-вода. Например, секретарь партячейки И. Лидде²³⁶ «косо смотрел на нашу критику, но за нее не взыскивал», следующий секретарь Б. М. Лавлер²³⁷ «горячо поддерживала критику», а директор (в то время Г. Н. Коро-лев²³⁸) был вынужден, согласно воспоминаниям Святенко, следить за помещаемой на страницах критикой. «Если газета проберет админи-стратора, укажет на неполадки, то директор Королев сейчас же делает свое распоряжение, и если он проходит около газеты, то обязательно прочтет ее, так как мы его приучили к этому тем, что материала копии с заметки ему же посылали, а если после заметки не было результатов

232 Пасха Православной Церковью отмечалась в 1922 г. 16 апреля по Гри-горианскому стилю.

233 Вагранка — топливная печь шахтного типа для переплавки чугуна.

234 ЦГА Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 553. Л. 23.

235 Там же. Л. 24.

236 Секретарь партийной ячейки в 1922–1923 гг.

237 Секретарь партийной ячейки в 1923–1925 гг.

238 Г. М. Королев — директор (по документам «управляющий») завода АМО в 1923–1925 гг.

крыли по существу и по директору»²³⁹.

Однако с 1925 г. секретарём партийной ячейки завода стал М. О. Толкачев, который крайне негативно отнесся к стенной печати и «всячески сдерживал ее выпуск и развитие». В результате длительного конфликта с рабкорами, газета «начала чахнуть». В качестве примера преследований со стороны Толкачева рабкоров, Ф. Д. Святенко привёл историю с работницей Быстровой, которую перевели с уборки мастерской на «уборку клозетов за то, что писала заметки». Только в 1928–1929 гг. после смены руководства предприятия, в том числе секретаря партийной организации, и непосредственного вмешательства Н. И. Подвойского²⁴⁰, обрушившегося на амовцев с острым обличением за отсутствие «самокритики» на заводе, заводская газета не просто обрела новое дыхание, но и превратилась в многотиражное издание.

Свидетельства Ф. Д. Святенко дополняют, а в чем-то и вступают с ними в противоречие²⁴¹, зафиксированные воспоминания простых рабочих, заставших первые годы деятельности предприятия. Например, в отличие от предложенной Святенко датировки рождения заводской стенгазеты (1922 г.), которая впоследствии прочно укоренилась в литературе по истории ЗИЛ, ряд работников во время коллективного интервью в сентябре 1932 г. заявили о более раннем происхождении заводской стенной печати. Один из участников утверждал, что помнит о существовании газеты уже в 1921 г., которая была «маленькая и вывешивалась в завкоме»²⁴².

Некоторые сотрудники относили её появление на АМО к 1918–1919 гг. К примеру, рабочий «тов. Быстров» вспоминал, что в 1919 г. рядом с кладовкой обнаружил газету под названием не «Вагранка», а «Сверло». «Формат был меньше аршина. Квадратная была газета. Кто участвовал в “Сверле” сказать не могу. Сам в нее не писал. О чем в ней писалось, тоже помню очень мало. Как раз о складском хозяйстве писали. Дело было такое, что инструменты в то время были богатые и шло большое расхищение»²⁴³.

239 Г. М. Королев — директор (по документам «управляющий») завода АМО в 1923–1925 гг. Л. 25.

240 Н.И. Подвойский — революционер, партийный и государственный деятель, в середине и второй половине 1920-х гг. был одним из кураторов завода как член Центральной контрольной комиссии (ЦКК).

241 Вот как о рабкоровской деятельности Ф. Святенко отзывался один из рабочих: «Святенко ходил по цехам, а у него была часто такая мания, что вообразать себя редактором и н[ачальни]ком».

242 ЦГА Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 553. Л. 93.

243 ЦГА Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 553. Л. 94.

Иные рабочие далее стали по очереди отмечать, что между газетой «Сверло» и «Вагранкой» выходила ещё одна стенгазета. Им вторил рабочий «тов. Воскресенский». Между этими изданиями выходила, как заметил он, «газета “Резец”, которая писалась от руки каждым рабочим. Затем прикреплялись заметки на лист». По словам, Воскресенского и Быстрова, «Резец» вышел 3–4 раза, раз в три месяца, «там обсуждали даже вопрос о передаче в концессию завода... Писали в основном, кто и что украл, инструментов и так было мало». Но название многим не нравилось, поэтому в результате конкурса в 1920 г. «Резец» переименовали в «Вагранку»²⁴⁴.

Одновременно с этим, как отмечали другие рабочие (судя по всему, бывшие члены заводской комсомольской организации), происходили попытки организовать стенную печать комсомольской «первички». Например, до 1924 г. выходили, по их утверждениям, стенгазеты «Подумай да ляпни», «Фабзаяц». На вопрос интервьюера (ведущего вечера воспоминаний), «о чем была газета «Подумай да ляпни»», рабочий «тов. Наугольный» ответил так: «Эта газета была ни о чем, а просто кому-нибудь морду набьют, то про это и пишут, или на уроке кто забалуется, про это тоже писали»²⁴⁵.

Данные, что важно — не единичные, свидетельства хотя и не могут быть подтверждены иными материалами (прежде всего экземплярами стенгазет) ввиду их утраты, но в совокупности склоняют к мнению о более ранней датировке возникновения стенной печати на заводе. Как минимум на несколько лет ранее общепринятой даты.

В коллективных воспоминаниях особенности трудного и долгого становления заводской печати раскрываются и через судьбы отдельных её деятелей. К примеру, активное участие в работе стенной печати 1920-х гг. на АМО принимали два заводских поэта-любителя, члены заводского литературного кружка: «тов. Демин» и уже упоминавшийся «тов. Твердый». К сожалению, их полные имена в архивных документах обнаружить пока не удалось. Они, по свидетельству рабкоров и старых рабочих, были разного нрава (Демин «крутого», а Твердый «довольно спокойного»), но оба активно выражали на страницах стенгазеты свой взгляд на проблемы в развитии предприятия, в том числе в стихотворной форме.

Стихотворения Твердого в стенограммах не фигурируют, но участники вечера воспоминаний отмечали, что тот стал «заниматься антирелигиозной тематикой» не только для стенгазеты АМО, но и для журнала

244 ЦГА Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 553. Л. 95–96.

245 Там же. Л. 96.

«Безбожник». В ВКП (б) он не вступал, так как, по словам соратников, «говорил, что и так мне хорошо жить и бороться за нашу линию». Но вскоре после начала антирелигиозной деятельности, как отметили участники вечера, у Твердого «начала сильно болеть голова», появились «неполадки в семейной жизни... уныние, депрессия, психическое расстройство», из-за чего тот в итоге бросился под поезд²⁴⁶.

О Демине биографических сведений приведено меньше, но зато зафиксированы некоторые его сочинения. Вот, к слову, одна из стихотворных заметок под названием «Аванс в главной конторе завода», декламированная на вечере воспоминаний самим автором «только потому, что оно нужно для истории завода...»:

«Вот где администрация себе на посрамление,
А усталым рабочим на озлобление,
Сделала настоящее вавилонское столпотворение:
Уж действительно было рабочим со служащими единение.
У многих от нетерпения
Получалось сердцебиение,
И лица странное изменение.
Простите меня за такое сочинение,
Пусть администрация осознает свое поведение
И сделает в выдаче аванса изменение,
А то иначе мы войдем в озверение
И сделаем на администрацию гонение»²⁴⁷.

А иной раз, по свидетельству соратников Демина, тот (и не только он) к неудовольствию заводского руководства приписывал свои сатирические четверостишия на уже вышедших стенгазетах. Вот один из них:

«Меньше шума, меньше гама,
Прекратите свой галдеж,
Поработавши у АМО,
Без штанов домой уйдешь»²⁴⁸.

Приведённые иллюстрации к информационному потенциалу описываемого источника — лишь малая толика того, что он таит в себе для исследователей. Следует подчеркнуть, что подобные заметки,

246 ЦГА Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 553. Л. 135.

247 Там же. Л. 169–170.

248 Там же. Л. 191.

Традиции исторической мысли

равно как и воспоминания рабочих, рабкоров о содержании стенгазет и истории их развития, с одной стороны, представляют интерес как по-своему уникальный материал по истории конкретного предприятия на определенном историческом этапе, становления его внутрикорпоративной периодики и фабрично-заводской периодической печати в целом. Вместе с тем, указанные материалы позволяют взглянуть на заводскую газету не только как на орган пропаганды и мобилизации коллектива, но и как на «трибуну рабочих», один из механизмов функционирования трудовой демократии в советской промышленности. Все это предстоит изучать.

Н. А. Гуменяк

**Российские инженеры-металлурги в пространстве
«Горного журнала» (1870–1940-е гг.)**

Неожиданно актуальной для исторической науки стала тема российских ученых, инженеров, мастеров. Она как бы дополнила модную на протяжении нескольких десятилетий тему предпринимательства. Это направление в исторической науке уже имеет свою традицию и вместе с тем, приступая к разработке проблематики в современных условиях, мы понимаем, что будет устанавливаться все более плотный междисциплинарный научный диалог, требующий поиска новых источников, новых взаимосвязей, новых взаимодействий.

«Горный журнал» — не единственное, но главное периодическое издание, посвященное горному делу России. В нём можно найти ценные материалы о научных исследованиях, посвященных горной промышленности, технологиях, законодательстве. «Горный журнал» предоставлял актуальную информацию о новых технологиях, методах добычи и переработки полезных ископаемых. Знакомство с материалами журнала было призвано повысить эффективность работы горных предприятий. Журнал публиковал материалы о геологии, минералогии и горном деле, что способствовало распространению знаний и внедрению нововведений. Издание предлагало научно-аналитические материалы о состоянии горной отрасли, её влиянии на экономику страны и международные рынки. Издание было ориентировано на организацию горного производства.

В начале своего существования журнал издавался в Военной типографии Главного штаба Его Императорского величества. Значительное влияние на его становление и развитие оказал полковник Корпуса горных инженеров и профессор Санкт-Петербургского университета Д. И. Соколов. В 1805 г. он окончил Горный кадетский корпус с отличием, получив большую золотую медаль и звание шихмейстера, после чего был оставлен для подготовки к преподавательской деятельности сроком на четыре года. Параллельно он трудился в минералогическом музее Корпуса. В это время его наставниками были П. И. Медер, Е. И. Мечников, А. Яковлев и А. К. Шлегельмильх. В 1809 г. Д. И. Соколов получил звание бергешворена и был назначен преподавателем горных наук в Горный корпус, где трудился почти сорок лет.

В XX в. научный и организационный потенциал журнала нарастал. В 1930-е гг. начинается развитие направлений горной науки, занимавшихся обеспечением безопасности труда горняков. Члены редакционной коллегии «Горного журнала» — А. А. Скочинский, В. А. Биленко, В. А. Яковенко и В. Б. Комаров — активным образом занимались вопросами рудничной вентиляции, техникой безопасности и горноспасательным делом. Они уделяли значительное внимание борьбе с пылью и эндогенным пожарам. Результаты их исследований быстро нашли применение в производстве через разработку инструкций по расчету сложных горных процессов, Правил безопасности и снабжению горняков индивидуальными средствами защиты. В стране эффективно функционировал Совет по безопасности горных работ, действовавший при Горном отделе Главного экономического управления ВСНХ СССР²⁴⁹.

В 1939 г. журнал стал печатным органом Наркомата чёрной металлургии СССР и Наркомата цветной металлургии СССР. Составлены указатели статей самого журнала, который продолжал издаваться в годы индустриального подъёма СССР²⁵⁰.

«Горный журнал» был тесно связан с системой подготовки кадров для своей отрасли. Тесные узы объединяли его с Горным институтом, расположенным в Санкт-Петербурге. Многие его выпускники создали свои научные школы, представители которых размещали свои материалы в пространстве «Горного журнала».

Во время Великой Отечественной войны Горный институт стал одним из ключевых образовательных и научных учреждений, обеспечивавших советскую промышленность и армию необходимыми знаниями и технологиями. В годы блокады Ленинграда Горный институт перестроил работу в условиях военного времени. Студенты, преподаватели и сотрудники активно участвовали в работе местной противовоздушной обороны, тушили зажигательные бомбы. Выпускники института активно занимались разработкой новых технологий, выступали в роли организаторов производств.

Профессор Свердловского горного института Николай Антонович Стариков, выпускник Ленинградского Горного института, 5 июля 1941 г. обратился к научным работникам Свердловского института с призывом: «...Стране нужны в громадном количестве металл, асбест, уголь и другие полезные ископаемые. Как специалист горного дела, я

249 Пучков Л. А., Воробьёв А. Г., Федина О. В. «Горный журнал» и развитие горного дела в России // Горный журнал. 2015. № 7. С. 5–11.

250 Магнус О. А. Указатель статей «Горного журнала» с 1912 г. по 1939 г. (включительно). Л., 1940.

обязуюсь с использованием всех своих знаний и опыта в любое время дня и ночи и при всяких условиях помочь нашей рудной промышленности в повышении темпов добычи руды. В наикратчайший срок закончить научно-исследовательские работы и внедрить их в промышленность, до максимальной полноты использовать научных работников с освобождением части их для непосредственной работы в промышленности — такова цель руководимой мной кафедры в Горном институте. Призываю всех научных работников направить свои силы на разрешение боевых задач, выдвинутых переживаемым грозным моментом»²⁵¹. Призывы профессора, заведующего железнорудным отделением, были услышаны. После окончания Великой Отечественной войны деятельность авторского коллектива и редакции журнала была осознано направлена на скорейшее восстановление разрушенных предприятий. Научные статьи были призваны мобилизовать горнодобывающую промышленность.

Продолжателями «Горного журнала» стали специализированные журналы. Член-корреспондент АН СССР В. В. Ржевский в 1975 г. предложил собственную версию генеалогического древа горной журналистики. Согласно ему, наследниками «Горного журнала» можно считать следующие издания: «Нефтяное хозяйство» (1920 г.), «Горфаянная промышленность» (1924 г.), «Уголь» (1925 г.), «Минеральное сырье» (1926–1938 гг.), «Строительные материалы» (1929 г.). Они, в свою очередь, позднее разделялись на ещё более узко специализированные периодические издания — «Газовая промышленность» (1956 г.), «Геология нефти и газа» (1957 г.), специализированные издания «Известий вузов» — «Геология и разведка», «Горный журнал», «Черная металлургия», «Цветная металлургия», «Нефть и газ» (все — 1958 г.), «Горные машины и автоматика» (1958 г.), «Геология рудных месторождений» (1959 г.), «Металлургическая и горнорудная промышленность» (1960 г.), «Геология и геофизика» (1960 г.), «Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых» (1965 г.)²⁵². Сам «Горный журнал» сохранил свою роль.

Старейшее российское периодическое издание в области горного дела и горных наук заложило основы для нового этапа развития про-

251 Стране нужны минеральные ресурсы. // Газета УГТУ «Горняк». 2020. № 2 (Апрель). С. 6.

252 Исхаков Р. Л. 180 лет «Горному журналу»: российская горная журналистика и становление мировой *bergbauzeitschriften*-системы // Шестые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г. В 2 т. Екатеринбург, 2006. Т. 2. С. 15–20.

мысленной периодики советского времени. Традиция, ведущая начало с трудов Д. И. Соколова в качестве редактора «Горного журнала», не прерывалась и в советское время продолжала насыщать отраслевую периодику научно-популярными изданиями. Например, такими, как журнал «Металлург».

В материалах журнала нас интересует в первую очередь возможность воссоздать картину корпуса инженеров-металлургов, внесших вклад в нашу Победу. Отсюда и даты: 1870–1940-е гг. В этом временном интервале рождались, росли и реализовывались кадры российских советских инженеров-металлургов поколения победителей.

На страницах «Горного журнала» можно прочитать статьи²⁵³, написанные Александром Александровичем Скочинским — организатором Западно-Сибирского филиала АН СССР, а впоследствии и председателем его Президиума, крупнейшим учёным в области рудничной аэрологии и смежных с ней дисциплин, связанных с вопросами безопасности горных работ²⁵⁴. В 1943 г. по поручению Президиума АН СССР он занялся организацией Западно-Сибирского филиала АН СССР, а в 1944 г. был избран председателем его Президиума. В филиал вошла группа научных институтов, среди которых был и горно-геологический. Строительство новой научной базы в Западной Сибири,

особенно в годы войны, имело огромное значение и для науки, и для исследования и освоения природных богатств нового региона. Особо отмечена инженерная деятельность А. А. Скочинского в годы мобилизации, когда требовалось быстрое решение крупных технических вопросов по обеспечению минеральными ресурсами нужд обороны страны. Академик участвовал также в постройке специальных объектов,

253 Горный журнал. 1914. № 11/12 (ноябрь/декабрь). С. 116.

254 Мельников Н. В. Роль академика А. А. Скочинского в развитии горной науки в СССР // Проблемы горного дела. М., 1974. С. 5–12.

имеющих оборонное значение, за что был награждён в 1943 г. медалью «За оборону Москвы».

В журнале «Металлург», ставшем одним из продолжателей «Горного журнала», находим статью о выдающемся горном инженере Владимире Ивановиче Гулыге. В 1935–1936 гг. под его руководством были проведены на доменных печах Кушвинского и Чусовского заводов опытные плавки уральских титаномагнетитов, содержащих ванадий, с последующим переделом чугуна и ванадиевых шлаков в феррованадий. В этой работе была разработана технология производства отечественного феррованадия, необходимого для производства легированной стали и чугуна.

В «Горном журнале» была помещена статья²⁵⁵ горного инженера, предпринимателя и владельца шахт и завода в Скопине Александра Васильевича Шрубко. Он также написал монографию о цинковом производстве²⁵⁶. Предпринимательство переплелось с наукой.

У Александра Васильевича был сын — Пётр Александрович, ставший продолжателем дела отца, геологом и первооткрывателем месторождений меди и цинка на Вайгаче (1931 г.), а также флюорита в Амдерме (1932 г.)²⁵⁷. Важ-

255 Шрубко А. В. Разработка угля с сухой закладкой в Домбровском бассейне и причины, по которым эти работы не получили широкого распространения в этом бассейне // Горный журнал. 1904. № 5 (май). С. 17.

256 Он же. Критический обзор современного состояния цинкового производства в Домброве. СПб., 1903.

257 Репрессированные геологи / Сост.: А. И. Баженов, Л. П. Беляков,

ность обнаружения данных месторождений обоснована тем, что российской металлургии в 1930-е гг. были необходимы компоненты для металлических сплавов, однако малая добыча некоторых важных компонентов требовала регулярных закупок за границей, что ставило страну в зависимость от ресурсов Запада. Одной из таких компонент был минерал флюорит, иначе называемый плавиковым шпатом или фторидом кальция. Этот минерал придавал алюминию ковкость и был незаменим в авиационной промышленности. Кроме того, его использовали при производстве оптических линз. Обе эти отрасли имели стратегическое военное значение.

Стратегическое значение для металлургии России имеет и наследие учёного-металлурга и академика Ивана Павловича Бардина, благодаря которому был создан Череповецкий металлургический комбинат, в настоящее время принадлежащий ПАО «Северсталь». Академик поддержал уже упомянутого в статье А. А. Скочинского в вопросе создания Западно-Сибирского Филиала АН СССР. Выпускникам Горного института, публиковавшим материалы в «Горном журнале», и их соратникам было свойственно расширять географию присутствия горных учебных заведений и металлургических производствен-

ных районов. Именно Ивану Павловичу принадлежит идея построить металлургический завод не на рудных и угольных месторождениях, а

С. П. Гладкий и др.; Гл. ред. В. П. Орлов; Отв. ред.: Л.П. Беляков, Е. М. Заблочкий / 3-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 1999.

на стыке «высокоразвитых экономических районов»²⁵⁸. В 1940 г. был издан Приказ об организации металлургической базы на Северо-Западе СССР, а в 1947 г. было принято Постановление о строительстве Череповецкого металлургического завода²⁵⁹. В настоящее время это один из крупнейших автономных интегрированных заводов по производству стали в мире.

В современных условиях наследие инженеров-металлургов, представителей школы, сложившейся в 1870–1940-х гг., определяет будущее российского горного дела. Ими были созданы важнейшие для металлургической промышленности страны предприятия. Они основывали научные школы, представители которых обнаруживали стратегические месторождения, вводили в научный оборот новые данные по мере развития горного дела в России. Благодаря их трудам был дан импульс для развития отрасли. Материалы «Горного журнала» и сопутствующих ему периодических изданий могут обеспечить информационное основание для изучения деятельности и научных биографий как выдающихся представителей отрасли, так и инженерно-технических кадров отечественной металлургии. Гуманитарный взгляд — это основа нашего подхода, нацеленного на историческое изучение ученых, инженеров и мастеров России.

258 Челноков Б. В. Череповецкий след академика Бардина: историко-литературное повествование. Череповец, 2020. С. 34.

259 На основе материалов ВОАНПИ.

Ю. А. Зубихина, А. В. Кузьмина

«Архив истории труда в России»

Двадцатые годы XX в. являются сложным периодом не только в истории Российского государства, но и в истории развития отечественной исторической науки. В это непростое время закладывались основы тех институтов, организаций, учреждений, которые во многом будут определять вектор развития советской исторической науки на многие десятилетия вперед. Научное сообщество находилось в поиске форм организации, объединения, в поиске новых путей развития. Закономерно на первый план в поле исследований выходит наиболее актуальная социально-экономическая проблематика. В связи с получившей развитие дискуссией о роли и задачах профсоюзов, возрос и интерес к проблемам истории труда, возникла необходимость объединения историков, интересовавшихся социально-экономическими проблемами, что вылилось в создание Учёной комиссии по истории труда в России²⁶⁰. Учёная комиссия по исследованию истории труда в России была создана 18 февраля 1921 года при Петроградском совете профсоюзов, почти сразу Комиссией начал издаваться научный журнал «Архив истории труда в России» (два последних номера в 1925 г. были выпущены под названием «Труд в России»)²⁶¹.

Согласно положению, опубликованному во втором номере «Архива истории труда в России», Учёная комиссия, хотя формально и была подотчетна Петроградскому совету профессиональных союзов, сама устанавливала план ближайших работ, избирала из своей среды председателя и его заместителя (управляющего делами), членов редакционной коллегии журнала, а также назначала постоянных (штатных) и временных сотрудников, вела от своего имени переписку с учреждениями и лицами по научным вопросам²⁶².

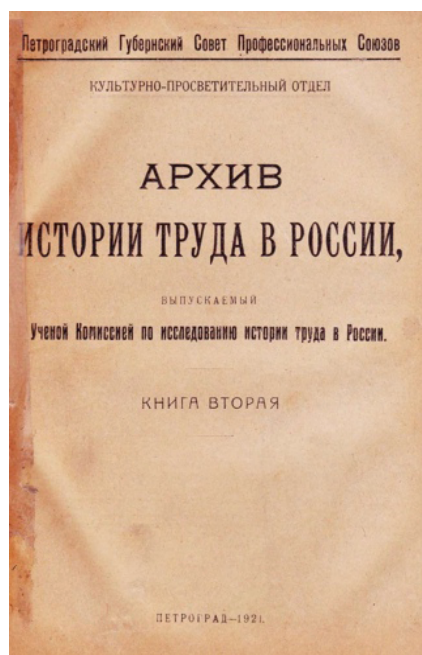
Ядро Комиссии состояло из профессиональных историков, среди ко-

260 Букишпан П. Я. Из истории труда в России (по страницам журнала начала 20-х годов) // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 168.

261 Советская историческая энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. Е. А. Луцкий // Под ред. Е. М. Жукова. 1973—1982. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/1181/%D0%90%D0%A0%D0%A5%D0%98%D0%92> (дата обращения: 20.10.2023).

262 Положение об Ученой комиссии по истории труда в России // Архив истории труда в России. 1921. № 2. С. 156–157.

торых были С. Ф. Платонов — профессор русской истории Петербургского университета, представитель старшего поколения петербургских историков, а также Г. В. Циперович — один из руководителей Петроградского совета профсоюзов. Однако активного участия в работе учреждения они, скорее всего, не принимали, оставаясь лишь формальными руководителями, реальное же руководство работой Комиссии осуществляли Ю. И. Гессен, И. М. Кулишер и А. Е. Пресняков.

В центр своих изысканий упомянутые выше историки, каждый в своей области, ставили исторический источник — архивный документ, что во многом обусловило характер деятельности и публикаций журнала. Во вводной статье к первому номеру «Архива истории труда в России» Ю. И. Гессен писал: «Нет нужды говорить, что представляя собою хранилище естественно образовавшихся собраний документов, архивы — в целом — раскрывают самые затаенные поры и извилины минувшей жизни, и будучи чужды предвзятости и лицепрятия, освещают ее беспристрастно: в архивах с одинаковой рельефностью запечатлены стремления различных

социально-экономических групп населения, независимо от того, какая из них торжествовала в данный момент; на ряду с преднамеренным и бессознательным искажением фактов, вызываемым то материальными интересами, то сословными и религиозными предрассудками, здесь пробивает себе путь неприкрашенная правда действительности»²⁶³.

Сформировался круг учёных, которые регулярно писали статьи для журнала и готовили к публикации архивные документы. Можно выделить около двадцати авторов, значительную часть из которых составляли молодые историки-архивисты и библиографы: А. А. Введениский, Э. Ф. Голлербах, М. Я. Гордон, А. Ф. Добрынин, Р. М. Кантор, О. Е. Кор-

²⁶³ Гессен Ю. И. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России // Архив истории труда в России. 1921. № 1. С. 3–5.

нилович, Т. Шатилова, А. В. Шебалов и их более опытные коллеги А. Л. Блек, В. В. Колпенский, Е. С. Коц, Н. А. Мурзанов, К. А. Пажитнов, А. С. Путилов, С. И. Тхоржевский и А. Н. Шебунин. Впрочем, публикации уже известных и признанных учёных (Е. В. Тарле, В. В. Святловского, Н. А. Рожкова, А. Е. Преснякова, С. Ф. Платонова и др.) тоже появляются в журнале, хотя не составляют большинство в общем объёме статей²⁶⁴. Такой подбор авторов отвечал основной цели Комиссии: подготовить архивные материалы и библиографию для будущих историков.

Юлий Исидорович Гессен акцентировал внимание на необходимости, выражаясь современным языком, междисциплинарного подхода, отмечая, что для исследования требуются совокупные усилия историков, экономистов, техников и других специалистов. Он подчёркивал, что поскольку в изучении истории труда наиболее важны те архивные дела, которые воспроизводят в своей совокупности чётко и правдиво протёкшую жизнь в гармоничной пестроте её реальных черт, а подобные дела приобретают характер научного материала лишь при массовом их использовании, то этим обстоятельством определяется роль архивистов в разработке научных проблем истории труда. «Разыскать в ряде архивов множество дел, вплетающихся в историю труда, — скрупулёзная работа не по плечу самим исследователям; тут необходимо научно-техническое сотрудничество архивистов, не только опытных в своем деле, но и способных усвоить научные нужды специалистов, с разных сторон подходящих к изучению истории труда. Только тогда, когда архивисты зафиксируют сохранившиеся в обследуемых архивах соответствующие документы и весь этот чрезвычайно обширный и разнообразный материал будет систематизирован, архивные сокровища станут доступными для исследователя»²⁶⁵.

Таким образом, для планомерного и всестороннего исследования истории труда Комиссия ставила своей задачей обеспечить организованное сотрудничество специалистов разных сфер, объединить, координировать их труд и направить его в конечном итоге к общей цели²⁶⁶. Работа Комиссии была призвана значительно облегчить сбор информации по социально-экономической тематике, становясь своеобразным

264 Гильминтинов Р. Р., Шевцов В. В. Ученая Комиссия по истории труда в России и петроградские профсоюзы в первой половине 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2019. Т. 27. С. 65.

265 Гессен Ю. И. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России // Архив истории труда в России. 1921. № 1. С. 4.

266 Там же. С. 3–5.

путеводителем, избавляя исследователя истории труда от необходимости собирать по крупицам необходимый материал из большой массы разнородных и разбросанных источников. Благодаря деятельности Учёной комиссии и «Архива истории труда в России» исследователи могли получить информацию о содержании заводских архивов, множество документов из архивных фондов впервые было опубликовано и введено в научный оборот на страницах журнала.

Результатом работы Комиссии стало издание журнала «Архив истории труда в России», объединившего «чрезвычайно обильные материалы по ряду вопросов истории труда»²⁶⁷. Редакция и Комиссия стремились сделать журнал интересным не только для специалистов, но и увязать изучение истории с задачами социально-экономической политики Советского Союза. Всего было выпущено 15 номеров, в которых публиковались архивные документы, статистические данные, исторические и историографические статьи²⁶⁸. В 1921 г. вышли первые две книги. Несколько раз высказывалось намерение выпускать четыре книги в год, но добиться этого не удалось. Всего в 1921–1923 гг. увидели свет 10 книг (одна из них — сдвоенная) «Архива истории труда в России»; в 1924–1925 гг. — 5 книг (номеров) (одна — сдвоенная) его продолжения — «Труд в России» тиражом от двух до трёх тысяч экземпляров²⁶⁹.

В особом отделе печатались относящиеся к истории труда описания архивных фондов и отдельных наиболее ценных по содержанию архивных дел, а также документы, небольшие очерки, заметки, рецензии на книги и др. Лишь в виде исключения помещались статьи теоретического или общего характера, как, например, напечатанные в первой книге три статьи, задачей которых было дать читателю общее представление о состоянии западноевропейской и русской историографии труда²⁷⁰.

К историографическим статьям на страницах «Архива истории труда в России» можно отнести следующие материалы: «Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореволюционное время), постановка их в нашей исторической литературе» Иосифа Михайловича Кулишера, «Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения» Александра Евгеньевича Преснякова (обе —

267 Гессен Ю. И. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России // Архив истории труда в России. 1921. № 1. С. 5.

268 Гильминтинов Р. Р., Шевцов В. В. Указ. соч. С. 65.

269 Букипан П. Я. Указ. соч. С. 170.

270 Гессен Ю. И. Указ. соч. С. 5.

книга 1, 1921 год), «Вопросы труда в иностранной литературе» Якова Абрамовича Канторовича (книга 4, 1922 год); «Из литературы по истории рабочего класса в России» Сергея Ивановича Тхоржевского («Труд в России», книга 2, 1924 год)²⁷¹. В сборниках журнала также были представлены обзоры архивов Обуховского сталелитейного завода, Балтийского, Ижорского заводов, заводов Розенкранца²⁷².

Примерно 20 % напечатанных в журнале материалов касались сельскохозяйственной тематики. В частности, около 15 статей и сообщений было посвящено вопросам колонизации и закрепощающей роли государства, условий труда и быта, классовой борьбы крепостной деревни преимущественно в первой половине XIX в.

По мере выхода «Архива истории труда в России» менялись источниковедческие установки и научные задачи как Комиссии, так и журнала. После первого года издания была выявлена и признана необходимость более строгого отбора архивного материала с одновременным расширением фронта исследовательской работы. Если в первых книгах журнала исследовательские статьи были мало связаны с работой Комиссии, представляя собой выступления известных авторов по интересовавшим их проблемам и на уже имевшейся источниковедческой базе, то в дальнейшем стали преобладать публикации с обобщениями собранных архивных данных.

На протяжении пяти лет существования журнала изменялась тематика публикуемых статей. Можно отметить рост интереса к истории XX в.: в 1921–1922 годах материалы, связанные с современностью, составляли около 12–13 % от общего числа статей, в 1923 г. их число возросло уже до 36 %, а в 1925 г. (с некоторым снижением в 1924 году) — до 64 % (25 из 39 статей и заметок). Большинство опубликованных материалов по истории XX в. было написано с целью разработки источников по проблемам истории революции 1905–1907 гг. или подготовки революционных событий 1917 г. В 1924–1925 гг. большая часть документов и статей касалась отдельных сюжетов экономической борьбы рабочего класса²⁷³.

Деятельность Комиссии и журнала позволяла исследователям получать информацию о содержании заводских и вотчинных архивов, а

271 Советская историческая энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. Е. А. Луцкий // Под ред. Е. М. Жукова. 1973—1982. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/1181/%D0%90%D0%A0%D0%A5%D0%98%D0%92> (дата обращения: 20.09.2023).

272 История и историки: историографический ежегодник. 1973 / отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1975. С. 9.

273 Букишан П. Я. Указ. соч. С. 171.

также статистические материалы, извлеченные из них. Журнал уделял внимание истории профсоюзного движения, а редакция в некоторых случаях связывала обзорные статьи и публикации по одной теме, что укрепляло идейную и научную линию журнала.

Сотрудничество в журнале и работа в Комиссии иногда позволяли авторам статей дополнять исследовательские направления друг друга, представляя разные точки зрения.

В 1925 г. руководство изданием «Архива истории труда в России» перешло в руки редакционной коллегии, состоящей из чиновников Ленинградского совета профсоюзов, а также был радикально изменён состав самой Комиссии. Из неё были удалены С. Ф. Платонов, И. М. Кулишер и многие другие историки и архивисты. Председателем Комиссии был назначен большевик, один из руководителей Ленинградского совета профсоюзов Н. П. Глебов-Авилов, в состав были включены несколько рядовых профсоюзных работников. Из прежнего состава в Комиссии остались лишь Ю. И. Гессен и А. Е. Пресняков.²⁷⁴

Проведено и переименование печатного органа Комиссии «Архив истории труда в России» в «Труд в России», что сопровождалось объявлением о намерении издания не только обращаться прошлому, но и освещать современные проблемы отечественного рабочего класса. В первом обновленном номере журнала были определены отделы, включающие вопросы экономики и труда, рабочего движения, профессионального движения, материалов современной жизни, обзоров и библиографии, документов и сообщений. Такое деление было отчасти реализовано в следующем, ставшем последним, номере журнала.

Следует также добавить, что если в период с 1921 по 1924 гг. Комиссия работала практически независимо от Ленинградского совета профсоюзов, то в 1925 г. произошло резкое изменение модели их взаимодействия. Это было связано с тем, что профсоюзное руководство начало рассматривать историю как прикладную дисциплину, задачи которой должны определяться основными направлениями профсоюзной работы.

Новая редколлегия намеревалась радикально обновить круг авторов. Назывались имена Р. Арского (А. Радзишевского), В. А. Базарова, Н. Н. Ванага, Г. Новицкого, А. М. Панкратовой, А. Г. Рашина, С. Г. Струмилина и других экономистов и историков. Как результат, журнал «Труд в России» не только содержанием помещённых в последнем номере публикаций, но и самим названием сборника указывал

274 Гильминтинов Р. Р., Шевцов В. В. Указ. соч. С. 65.

на приоритетное внимание к истории борьбы рабочего класса. Исходя из поставленных новых задач, Комиссия стала готовить материалы для пропагандистской и воспитательной работы среди рядовых членов профсоюзов²⁷⁵. Однако в таком обновленном виде Комиссия по истории труда стала лишней, поскольку в основном дублировала работу Ленинградской Комиссии по истории профессионального движения (Истпроф), созданной в 1924 г. по инициативе ВЦСПС. Ленинградский Истпроф был частью большой сети исторических комиссий, которые функционировали при ведущих профсоюзных организациях, занимаясь упорядочением архивов, обработкой и публикацией документов, изучением истории профессионального движения и написанием статей для широкой аудитории.

В конце 1925 г. Комиссия по истории труда при Ленинградском совете профсоюзов была ликвидирована. Несмотря на короткий период своего существования, она успела провести значительную работу по изучению материалов по экономической истории России, а её журнал «Архив истории труда в России» вызывал большой интерес у как у современников, так и у последующих поколений исследователей социально-экономической проблематики²⁷⁶.

Можно констатировать, что журнал «Архив истории труда в России» и его продолжение «Труд в России» оказали значительное влияние на развитие советской исторической науки, поспособствовав привлечению новых авторов, расширению архивной и исследовательской работы, началу разработки актуальных проблем социально-экономической истории. Публикация новых материалов, особенно по истории промышленности, в том числе материалов заводских архивов, имела большое значение для сбора и формирования источникового комплекса по изучению отечественных фабрик и заводов. Так, на статьи журнала ссылались в своих работах многие историки, например: Пажитнов К. А.²⁷⁷, Рашин А. Г.²⁷⁸, Тимофеев Д. В.²⁷⁹, часто встречаются

275 *Майдачевский Д. Я.* Ученая комиссия по исследованию истории труда в России (1921–1925): опыт институционализации экономической истории // *Археографический ежегодник*. 2005. Т. 1. С. 26.

276 *Гильминтинов Р. Р., Шевцов В. В.* Указ. соч. С. 65.

277 *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности до-революционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. М., 1958.

278 *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958.

279 *Тимофеев Д. В.* Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2019. № 4. С. 1177–1194.

ссылки на материалы «Архива истории труда в России» и в фундаментальных коллективных трудах и сборниках, таких как «Очерки истории исторической науки в СССР»²⁸⁰, «Рабочее движение в России в XIX веке»²⁸¹.

Обзоры источников по отдельным районам, предприятиям, отраслям производства и сферам деятельности до сих пор представляют ценность для исследователей, являясь уникальным комплексом материалов, тем более что в настоящее время часть книг «Архива истории труда в России» (хоть и не в полном объеме) доступна исследователю в электронном виде²⁸². Статьи и документы журнала предшествовали работам 1930–1940-х гг. по истории фабрик и заводов и дальнейшей успешной разработке проблематики социально-экономической истории в отечественной исторической науке.

280 Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. Т. 4 / под ред. М. В. Нечкиной, Г. Д. Алексеевой, М. А. Алпатова. М., 1966.

281 Рабочее движение в России в XIX веке: сборник статей и материалов. / под ред. А. М. Панкратовой. М., 1955. Т. I. Ч. 1–2.

282 Интернет-проект Исторические материалы // Архив истории труда в России. (Выпускаемый Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России). [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/33477> (дата обращения: 27.10.2023); Президентская библиотека // Архив истории труда в России. (Выпускаемый Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/830893> (дата обращения: 20.10.2023).

III. НАШ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Е. В. Бунина

Размышления о книге А. Е. Черновой «Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции»

«Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком,
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!»

Как бы шутейно и с самоиронией по отношению к собственной поэтической значимости звучит этот незатейливый «экспромт» Николая Михайловича Рубцова, в котором, на первый взгляд, речь идёт лишь о желании поэта остаться в народной памяти²⁸³. Однако за очевидным первым смысловым планом стихотворения стоит второй, который раскрывается по мере того, как мы проделываем вместе с героем стихотворения этот воображаемый неблизкий путь. Желание жить в *своём* народе — вот его цель. И невольно задумываешься о том, почему для этого русскому человеку второй половины двадцатого века нужно преодолеть не только пространство, то есть физическое расстояние, отделяющее деревню и провинцию от столичного города, но и время, а также пройти определённые испытания («пройти по волоку с мешком» можно считать символом этого духовного трудничества).

283 Экспромт. (1957) С. 67. Здесь и далее стихотворения Н. М. Рубцова приводятся по изданию: Н. Рубцов. «В минуты музыки печальной...»: стихотворения. СПб., 2023.

III. Наш историко-филологический взгляд

Творчество Николая Рубцова было бы невозможно без самой «жгучей и тесной связи», которую он чувствовал с родной природой Русского Севера, Архангельской области, Вологодчины, с укладом жизни русской деревни²⁸⁴. Рубцов действительно жил в своём народе. Он был узнан, распознан, любим. С скромные книжечки стихов, прижизненные издания 1960-х — начала 1970-х гг., имелись на книжных полках в тех домах, где также, как он сам, чувствовали самую глубокую связь с русской народной традицией. Распознавание читателем на обыденном уровне происходит интуитивно: считывается образ, настроение, интонация, музыкальный ритм, верно подобранное слово и даже постановка темы — те самые ключики к архетипу и ментальности, которые не требуют доказательств того, что перед нами не чужак, играющий красными словцами и оборотами хорошо усвоенного, но, увы, неродного языка. Сложнее работать с поэтическим и художественным материалом, когда требуется не только почувствовать, но и понять, когда требуется обосновать, расшифровать эти образы, выстроить их в цельную картину, отражающую мировоззрение творца, понять его истоки и тем самым доказательно вписать его в ту или иную культурную традицию, оценить вклад, попытаться реконструировать исторические, философские взгляды поэта, писателя. Для этого нам, современным историкам, зачастую не хватает того инструментария, которым владеют, в частности, филологи. В этом наглядно убеждаешься, неторопливо читая замечательную книгу Анастасии Евгеньевны Черновой «Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции».

Монография Анастасии Евгеньевны раскрывает новую глубину в понимании истоков и смыслов наследия русского поэта советского времени. Значение исследования, проведённого А. Е. Черновой, не ограничивается рамками филологической науки, литературоведения и «рубцововедения», о чём говорят и многоуважаемые авторы предисловий к монографии²⁸⁵. От себя добавлю, что исследование носит междисциплинарный характер ещё и потому, что выходит на такие ключевые вопросы исторической науки, как национальное сознание и методы его изучения. Потому рекомендовала бы для прочтения эту книгу не только равнодушным к указанной исторической проблематике, но и занимающимся теоретико-методологическими вопросами исторических исследований.

284 Тихая моя Родина. В. Белову. (1964) С. 79.

285 Формулы национального сознания. Прот. Владимир Чувикин. С. 7–8.; Поэзия из недр народного духа. В. Ю. Даренский. С. 9–13. / Чернова А. Е. Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции. М., 2024.

Детальное внимание автор уделяет раскрытию и анализу таких категорий, как «архетип» и «ментальность». Наблюдение о том, что архетип народа един, но ментальность, присущая разным социальным группам разная, ставит, вообще говоря, вопрос о самой возможности восприятия потомками того послания, которое передает нам Рубцов. А если взглянуть шире — в целом того социального опыта, носителем которого было крестьянство и та часть населения России, уклад жизни которой определялся связью с деревней. Кто способен воспринять, наследовать это знание? Очевидно, что круг духовных наследников в силу целого ряда причин заведомо ограничен. Не об этом ли страхе утраты преемственности душевные переживания поэта: «В этой деревне огни не погашены. Ты мне тоску не пророчь!»²⁸⁶

Является ли творец в своём произведении выразителем народного архетипа или ментальности определённой социальной группы? Важнейший вопрос для понимания роли и значения поэта, писателя, композитора, художника в национальной культурной традиции. О двух типах художников размышлял высоко ценивший Николая Рубцова его старший современник, композитор Георгий Васильевич Свиридов (1915–1998), большой знаток русской литературы и современной русской прозы, глубоко чувствовавший музыкальность в поэзии. Г. В. Свиридов писал, что «есть поэты национальные (народные). Они никому не служат, но выражают дух нации, дух народа, на него же опираясь (здесь и далее по тексту — курсив мой. — прим. Е. Б.). Подобного типа художники могут быть, разумеется, в любом народе, если есть предпосылки к их появлению, время как бы само рождает их». К этому типу поэтов относил он А. А. Блока, С. А. Есенина, Н. М. Рубцова, М. П. Мусоргского, Н. А. Корсакова, С. В. Рахманинова... «Второй тип художника — прислуга. Такой поэт или художник служит силе, стоящей над народом и, как правило, чужеродной силе. Под видом национального беспристрастия, “интернационализма”, в его, главным образом, американском понимании, он служит интересам обычно чужой нации, стремящейся установить своё господство над коренным народом. Примеров этому — много»²⁸⁷.

Возвращаясь к теме авторского исследовательского инструментария, самого пристального внимания заслуживает категория «этнопоэтические константы». «Причиной возникновения этнопоэтических констант, постоянных, традиционных элементов фольклорного сознания, является особый способ обобщения реальности, т.е. художественный метод фольклора, отличающийся высоким уровнем типизации. <...>

286 Зимняя песня. (1965) С. 118.

287 Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М., 2002. С.374–375.

III. Наш историко-филологический взгляд

Константы не только формируют определенные образы, но также соединяют взгляды автора с народным мировосприятием и пониманием действительности».²⁸⁸ Содержание поэтических констант формируется установками фольклорного сознания. В лирике Рубцова наиболее часто встречающиеся константы — это родная земля, песня, осень, берёзы, соборность, тайна, старина, грусть, образ идеального мира... А. Е. Чернова показывает прямое сходство рубцовских текстов с произведениями устного народного творчества: историческими песнями, былинами, сказками, которые для историков имеют ценность устных исторических источников. Сопоставление этнопоэтических констант лирики Рубцова, его предшественников и современников позволяет автору сделать вывод о принадлежности Николая Михайловича Рубцова к русской классической поэтической традиции.

«Нет, связь молодых поэтов с великой классикой — связь глубинная, органическая, кровная, — размышлял о поэзии Н. Рубцова и наш композитор. — Это связь по сути, по существу дела, по содержанию творчества, по сокровенности, а не по манере.

Стилевая переключка: возврат к глубокой простоте, простоте, над которой надо думать и которую надо почувствовать, отказ от всякого эффекта, от всяких “модернистских завитушек”, от эстрадного кликушества, никакой демагогии. Выстраданное сердцем слово, глубокая мысль, чувство Родины как целого — вот приметы этой поэзии. Отсюда её возвышенный тон, строгий и лишённый какой-либо выпренности, острое ощущение нашего времени, не в деталях и частных приметах, а во внутреннем её движении.

Отсюда — ощущение жизни не только по касательной, не только — сегодняшнего дня, но и *чувство истории, чувство движения, чувство неразрывности и бесконечности жизни*»²⁸⁹.

Между тем, Н. М. Рубцов (1936–1971) был человеком своего времени. Рождённый в 1936 году, на войну он, как тогда говорили, не успел. Но в его ранней биографии было много жизненных обстоятельств,

288 Чернова А. Е. Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции. М., 2024. С. 218.

289 Свиридов Г. В. Музыка как судьба. С. 237.

общих для детей поколения, которых называли подранки, то есть «раненые войной»: безотцовщина, сиротство, голодуха, жизнь в детском доме, бедность. И одновременно с этим чувство безоглядной любви к советской родине, которая не бросает своих детей и сирот, гордость за её величие, успехи, размах. Именно поколение Рубцова можно считать первым в полном смысле этого слова советским поколением, получившим соответствующее воспитание и образование. Парадоксальность исторического момента состояла в том, что советское образование, обратившееся к лучшим достижениям классической русской школы и так называемой дворянской культуры, носившей всё же элитарный характер, стало доступным для широких слоёв простого населения и легло на благодатную почву открытых к знаниям и жаждущих его умов. Появилось первое образованное поколение людей «из народа», новая плеяда творцов, зачастую выходцев из деревни, генетических носителей традиции народной, корневой, воспитанных на лучших образцах русской культуры, способных воспринять и оценить произведения авторов не только пушкинского «Золотого», но и индивидуалистичного, рафинированного «Серебряного века», начитанных, а в случае с Рубцовым хорошо знавших и европейских, французских поэтов²⁹⁰, а также имевших собственный взгляд на природу, характер и культуру советской эпохи. Может быть потому одарённый душой, «которая хранит всю красоту былых времен»²⁹¹, остро чувствовавший разницу между старой и новой Россией и жалевавший о том, чего уже не вернуть, Рубцов вместе с тем неоднократно озвучивает мысль о преемственности времён, о том, что он дитя своей эпохи, в которой тоже есть много хорошего, что ему и «новое мило».

«С моста идёт дорога в гору.
А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.

Былая Русь! Не в те ли годы
Наш день, как будто у груди,
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшей впереди!

290 Чернова А. Е. Лирика Николая Рубцова... С. 163.

291 Душа хранит. (1969) С. 26.

III. Наш историко-филологический взгляд

Какая жизнь отливала,
Отгоревала, отошла!
И всё ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила.

Все так же весело и властно
Здесь парни ладят стремена,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те былые времена...»²⁹²

В Рубцове соединялось индивидуальное, личное, данное только ему, и типичное, свойственное людям его времени, определяемое общими условиями жизни. Бесприютность, неприкаянность, бездомность в прямом смысле этого слова почти до последних дней — чего в этом было больше? Бытовая непрактичность, неумение материально обустроить свою жизнь, и, обойдя внешние препоны, встроиться в общественную систему? Поощряемый официальной пропагандой социальный и личный аскетизм? На официальном уровне осуждались «мещанство», «вещизм», «накопительство», то есть разные формы привязанности к материальным благам. Некая дань богемности, отпечаток особой атмосферы литературных столичных кругов 1960-х годов? Или это было проявлением духа русского странничества с его надмирностью? Ходили ведь ещё и после войны по городам и деревням России странники как в царские времена, лично довелось слышать об этом воспоминания очевидца. Может быть и Рубцов был словно странник нового времени, калика переходящий, поющий свои духовные песни и былины под гармошку. «Уж сколько лет слоняюсь по планете! И до сих пор пристанища мне нет...»²⁹³, — написал двадцатилетний юноша.

Отрочество и юность Николая пришлись на первое послевоенное пятнадцатилетие. Вторая половина 1940-х — конец 1950-х гг. было временем особенным. Страна восстанавливалась из руин. Атмосфера победы, радости, чувство общенародной солидарности, оптимистичный образ будущего соседствовали с горечью утрат, следами разрушений, социальными травмами, которые нанесла война. Дворы, улицы, переулки, закоулки были зоной социального равенства. В одной компании могли ходить и будущие народные артисты и парнишки из простых семей, чей жизненный путь был очерчен не столь однозначно. Поговорка

292 По вечерам. (?) С. 27.

293 Уж сколько лет слоняюсь по планете. (1955) С. 389.

«от сумы и тюрьмы на Руси не зарекайся», обобщавшая вековой народный опыт, в советские годы вообще, а после войны особенно приобрела новое наполнение. Сколько было подобных историй: дворовая драка, обнаруженная недостача на складе, ограбленный сельский магазин... и в спорных для правосудия ситуациях, а то и по прямому умыслу, в местах не столь отдалённых оказывались невиновные, но самые социально уязвимые: дети бывших врагов народа, потерявшие отцов на войне, лишённые пригляда и защиты. Такой случай в биографии человека мог оказаться единичным, но из песни, как говорят, слова не выкинешь.

Русский народ не только «страдалец», но и «сиделец». Нашу народную традицию всегда отличало сочувствование подобному социальному опыту. В основе его лежит понимание того, что превратности судьбы непредсказуемы, жертвой стечения неблагоприятных обстоятельств может оказаться практически любой человек. Такое сочувствование соответствует отношению к человеку и с точки зрения православного мировоззрения. Рубцов был в полной мере наделен даром и чувствовать, и сопереживать этой стороне жизни. Непростая и даже болезненная тема находила у него отклик. И это не «лагерная тема», не подыгрывание тюремной субкультуре. Здесь — иное.

«Потонула во тьме отдаленная пристань.
По канаве помчался, эх, осенний поток!
По дороге неслись сумасшедшие листья,
И всю ночь раздавался милицейский свисток.

Я в ту ночь позабыл все хорошие вести,
Все призывы и звоны из Кремлевских ворот.
Я в ту ночь полюбил все тюремные песни,
Все запретные мысли, весь гонимый народ.

Ну так что же? Пускай рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет затаившийся снег!
На тревожной земле в этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый, неплохой человек.

А последние листья вдоль по улице гулкой
Все неслись и неслись, выбиваясь из сил.
На меня надвигалась темнота закоулков,
И архангельский дождик на меня моросил...»²⁹⁴

294 Осенняя песня (1962). С. 183.

III. Наш историко-филологический взгляд

Архангельская область, русские «севера» — малая родина Рубцова. Места, не столь отдалённые.

Тем временем на смену «слякоти» второй половины пятидесятых и «твистующим» шестидесятым пришла эпоха брежневского «застоя». «Эпоха Брежневского консерватизма была не так уж плоха, — вспоминал на очередном историческом витке, уже в 1990-е гг. Г. В. Свиридов. — Это была эпоха *глубоких предчувствий*. В ней вызревала большая национальная мысль, находившая себе самое сильное творческое выражение. Я имею в виду творчество Ф. Абрамова, В. Шукшина, плеяды поэтов: Н. Рубцова, А. Передреева, С. Куняева, А. Прасолова, Вл. Соколова, О. Чухонцева, ... Викт. Астафьева, В. Белова, Ю. Бондарева, Е. Носова, В. Крупина, В. Распутина, русскую критику: В. Кожина, М. Лобанова, В. Гусева ... В нем, том времени, *вызрела национальная идея как сокровенная, как религиозная идея*. В условиях адской жизни, где все противостояло национальному сознанию — и государственно-партийные доктрины, и сама художественная среда... в значительной мере сращенная с этими доктринами...»²⁹⁵.

Писателей и поэтов, вышедших из российской глубинки и поставивших в 1960–1970-е гг. на повестку дня тему состояния русской деревни, в литературной критике называли «деревенщиками», а само литературное течение получило название «деревенская проза». Не берусь утверждать, что Николая Рубцова однозначно относили к этому направлению. Но как прозорливо и обнажая саму суть явления возражал создателям термина «деревенская проза» Василий Макарович Шукшин (1929–1974), никакой собственно «деревенской» темы нет, а есть одна главная проблема, и это проблема, подчеркивал он, «государственная»: проблема русского народа, его исторической судьбы и будущего. Это будущее наша национальная мысль безусловно связывала с сохранением деревни как социального, бытового, хозяйственного и духовного уклада жизни русских людей. «Дом. Это понятие для горожанина расплывчато. Дом — то ли всё многоквартирное и многоэтажное сооружение, то ли своя лишь квартира, комната. Тыщи лет человек жил собственным домом, а затем почти в одночасье нас сселили в своеобразные общежития с отдельным входом (в лучшем случае), и почему-то решили, что этой пройдет даром, без социальных последствий. Нет, вопрос остается открытым, “почти неизученным”», — рассуждал один из авторов²⁹⁶.

Наиболее часто в поэзии Н. Рубцова проявляются «константы, со-

295 Музыка как судьба... С. 571–572.

296 Белков В. Повесть о Вологде. 100 историй о Николае Рубцове. Вологда. 1991.

ставляющие образ Родины, которые выражают как глубоко личные, так и общенародные чувства к родной земле, к природе, к окружающим людям», — подмечает А. Е. Чернова²⁹⁷. По тематике сюжетов, обозначенных вопросов и проблем Николая Рубцова с полным основанием можно отнести к мыслителям, к тем представителям отечественной культуры, каждый из которых своим, наиболее близким для себя способом познания и языком выражения (художественное слово, изобразительное искусство, музыка, научная мысль) пытались осмыслить и донести образ исторического пути русского народа и России. Интеллигенция «из народа» в целом после войны вышла с новым уровнем национальной рефлексии. У кого-то социальная проблематика в творчестве звучала более остро. Так, почти физически осязаемо, личной болью отзывался В. Шукшину тот этап в истории деревни, который начался в «год великого перелома» — в 1929-м, это был и год рождения писателя. Последовавшие сплошная коллективизация и раскулачивание, уничтожили, как он полагал, самую лучшую, активную, предпринимательскую часть русского крестьянства и тем самым был подорван жизненный потенциал народа. Вообще, Шукшин в своих оценках советского строя был более резок и категоричен. А вот у Н. Рубцова тема социальных катаклизмов почти не слышна. В его «тихой лирике» скорее тревожные думы, общее переживание от того, как чуждая культура неотвратимо наступает на традиционную, тоска по утрачиваемой «старине»: «Ах, город село таранит! Ах, что-то идет на слом!....». Но, окидывая взглядом родные пейзажи, поэт постоянно останавливается на печальном зрелище полуразрушенных храмов с провалившимися куполами и поросшими травой крышами, и эта «мерзость запустения» вызывает у него острое чувство утраты.

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье меж этих померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

297 Чернова А. Е. Лирика Николая Рубцова... С. 218.

III. Наш историко-филологический взгляд

О сельские виды, о дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная синяя птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!»²⁹⁸

Духовная коррозия в обществе беспокоила и тревожила наших мыслителей. Это состояние подмечал и очень точно передавал В. Шукшин, говоря, что «современный деревенский житель он уже и не деревенский вовсе», что комфорта в деревенском быту становится больше, а «благости меньше» (рубцовские «злые деревенские старухи» — это тоже пример утраты «благости»), что, уехав из деревни, деревенский житель и «городским стать до конца не может». «Меня всё терзают грани меж городом и селом», «но хочется как-то сразу жить в городе и в селе», — вторит ему Н. Рубцов²⁹⁹. Стоит ли сомневаться, что в равной степени и тот, и другой описывали и собственное состояние «раздрая». Душа русского человека на изломе советской эпохи оказалась словно сжатой до предела пружинкой, втиснутой в узкий зазор, ту дельту, что осталась между деревней, из которой он ушёл, где-то вынужденно, где-то по доброй воле, и городом, в котором он так и не смог в полной мере почувствовать себя своим. «Размытый путь и вдоль кривые тополя»³⁰⁰ — очень говорящий образ из стихотворения, ставшего народной песней, который, по всей видимости, характеризует не только внутреннее состояние поэта, но и восприятие им вектора общественно-го развития, духовного состояния общества. В связи с этим интересно замечание, относящееся к началу 1960-х гг.: «Четкость общественной позиции поэта считаю не обязательным, но важным и благоприятным качеством. Этим качеством не обладает в полной мере, по-моему, ни один из современных молодых поэтов, это — характерный знак времени. Пока что чувствую этот знак и на себе»³⁰¹.

Со времени «деревенщиков» прошло уже почти полвека. Ныне в

298 Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны... (1963) С. 9–10.

299 Грани. (?) С. 157.

300 У Н. Рубцова: «Размытый путь. Кривые тополя» / Отплытие. (1967) С. 184.

301 Рубцов Н. Коротко о себе. (Предисловие к сборнику «Волны и скалы») / Н. Рубцов. «В минуты музыки печальной...» С. 5–6.

активной жизненной фазе поколение их детей, внуков и даже правнуков. Они становятся свидетелями последствий как тех негативных тенденций, о которых размышляли предшественники, так и совершенно новых вызовов эпохи глобализма. Но способны ли наши современники на такие же «глубокие предчувствия», смогут ли оценить всю серьёзность происходящих процессов и хотя бы духовно противостоять им? Русский север и северо-запад, «тихая моя родина» Н. Рубцова, равно как и Владимирская земля, испокон веков бывшая историческим центром, население которого составляло «государственно мыслящее русское крестьянство», стоят, по последним данным, в ряду самых низких показателей естественного прироста населения из всех регионов России. Рассуждения о том, что «Вологда кончилась в самом начале 60-х годов, когда при Хрущёве стали строить больше каменного жилья, перебирались в города разоренные крестьяне и Вологда переросла естественные для города размеры, ... перестала быть единым и целостным организмом, ... стала повторяться — появился второй театр, вторая и третья баня, двадцатая школа...» при современном прочтении вызывают противоречивые эмоции: масштабы нынешнего строительства городских «человейников» людям того времени не снились и в страшном сне³⁰². Хочется быть оптимистами и верить, что дело не дойдёт до воплощения самых мрачных мыслей, высказанных поэтом Ю. Кузнецовым: «Искусства нет — одни новации. Обезголосел быт отцов. Молчите, Тряпкин и Рубцов, поэты русской резервации». И если во времена «деревенщиков» была надежда на то, что поддержание деревенского уклада сохранило бы и народ, и государство, то при характере нынешних социальных процессов, когда размываются уже старые ментальности и формируются новые, очевидно, что населению, массово перебирающемуся в города и даже тем, кто совершает дрейф в обратном направлении и «практикует деревнинг», кроме национальной культурной и духовной традиции, опереться практически не на что.

Поэзия Николая Рубцова — неотъемлемая часть русской национальной культурной традиции. Утончённый строй души, романтизм, «тихая лирика», «простота, над которой надо думать» — может быть, поэтому Николай Рубцов при этом был и остаётся поэтом не для всех?³⁰³ Авторы биографических и даже литературоведческих исследований долгое время словно были не в состоянии вырваться из-под гипноза обстоятельств

302 Белков В. Повесть о Вологде... 1991.

303 У нас нет художественного фильма о Н. Рубцове; единственная театральная постановка в столице («Николай Рубцов») идёт на подмостках Русского духовного театра «ГЛАС».

III. Наш историко-филологический взгляд

ухода из жизни поэта. На этом фоне книга А. Е. Черновой — светлый отклик на тот свет, который выступает как «воплощение наиболее глубокой сути рубцовской поэзии, притом как одно из основных, если не самое основное воплощение этой сути»³⁰⁴. Отрадно узнать, что о Рубцове «сейчас пишут много - он стал признанным классиком, вокруг которого уже создается своя научная “индустрия”»³⁰⁵.

В завершение хотелось бы ещё раз обратиться к книге А. Е. Черновой, в частности, к последней главе, посвященной этнопоэтической константе фольклорной идеальности мира. У автора читаем: «*“фольклорная идеальность мира”* — важнейшая константа, связанная с *“народно-песенным способом мышления”*». Она «формирует такое пространство и время, в которых мечта и реальность слиты воедино. Это идеальное царство, существующее по своим внеземным законам, оно герметично по отношению к новым духовным веяниям и не содержит внутри себя принципа дуализма»³⁰⁶. Жанр повествования в данном случае выступает лишь одним из вариантов интерпретации действительности. И далее: «В фольклорной и литературной традиции идеальное пространство возникает, как правило, из особой *аксиологической устремленности к преодолению бытового осмысления событий*»³⁰⁷.

Видимо, русскому национальному типу сознания в большей степени свойственен именно народно-песенный способ мышления. Стремление к преодолению бытового уровня осмысления происходящего, поиск духовных смыслов исторических событий находим уже у авторов первых древнерусских исторических произведений. В контексте народно-песенного способа мышления образ идеального мироустройства оказывается и способом познания, и самим знанием о ценностной системе народа. Не отсюда ли берёт начало идеализация крестьянского уклада, ностальгия по былой старине, образ ушедшей деревни, в которой жили люди, одарённые особой духовностью?

«Противопоставление нового, временного духовного устройства непреходящему и старинному, глубинному чувствованию скрытых реалей» было важнейшим поэтическим импульсом для творчества Николая Рубцова³⁰⁸. Этим же импульсом движима историческая мысль, мыслящая Россию в согласии с национальной культурной традицией.

304 Чернова А. Е. Лирика Николая Рубцова... С. 94.

305 Даренский В. Ю. Поэзия из недр народного духа. / Чернова А. Е. Лирика Николая Рубцова... С. 9.

306 Там же. С. 176.

307 Даренский В. Ю. Поэзия из недр народного духа. / Чернова А. Е. Лирика Николая Рубцова... С. 178.

308 Там же. С. 220.

Наши военные юбилеи

У каждой страны, каждого народа существуют праздники. Есть они и у нашей страны, у русского народа. Мы не будем здесь и сейчас анализировать внутреннее смысловое содержание этих праздников и памятных дат. Просто отметим, что система памятных дат складывалась — в прямом смысле этого слова — столетиями.

Обратим внимание на факт, который нам кажется непреложным: очень многие праздники, а может быть даже большинство из них так или иначе связаны с военным делом, с памятью о полководцах, о героях, защищавших Отечество, о победах, одержанных нашим народом на полях сражений. В самом деле, у нас есть праздники в честь нашей армии, такие как День защитника Отечества (пришел на смену прежнего Дня Советской армии и Военно-морского флота), День воздушно-десантных войск, День ракетных войск и артиллерии, День Военно-морского флота и т.д. Соответствующие события отражались в летописях и хрониках. В честь соответствующих дат воздвигались храмы и часовни. В каждой семье есть такой особый семейный памятный день.

Впрочем, формы празднования памятных дат со временем изменялись. Так, идея общегосударственного ежегодного торжественного празднования в честь российского Военно-морского флота принадлежала императору Петру I. В соответствии с его приказом, официальной датой праздника стал день победы российского военного флота над шведским при мысе Гангут, которая произошла 27 июля 1714 г. в ходе Северной войны. Празднование сопровождалось торжественными богослужениями в храмах, военными парадами и салютами. Со временем количество отмечаемых в стране памятных дат увеличивалось.

Особое внимание к памятным датам истории России не удивительно. История распорядилась так, что России пришлось очень много воевать, врагов у неё было много, они были сильны и многочисленны. Это обстоятельство имело своим следствием то, что нам, в России, всегда приходилось особенно заботиться о должной обороноспособности. Армия должна была быть мощной, сильной, современной. Существование такой армии было непременным фактором выживания нашего общества.

Однако мы считаем необходимым обратить внимание на одно важ-

III. Наш историко-филологический взгляд

ное обстоятельство. Русская армия на всех этапах её существования не только выполняла свою основную задачу — отстаивания границ нашего государства. Дело в том, что армия стала той питательной средой, на которой было возвращено множество поистине выдающихся деятелей во всех сферах жизни общества. В самом деле, армия дала России выдающихся ученых и администраторов, естествоиспытателей и путешественников, инженеров и художников, педагогов и композиторов и прочая и прочая. И мы считаем, что ни в одной другой стране армия не сыграла столь значительной роли в жизни общества, как в России. Это было обусловлено в том числе и той характерной чертой русской армии, что она всегда была национальной в отличие от наемных по преимуществу армий скажем Европейских держав.

Отмеченные выше особенности русской армии были ее характерными чертами с древнейших времен вплоть до настоящего времени. Так, знатоками военного дела были составители ряда житий, начиная с составителей житий Бориса и Глеба, Александра Невского и других деятелей русской истории, автор Слова о полку Игореве. Явно знатоками военного дела были многие из авторов и составителей летописей и летописных сводов. Вообще в отечественной традиции много исторических сочинений принадлежало перу бывших или активно действовавших на тот момент военных. Список соответствующих имен бесконечен. Назовем лишь некоторые имена: Семён Дежнёв, Витус Беринг, Ф. Беллинсгаузен и М. Лазарев, Н. Н. Муравьев-Амурский, Н. А. Римский-Корсаков, В. К. Арсеньев, С. О. Макаров, Н. М. Пржевальский, А. Н. Туполев, С. В. Ильюшин, Ю. А. Гагарин. Эта траектория, начало которой теряется в глубине веков, повторим, продолжается вплоть до нашего времени. В этом ряду стоит и гусар, партизан, военный историк и поэт Денис Васильевич Давыдов (1784–1839).

Денис Давыдов: с нами и здесь!

Отечественная война 1812 г. породила целую плеяду героев и галерею образов, ставших источником для вдохновения не только поэтов и писателей, но и создателей фольклорных произведений, передававших из уст в уста предания о героическом противостоянии Наполеону. Д. В. Давыдов в этой череде военных деятелей, ставших героями многочисленных посвященных ей произведений, занимает особое место. Благодаря поэтическому таланту Дениса Давыдова мы можем, спустя столетия, увидеть Отечественную войну глазами её активного участника и поистине народного героя.

Следует отметить, что патриотические чувства и любовь к армии воспитывались в мальчике с детства. Из рассказов дяди он узнавал о военных походах и о блестящих русских полководцах — П. Н. Румянцева и А. В. Суворове. Встреча с Александром Васильевичем оставила знаковый след в судьбе Дениса Васильевича.

Хотя Денис Давыдов известен в первую очередь как поэт, знаем мы и его воспоминания, описывающие опыт партизанской войны, в которых герой предстает историком, сохраняющим для будущих поколений наблюдения, впечатления, яркие факты и тяжелый, но такой важный военный опыт. Среди его воспоминаний — «Дневник партизанских действий 1812 г.», «Опыт теории партизанского действия», «Военные записки»³⁰⁹. Большая часть стихотворений Дениса Васильевича написана «между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн»³¹⁰. Не будем забывать, что Денис Давыдов был членом литературного общества «Арзамас». Но это — особая тема. Навсегда за ним закрепилось и почётное звание поэта Пушкинской эпохи.

Образ Дениса Давыдова как в его собственных стихотворениях, в которых лирический герой неизбежно ассоциируется с автором, так и в более поздних произведениях русской литературы предстаёт романтическим, лихим и даже безрассудным гусаром — именно с таким набором

309 Денис Васильевич Давыдов [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Library/Davidov5/index.html> (Дата обращения: 13.02.2022)

310 Денис Васильевич Давыдов // Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Davidov4/index.html> (Дата обращения: 12.12.2023)

III. Наш историко-филологический взгляд

стереотипных качеств. Конечно, это представление об облике Дениса Васильевича в целом не противоречит тому, что мы знаем об этом человеке. Правда, это лишь одна сторона его богатой натуры. Личность Дениса Васильевича представит в несколько ином ракурсе, если мы обратимся к его историко-полемическим трудам. Мы имеем в виду прежде всего его работы: «Опыт теории

партизанского действия», «Мороз ли истребил французскую армию?», «Переписка с Вальтер-Скоттом».

Денис Давыдов глубоко чувствовал и переживал события военных лет. Чувствовал и как воин, и как поэт. Такой «объёмный» взгляд позволяет ему убедительно запечатлеть и собственные мысли и переживания, и товарищей по оружию в целом ряде произведений. Например — в пронзительных строках:

«Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой,
Туда, где бой кипит, где русский штык бушует,
Но о тебе любовь горюет,
Счастливец! о тебе — я видел сам — тоской
Заныли... влажный взор стремился за тобой...
А обо мне хотя б вздохнули,
Хотя бы в окошечко взглянули,
Как я на тройке проскакал
И, позабыв покой и негу,
В курьерску завалясь телегу,
Гусарские усы слезами обливал»³¹¹

В стихотворениях, написанных в 1812 г., «усатый гусар» в своем творчестве представлялся более прагматичным человеком, и неудивительно: ведь он находился на поле боя, в самой гуще событий. Во-

311 Давыдов Д. В. Товарищу 1812 года, на пути в армию // Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 110.

йна для него определяла быт, который поэт позже будет описывать в своих произведениях в романтическом ключе³¹². Как отмечают исследователи, Денис Васильевич «глубоко постиг народный характер войны 1812 года»³¹³. Вместе с тем он был не просто командиром партизанских отрядов, он сумел почувствовать и верно направить стремления русского народа в противостоянии иноземным захватчикам, сумел верно распознать и организовать этот порыв русского крестьянина³¹⁴. Тем не менее сам Денис Васильевич отмечает, что поддерживать имидж балагура, романтика и повесы в обстоятельствах реальной военной жизни было непросто. «Жить посреди неприятельских войск и заведений с горстью казаков — не легкое дело, особенно человеку, который почитался ими и остряком, и поэтом, следственно, ни к чему не способным»³¹⁵.

Тематика Отечественной войны 1812 г. и связанного с ней патриотического подъёма нашла отражение во многих произведениях художественной литературы, музыки, живописи, архитектуры, даже в предметах народных промыслов. Участники событий, боевые офицеры, также спустя время создавали произведения, посвящённые войне, осмысливая свой опыт, вспоминая товарищей, размышляя о воинской чести и долге. Герои Отечественной войны были убеждены, что «первый долг гражданина и сына Отечества — защищать его и не пощадить последнюю каплю крови своей для пользы его, и тот, который, видя пользу, которую принесёт смертию своею, и поколеблется... который предпочтёт слабую жизнь свою Отечеству, — тот не только гнусен вам, но и всякой слабой женщине»³¹⁶. Эта сюжетная нить прослеживается во всей поэзии Дениса Давыдова, в том числе в его знаменитых строках:

«Я люблю кровавый бой
Я рождён для службы царской...»³¹⁷

Вообще удивительно, что творчество Дениса Васильевича, значи-

312 Орлов В. Денис Давыдов // Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1936. С. 30.

313 См.: Давыдов Д. Стихотворения. М., 1959. С. 6.

314 Его же. Стихотворения и статьи. М., 1942. С. 4–5.

315 Денис Васильевич Давыдов // II Дневник партизанских действий. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/davidov1/index.html#c1> (Дата обращения: 12.12.2023)

316 Мордвинова Я. Н. — Корсакову С.Н., 9 сентября // К чести России: Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 103.

317 Попов А. В., Попова И. Н. Нельзя сужать сферу патриотического воспитания // Народное образование. 2013. № 7. С. 215.

III. Наш историко-филологический взгляд

тельная часть жизни которого проходила в боевой обстановке, в седле, с пистолетом у седла и саблей на боку было в целом глубоко лиричным и его строки удивительно хорошо ложились на музыку. Это уловили уже его современники. Так, вместе с командиром партизанского движения служил и вступивший в русскую армию добровольцем композитор Александр Александрович Алябьев. На стихи Дениса Васильевича им был сочинен романс «Сажу на берегу потока», им также написано несколько гусарских песен («Песни Баяна», «Из страны, страны далекой», «Песня старца», «Застольная гусарская песня»)³¹⁸. Наши современники в свою очередь обогатили лирику Дениса Васильевича нашим современным ее видением. И сегодня на стихи Дениса Давыдова сочиняются и исполняются романсы, баллады. Подчеркнем: современные технические возможности расширяют рамки синтеза искусств. Приведем один из наиболее характерных примеров такого синтеза.

В 1980 г. на экраны страны вышел двухсерийный художественный фильм «Эскадрон гусар летучих» (реж. С. И. Ростоцкий, Н. Г. Хубов). Мы не будем сосредотачиваться на художественных качествах фильма, это — дело искусствоведов и киноведов; по нашему мнению, фильм очень хорош. Представляется, что актеру А. С. Ростоцкому удалось воплотить на экране характерные черты личности Д. В. Давыдова — человека, воина, поэта. Не случайно после выхода на экран фильм стал одним из лидеров проката: с самого начала его посмотрело больше 23 млн зрителей.

В фильме много прекрасной музыки (композитор А. Б. Журбин, род. 1945). Причем песни, звучащие в фильме, написаны на слова самого Дениса Давыдова (исп. А. Ю. Хочинский, 1944–1998). Обращаем на этот факт особое внимание: вплоть до настоящего времени композиторы, актёры, кинематографисты — все они, как и люди других смежных творческих специальностей обретают вдохновение в прекрасных стихотворениях, написанных русским офицером двести лет назад!

Стараниями и усилиями авторов фильма произведения Дениса Васильевича, сохраняя свою гуманистическую сущность и высокие художественные достоинства, заиграли новыми красками. Это и есть связь поколений — от гусарского подполковника войны 1812 г. до артиллерийского подполковника 1945-го, от взятия Парижа — до взятия Берлина.

В нашу историю Денис Васильевич вошел не только как поэт, но и как воин, герой Отечественной войны 1812 г., военный писатель. На

318 Антология русского романса. Золотой век / Авт. предисл. и биогр. статей В. Калугин. М., 2006.

военной службе Денис Васильевич был с 1801 г., сначала в кавалерии, а с 1804 г. в гусарах. С 1806 по 1812 гг. он — адъютант генерала П. И. Багратиона. Участник войн с Францией, Швецией, Турцией. Командир батальона Ахтырского гусарского полка, активный участник и организатор партизанского движения. Затем участник заграничных походов 1813 и 1814 гг. В 1823 г. вышел в отставку, а в 1826–1827 гг. вновь служит, уже на Кавказе. В 1830-м он — участник военной операции в Польше. С 1832 г. вновь в отставке, в которую вышел в звании генерал-лейтенанта.

Некоторые из биографов Дениса Васильевича иногда стремились (из лучших побуждений) по возможности сгладить «острые» высказывания Дениса Давыдова. Даже в упомянутом фильме некоторые авторские строки изменены. В кинокартине звучит песня, музыка которой положена на стихотворение Дениса Давыдова:

«За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!»³¹⁹

Последние строки которого переделаны таким образом:

«Пусть французы удалые
К нам пожалуют в кабак»³²⁰

Непросто понять, какой именно смысл старались передать авторы изменениями такого рода.

Через несколько лет после войны 1812 г. Давыдов замечал, что подвиги героев тех битв уходят с «исторической сцены», потому его творчество приобретает более меланхоличные оттенки: вместо шуточных строк появляются философские нотки, хотя его лирический герой «гусарской песни» остается прежним, но погружённым в ностальгию³²¹. Вспоминая события минувших дней, он отмечает в письме к П. А. Вяземскому: «От всего этого сердце бьется сильнее, кровь быстрее течет, воображение воспламеняется — и я опять поэт!»³²².

319 Бондаренко А. Ю. Денис Давыдов. М., 2012. С. 148.

320 Там же. С. 148.

321 Скибин С. М., Скибина О. М. Анакреонтическая лирика Д. В. Давыдова // Вестник ВУиТ. 2021. №4 (36). С.12.

322 Письма поэта-партизана Д.В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пг., 1917. С. 22.

III. Наш историко-филологический взгляд

Денис Васильевич вспоминает героев военных лет, отдавая им дань уважения, возможно стремясь пробудить патриотические настроения современной ему молодежи. Так, он пишет о чести, размышляя о том, что почетнее — принять смерть на поле боя или остаться старым генералом:

«Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!»³²³

Безусловно, поэт тосковал по тем временам. Об этом он пишет в своём «Партизанском дневнике»: «Я счастлив... Но отчего тоскую и теперь о времени, когда голова кипела отважными замыслами и грудь, полная обширнейших надежд, трепетала честолюбием изящным, поэтическим?»³²⁴.

Таким образом, Денис Васильевич, глубоко преданный своему делу человек, любящий Родину, озабоченный ее судьбой в своем творчестве подчеркивал роль простого русского человека в победе над французами, за что был прославлен как герой в народной фольклорной традиции. Свою популярность Денис Давыдов обрел и благодаря военной поэзии, в которой запечатлел не только баталии, но и быт времён войны, нашёл художественные образы для описания самоотверженности русского народа. Его произведения отличаются яркой эмоциональностью и глубоким патриотизмом. Лирический герой Дениса Давыдова — удалой и одновременно немного сентиментальный поэт-гусар, вобравший в себя черты характера и облика самого автора, стал примером героизма и служения Родине для многих поколений и продолжает оставаться таковым в наши дни.

323 Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 57–58.

324 Денис Васильевич Давыдов // II Дневник партизанских действий. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/davidov1/index.html#c1> (Дата обращения: 12.12.2023)

IV. УНИВЕРСИТЕТСКОЕ СОБЫТИЕ

К. В. Белый

Глазами историка и священника

Многим известно библейское выражение «Неисповедимы пути Господни». В моем случае, в том числе на научном пути, эти слова только и применимы. Проиллюстрирую сей тезис некоторыми примечательными, на мой взгляд, фактами.

Родился и вырос я в Севастополе. А одним из первых мест постижения окружающей действительности (правда, тогда в основном лишь растительной её составляющей) стал парк «Каменный цветок», созданный в 1960–1970-е гг. у стен городского оборонного предприятия, в то время высокотехнологичного и районнообразующего — Севастопольского радиозавода имени В. Д. Калмыкова (НПО «Муссон»). А в моем детстве — уже, увы, затухавшего.

В Севастопольском филиале МГУ, где я начал осваивать ремесло историка, долгое время не получалось выбрать тему дипломной работы, да и вообще правильные научные ориентиры. На третьем курсе это случилось. Прежде всего благодаря крупному учёному и педагогу, продолжателю традиций одной из виднейших школ Московского университета, Галине Романовне Наумовой, которая стала моим бессменным научным руководителем и детоводителем в мир науки. Именно она, как известный специалист в области отечественной экономической истории, вдохновила этой историей заниматься. И дала понять, что экономическая или, вернее, хозяйственная история — это истории не столько про трубы и станки, сколько про живых изобретателей этих устройств и тружеников на них.

Под началом С. Б. Филимонова — ещё одного профессора, учени-

IV. Университетское событие

ка известного историка С. О. Шмидта, мне посчастливилось написать свою первую работу по теме будущих научных изысканий – по истории Севастопольского радиозавода, того самого! После университета Господь управил окончить полный семинарский курс в Московской Сретенской духовной семинарии. Однако получение богословского образования и подготовка к священству не помешала продолжить, но уже в Москве, погружение в экономическую историю. Так, будучи соискателем кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ, под руководством Г. Р. Наумовой в течение 6 лет происходило моё становление как историка. Именно тогда, казалось бы, уже много после диплома, я действительно почувствовал себя молодым, но всё же уже каким-никаким специалистом.

В 2023 г. после многолетней кропотливой работы в архивах и библиотеках в МГУ была защищена кандидатская диссертация, посвящённая методике изучения истории фабрик и заводов, прекративших свой жизненный цикл³²⁵. Подготовка этой работы была настолько долгой и упорной, что вторая богословская диссертация, подготовленная и защищённая в Санкт-Петербургской духовной академии в 2024 г. по пастырской дореволюционной периодике, родилась быстро и без тягостных потуг.

Но самое, пожалуй, удивительное, что в 2024 г., когда мы с семьёй после служения на древней и славной Псковской земле вернулись в Севастополь, меня вскоре пригласили преподавать на кафедру истории Филиала МГУ, которую я оканчивал и которую буквально за считанные месяцы до того возглавила по решению ректора МГУ Г. Р. Наумова. Затем назначили настоятелем Татианинского храма. А ведь именно день святой мученицы Татианы — это главный праздник и Московского университета, и всего российского студенчества. Но что ещё более примечательно — это то, что Татианинский храм в Севастополе стоит на месте одного из бывших объектов Севастопольского радиозавода имени В. Д. Калмыкова, историю которого я продолжил изучать в архивах (равно как и других предприятий), но уже спустя 10 лет научного становления.

Что тут скажешь: «Случайности не случайны!», как восклицал один мудрец. И уж точно еще лет 40 назад кто-либо из сотрудников радиозавода не подумал бы, что священник будет созидать университетский

325 Белый К. В. Методика изучения истории промышленных производственных объединений и предприятий на материалах ЗИЛ: дис... канд. ист. наук. М., 2023.

Традиции исторической мысли

храм на одном из радиозаводских объектов, да еще и историю писать этих объектов. Чудеса, да и только!

Р. Ю. Червяков

Дань благодарности научным школам

Откуда берутся учёные? Этот на первый взгляд довольно наивный вопрос имеет очевидный ответ — их готовят в университетах и научно-исследовательских институтах. Но ведь по-хорошему получение фундаментального высшего образования ещё не означает, что на выходе мы получаем готового к работе исследователя, равно как отличная оценка по поведению в школе не дает гарантии того, что перед нами добропорядочный человек. Нужно ещё что-то, какая-то неявная, но очень значимая деталь, которая позволяет вчерашнему выпускнику набрать высоту и взлететь, чтобы обозревать предмет своих научных разысканий на должном расстоянии.

На мой взгляд, этим неявным элементом является научная школа.

Московский университет по праву гордится своими научными школами, составляющими славу отечественной науки. В рамках школ формируются свои традиции, выраженные в определении предметности и выработке особых методов работы с ней. В случае с историческим факультетом на сегодняшний день мы имеем дело с тенденцией к синтезу лучших достижений научных школ, позволяющему углубить наши представления о действительности и тем самым обогатить историческую науку новым знанием.

28 октября 2024 г. состоялась защита моей кандидатской диссертации, посвященной истории советской жилищной кооперации в 1920–1930-е гг.³²⁶ Придя на исторический факультет выпускником тверской гимназии № 12, давшей мне многое в плане интереса к наукам и в особенности к истории, я и помыслить не мог, что на уровне кандидатской приду к осмыслению столь неявного сюжета. В начале пути тема казалась безбрежной. Явление российской кооперации многогранно: оно внесло существенный вклад не только в экономическую жизнь нашей страны, но и в развитие общественной мысли, эволюцию социальных отношений и т. д. Сложившаяся в историографии ситуация не способствовала обнаружению внятных ориентиров для отысканию «ключей» теме. Выход был один — погрузиться в архивы и попытаться самостоятельно почувствовать материал.

³²⁶ Червяков Р.Ю. Жилищная кооперация СССР (1923–1937): дис... канд. ист. наук. М., 2024.

По мере работы с источниками впитанные мной школы стали давать о себе знать. Историографический метод, восходящий к школе М. Е. Найденова и полученный от моего первого учителя А. Ю. Шадрина, позволил правильно расставить акценты в работе над литературой, выявить сильные и слабые стороны проблематики, обозначив возможности для системного сдвига темы. Школа экономической истории В. И. Бовыкина, полученная в рамках базовых и специальных курсов по кафедре источниковедения, открыла для меня «человека хозяйствующего», помогла поставить людей, желающих улучшить жилищные условия, в центр своего исследования. Опыт изучения мыслительной традиции, кристаллизованный в школе И. А. Федосова, к которой принадлежит мой научный руководитель А. В. Хорошева, дал инструментарий для погружения в мир раннесоветской кооперативной мысли. Не обошлось и без влияния научной школы Ю. С. Кукушкина, которая помогла мне увидеть значимость и роль государства в жилищно-кооперативных преобразованиях.

На пересечении школ, сложившихся и окрепших в послевоенные десятилетия, спустя полвека возникла моя работа. Я нисколько не снимаю с себя ответственности за все достоинства и недостатки исследования, но хочу подчеркнуть, что в процессе работы неизменно ощущал ответственность перед своими учителями: теми, с кем мне довелось работать, и теми, чьи голоса доходили до меня через учеников и учеников учеников, со страниц статей и монографий.

Низкий им за это поклон.

Спасибо за данную высоту! Мне бы хотелось передать её дальше.

Н. Ш. Катмадзе, Г. Р. Наумова

**25 лет кафедре истории Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова
в городе Севастополе**

Кафедра истории Историко-филологического факультета Филиала МГУ в г. Севастополе была сформирована как подразделение историко-филологического факультета основанного в 1999 г. Черноморского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова. С 2014 г. Черноморский филиал стал именоваться филиалом МГУ в г. Севастополе и перестал быть зарубежным филиалом университета. Кафедра истории возникла в очень непростых общественно-политических обстоятельствах, в сложной турбулентной зоне, в зоне сложных геополитических, а значит и стратегических интересов не только России, но и мира. Здесь сформировались уникальные обстоятельства, которые можно воспринимать сегодня как условную стартовую площадку для разработки новой оригинальной исторической проблематики, проявляющей не только гуманитарные вопросы прошлого, но и дающей материал для прогнозирования буду-

щего всего Черноморско-Каспийского региона.

Перед исторической наукой на излёте XX в. остро стояли вопросы методологии, историографии, теории науки, исторических концепций. Социология всех мастей теснила историческую науку с её принципом конкретности, прояснением общего и особенного в разных культурно-исторических средах. Реализовать проект создания кафедры истории в филиале выпало на долю Василия Ивановича Кузищина (01.11.1930 — 28.02. 2013). Ученики и коллеги В. И. Кузищина уже дали глубокую оценку деятельности Василия Ивановича и как заведующего кафедрой истории древнего мира Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, и как основателя кафедры истории филиала МГУ в г. Севастополе³²⁷.

Из суждений коллег следует, что В.И. Кузищин был приглашен к организации кафедры филиала, ибо он имел опыт руководства одной из старейших кафедр исторического факультета. С 1973 по 2009 гг., то есть 36 лет, он стоял у руля кафедры истории древнего мира. Василий Иванович был избран на роль основателя кафедры истории филиала МГУ в г. Севастополе, поскольку, осуществляя руководство учебной и научной работой одной из фундаментальной кафедр Исторического факультета, проявил себя блестящим организатором учебного процесса. Как заведующий кафедрой истории древнего мира В. И. Кузищин успешно реализовал проект обеспечения учебного процесса серией учебников и учебно-методических пособий. Именно при его лидерстве в 1979 г. появился новый учебник по истории Древнего Востока.

И коллегам В. И. Кузищина, и администрации Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова было очевидно, что он сумеет построить кафедру филиала как подразделение, базирующееся на глубинном единстве учебной и научной работы. Из его административного опыта следовало понимание, что под это единство должна выстраиваться на кафедрах гуманитарного профиля и кадровая политика.

И, наконец, на протяжении многих лет В. И. Кузищин возглавлял Херсонесскую археологическую экспедицию Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в Севастополе. На историческом факультете он воспринимался как знаток и энтузиаст изучения Херсонеса Таврического. Василий Иванович был дружен с лучшим археологом-практиком Херсонеса Мироном Ильичем Золотаревым (22.12.1945 — 06.07.2004). Кафедре истории филиала повезло, что МIRON Ильич прикоснулся к её созданию, поддержал своих учеников,

327 Подр. см.: Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузищина / Отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Гвоздева. СПб., 2021.

IV. Университетское событие

рекомендовав их для работы на кафедре. Мирон Ильич был не только археологом-полевиком, но и популяризатором истории Херсонеса Таврического³²⁸. На книжках, которые лежат перед нами, дарственные надписи Мирона Ильича. Эти символические тексты раскрывают сущность отношения историка к тому пространству, изучению которого он себя посвятил: «...на память о месте, где родилось русское православие...»; «...на память о древнейшем месте Крыма...»; «...на память об одном из уголков Севастополя...». Слова эти раскрывают отношение Мирона Ильича к пространству, в котором он жил, трудился, работал, воспитывал учеников.

Вполне закономерным представляется влияние Золотарева на формирование преподавательского состава кафедры истории филиала. Долгие годы на кафедре работал Вадим Вадимович Хапаев, соавтор и коллега Мирона Ильича. В одном из интервью В. В. Хапаев указал, что работал на кафедре с 9 января 2000 г. Пройдут годы, и В. В. Хапаев защитит кандидатскую диссертацию. По материалам этого квалификационного сочинения была опубликована монография³²⁹. Именно Мирону Ильичу кафедра истории обязана тем направлением исторических исследований, которые отразили особенности фундаментального научно-исследовательского опыта, накопленного в Херсонесе, связанного с изучением Херсонеса Таврического.

М. И. Золотарев поддержал приход на кафедру Сергея Владимировича Ушакова. С. В. Ушаков работает на кафедре истории с 2000 г. и по настоящее время. С. В. Ушаков окончил исторический факультет Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе (ныне КФУ имени В. И. Вернадского). В 2001 г. он защитил кандидатскую диссертацию по специальности «археология» на тему: «Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму на рубеже античности и средневековья (III — середина VI в. нашей эры)». Уже в наши дни Сергей Владимирович, кроме того, что преподает в филиале, преподает также в Севастопольском госуниверситете, руководит совместной археологической экспедицией института археологии Крыма, музея-заповедника Херсонес Таврический и филиала МГУ. Научные школы Крыма имеют тенденцию к тесному переплетению.

328 Золотарев М. И., Хапаев В. В. Херсонесские святыни. Популярный исторический очерк. Севастополь, 2002; Они же. Древний город Херсонес-Таврический. Увлекательный путеводитель. Симферополь, 2002; Шавшин В., Золотарев М., Хапаев В. По землям древней Балаклавы. Увлекательный путеводитель. Севастополь, 2003.

329 Хапаев В. В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий. Вторая половина X — первая половина XI века. Новая Ореанда, Симферополь, 2016.

По итогу на кафедре истории было сформировано археологическое направление, связанное с изучением Херсонеса Таврического.

Кафедра истории должна была стать выпускающей кафедрой по специальности «история». Найти готовых ученых-историков необходимого профиля было сложно. Собственно кафедра и создавалась для преодоления дефицита специалистов, в том числе в сфере археологии. Пока же опираться приходилось на те возможности, которые давали учебно-научные центры и Севастополя, и Симферополя с их сложившейся учебно-научной средой.

Следует иметь в виду, что в 1990-х гг. в средних школах Севастополя концентрировались серьезные специалисты гуманитарного профиля.

Практика преподавания истории в средних школах в условиях обостренного соперничества мнений и взглядов, повышенного общественного интереса к вопросам истории Украины, к альтернативной истории обеспечивали возможность не только накопления опыта практики преподавания истории в средней школе, но и гуманитарного потенциала для подготовки специалистов в школе высшей. Василий Иванович привлек для работы на кафедре учителей средней школы, сформировавшихся в непростых обстоятельствах гуманитарного кризиса 1990-х гг. В их числе оказался и Андрей Владимирович Ставицкий, работающий на кафедре до сего дня. Как и многие его коллеги, А. В. Ставицкий закончил исторический факультет Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе. В 2003 г. А. В. Ставицкий защитил кандидатскую диссертацию на тему «Универсальные функции социально-политического мифа» и таким образом обеспечил себе степень кандидата философских наук. Так В. И. Кузищин интегрировал культурологический подход в учебно-научный профиль кафедры.

Возможности культурологического подхода проявились в индивидуальном научном творчестве А. В. Ставицкого, центральной темой которого можно считать изучение «национально-исторического мифа Украины». Культурологическое направление утвердилось на кафедре как научное, оно же стало определять и педагогическую деятельность Андрея Владимировича. Вот уже без малого 25 лет изучение мифов в истории, политике, культуре является вторым по значимости направлением научно-образовательной традиции кафедры.

Кроме археологии и культурологии, кафедра опирается на практику политических исследований и политологических подходов. Это третье по важности направление построения кафедры истории стало в том числе следствием приглашения Василием Ивановичем на кафедру С. А. Усова. На сайте выпускников Ассоциации «Международное объ-

IV. Университетское событие

единение выпускников ВКШ при ЦК ВЛКСМ» отмечено, что доктор исторических наук, профессор Сергей Андреевич Усов — выпускник Высшей комсомольской школы 1975 г. В 1985 г. там же под научным руководством Александра Соломоновича Трайнина он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Исторический опыт борьбы КПСС за интернациональное сплочение трудящейся молодежи против буржуазного национализма в годы Гражданской войны и восстановления народного хозяйства, 1918–1925 гг.»³³⁰.

Из представительских материалов кафедры истории филиала МГУ в г. Севастополе следует, что С. А. Усов работает на кафедре с 2002 г. А уже в 2003 г. в РАГС при Президенте РФ им была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные отношения и политические процессы и технологии» на тему: «Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской Империи и СССР (историко-политологический анализ)»³³¹.

Место и время определили основы кафедры истории. Укомплектовав кафедру специалистами, В. И. Кузицин как минимум на четверть века определил перспективы и характер развития созданного им подразделения. Интенсивно развивалось то направление, которое определялось международной проблематикой. Мотивировалась эта тенденция архиважными задачами преподавания основных курсов всеобщей истории силами сотрудников подразделения. С 2004 г. с кафедрой сотрудничает Сергей Васильевич Юрченко, профессор, доктор политических наук. Преподавание на кафедре истории он сочетает со своими должностными обязанностями в КФУ имени В. И. Вернадского. Круг научных интересов Сергея Васильевича — внешняя политика США, теория и история международных отношений.

С 2005 г. в филиале МГУ в г. Севастополе работает Андрей Влади-

330 А.С. Трайнин — выдающийся специалист в области истории КПСС, один из первых выпускников восстановленного в 1934 г. Исторического факультета ЛГУ. Вместе с некоторыми другими выпускниками и преподавателями истфака ЛГУ он проходил по обвинению в «троцкизме». До перехода в ВКШ работал в Ставрополе.

331 Научными консультантами этой работы выступили известные специалисты Владимир Николаевич Лысенко и Вадим Алексеевич Печенев. В. Н. Лысенко — известный политик и практик, сторонник углубления регионализации России. В. А. Печенев — активный участник обсуждения проблем Черноморского флота и Севастополя. Подробно его точка зрения изложена в книге: *Печенев В. А. Владимир Путин. Последний шанс России?* М., 2001.

мирович Мартынкин. В 1986 г. он окончил факультет восточных языков Военного института МО СССР, в 2001 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Ассоциация Братьев-мусульман и ее влияние на развитие исламского экстремизма (1928–1999 гг.): По арабским источникам». Круг научных интересов А. В. Мартынкина — этноконфессиональная история Причерноморья. Андрей Владимирович преподает в филиале арабский язык, историки изучают арабский язык как второй иностранный.

Долгие годы новую историю стран Европы и Америки на кафедре преподавала Елена Евгеньевна Бойцова. В 2000 г. Елена Евгеньевна защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Ислам в Крыму: национально-религиозная самоидентификация крымских татар XV–XVIII вв.». Ислам в Крыму — важный коллективный проект. Научные достижения Е. Е. Бойцовой представлены в авторских и коллективных монографиях, в том числе в знаковой монографии, посвященной исламу в Крыму³³².

Как обычно и происходит, научный профиль кадрового состава кафедры начал оказывать воздействие на спецсеминары, специализацию и как следствие — профиль специалитета. Руководство подразделения предприняло попытку официально изменить профиль кафедры, превратив её в кафедру «истории и международных отношений», и ходатайствовало об этом на заседании Ученого совета МГУ имени М. В. Ломоносова 10 ноября 2008 г. И в представительских материалах филиала кафедра зачастую стала именоваться именно так. Но изменить профиль подготовки оказалось сложнее, чем просто включить новый профиль в представительские материалы. Нужны были новые планы, программы, проекты, иной уровень освоения языков, фундаментальное страноведение. Иначе этот профиль грозил обернуться удовлетворением простого любительского интереса.

Понимание той роли, которую сыграл В. И. Кузищин в формировании кафедры истории и её научного потенциала будет неполной, если мы не оценим хотя бы вскользь те формы научной работы, которые были сформированы Василием Ивановичем на кафедре и которые позволяли сотрудникам и студентам кафедр публично обнаруживать свои научные достижения. Это, конечно, знаменитая серийная международная научная конференция — ежегодные Лазаревские чтения. Конференции эти проходили в память о Михаиле Петровиче Лазареве. Про-

332 Бойцова Е. Е., Гапкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайрединова З. З. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 2009. Издание осуществлено при поддержке американского совета научных сообществ.

IV. Университетское событие

блематика конференций была очень разнообразной, но общие границы очерчивались примерно так — «Причерноморье»: история, политика, география, культура.

«Причерноморье» стало символом того культурного и политического ареала, на осмысливание которого нацеливались объединенные кафедрой ученые и шире — специалисты филиала. Это символическое название «Причерноморье» имело и периодическое издание филиала, окармливавшееся кафедрой истории. Ясно, что созданный научный коллектив искал объединяющую всех надличную тему.

Но не только Лазаревские чтения отражали научный профиль кафедры. Кафедра истории продвигала и другие тренды. Ярким показателем этого стала Международная междисциплинарная научная конференция «Миф в истории, политике, культуре», приуроченная к 20-летию основания филиала МГУ в г. Севастополе. Как видим, основные направления, заложенные В. И. Кузишиным в основание кафедры, сохранялись. Конференции и периодика обеспечивали публичность научной деятельности кафедры филиала и могут служить основанием для грядущего историографического анализа.

Кафедра истории изначально создавалась как кафедра выпускающая. Значит нужно было решать две основные задачи: обеспечения планового учебного процесса и подготовки специалистов-историков. Очень скоро стало ясно, что подготовить специалистов-историков без освоения ими курсов по специальным и вспомогательным историческим дисциплинам, которые не просто поддерживают общие курсы, а обучают методам и методикам исторического научного исследования, невозможно. Пришлось выстраивать наряду с общими курсами линейку таких дисциплин, как методы исторического исследования, в том числе количественные методы, архивоведение и археография, источниковедение, историография, историческая информатика, палеография, историческая география и другие. Большие сложности возникли и с преподаванием общего курса истории России.

Вставшая в полный рост задача решалась постепенно. Подключился неслучайный случай. Оказалось, что классическая источниковедческая школа Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, основанная академиком Михаилом Николаевичем Тихомировым, отмечилась и в Крыму. Сергей Борисович Филимонов, краевед, доктор исторических наук, ученик Сигурда Оттовича Шмидта взял на себя труд чтения в филиале лекций по источниковедению и архивоведению. Важно, что С. Б. Филимонов изначально формировался в створе школы, определяемой изучением именно истории России. На кафедре

филиала открылись для студентов новые возможности приобщиться к истории России через источниковедение, архивоведение и археографию России.

Наши поклоны тем, кто помогал и помогает поддерживать исторический научный гуманитарный профиль кафедры. Историю русского и зарубежного искусства многие годы преподавала Людмила Константиновна Смирнова, заместитель директора Севастопольского художественного музея. Новое дыхание обрело в последнее время сотрудничество в области изучения объектов археологического наследия федерального значения благодаря кандидату исторических наук, штатному преподавателю КФУ имени В. И. Вернадского Юлии Тарасовне Лейбенсон³³³. Она формирует сегодня практику чтения для студентов кафедры курса истории средневековой Европы, преподавания палеографии и исторической географии.

И всё же главной опорой при подготовке специалистов-историков стали штатные сотрудники, профессора и преподаватели Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Университетское решение о привлечении к подготовке специалистов-историков в филиале «тяжёлой артиллерии» Исторического факультета МГУ обеспечивал принципиально новые возможности в достижении уровня научной подготовки выпускников кафедры. В. И. Кузищин не просто заведовал кафедрой, но и читал лекции. Его дело продолжил сменивший его на посту заведующего кафедрой Сергей Юрьевич Сапрыкин. Несомненен выдающийся вклад в подготовку выпускников филиала Алексея Алексеевича Никишенкова (12.09.1949 — 23.09.2013), крупнейшего российского этнолога, с первых дней работы филиала преподававшего курсы этнологии и истории первобытного общества студентам первого курса. С А. А. Никишенкова для студентов начинался университет. Общий курс истории России для студентов филиала в разные годы читали Н. С. Борисов, Н. И. Цимбаев, М. М. Шевченко, О. Р. Айрапетов. Специальные и вспомогательные дисциплины читали профессора и преподаватели исторического факультета Н. Б. Селунская, Л. И. Бородкин, Г. Р. Наумова, Т. А. Круглова, О. С. Петрова, А. Ю. Володин. И сегодня на кафедре преподают этнологию ученик Никишенкова А. В. Титорский, историческую информатику — И. М. Гарскова и Т. Я. Валетов. Многие

333 Руев В. Л., Лейбенсон Ю. Т. Объекты археологического наследия федерального значения на территории Республики Крым: исторический контекст, история изучения и правовое положение. Учебно-методическое пособие для обучающихся по направлениям подготовки 46.03.02 История, 46.04.01. Симферополь, 2022.

IV. Университетское событие

из приглашенных преподавателей и профессоров являются авторами учебников и учебных пособий, создали свои научные школы.

Однако главным содержанием деятельности филиала университета, кафедры истории была и остаётся подготовка специалистов высшей квалификации. Не всё гладко в истории педагогического процесса на кафедре. Вместе с Севастополем и регионом в целом кафедра прошла испытания 2014 г. После 2015 г. кафедра пережила понижение статуса подготовки историков — оставшись выпускающей кафедрой, она стала готовить не специалистов-историков, а бакалавров. Московские преподаватели реже стали приезжать для работы в филиале. На кадровый состав преподавателей повлияло и появление в регионе новых учреждений по подготовке специалистов гуманитарного профиля. Но подчеркнем: главный «урожай» был уже снят. Поставленная университетом цель была достигнута. Относительно небольшой набор студентов — это в среднем 10 человек в год — обеспечил подготовку за 25 лет 23 кандидатов наук. Таким образом, из тех выпускников-историков, которые закончили кафедру в статусе специалиста, 23 выпускника прошли обучение в аспирантуре или повышение квалификации через прикрепление для сдачи кандидатских экзаменов и подготовки к защите.

Первая защита выпускника кафедры состоялась в 2008 г. Это был Андрей Павлович Федоровых, выпускник 2004 г., защитивший кандидатскую диссертацию на тему «Проблема Черноморского флота в российско-украинских отношениях (1991–2000 гг.)». Научный руководитель — д.и.н. Александр Спартакович Сенявский. Защита состоялась в диссертационном совете Института российской истории РАН. 2008 г. стал, таким образом, годом отсчёта. Последние в этом ряду защиты состоялась в 2024 г. В основном защиты происходили на Историческом факультете, но не только. Положительный пример А. П. Федоровых показал, что выпускники кафедры способны пройти испытание по подготовке к защите диссертационных исследований в разных научных и образовательных центрах, таких как Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара, Московский гуманитарный университет (бывший ВКШ при ЦК ВЛКСМ), Брянский государственный университет, Тюменский государственный университет. Однако 17 специалистов высшей квалификации обрели свой статус именно на Историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова.

Конечно, этот успех был в первую очередь личным успехом одарённых представителей нового поколения людей, пришедших в высшую школу в непростое время интеллектуального и гуманитарного сбоя. Это поколение ещё не ведомо и не понято, но уже обрело свои

символы. В 2014 г. кафедре закончил Александр Сергеевич Черемёнов. Александр Черемёнов — 1-й секретарь Севастопольского горкома комсомола, гвардии младший сержант десантно-штурмового батальона 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты погиб 2 сентября 2022 г., прикрывая своих товарищей в бою под Херсоном. Указом Президента РФ от 20 октября 2022 г. А. С. Черемёнов награждён Орденом Мужества (посмертно). Мы помним его не как абстрактного героя, а как конкретного живого человека с очень ясным мышлением, нравственной выправкой, обострённым чувством справедливости и очень близкого нам.

Позволим себе простой обзор диссертационных исследований выпускников кафедры, защищенных с 2008 по 2024 гг. Всего 23 работы. Две работы касаются истории Западного Причерноморья и Западной Таврики, а также генуэзско-татарских отношений. Интерес к украинской историографии проявился в диссертации о взаимоотношениях Московского государства и Запорожского войска в XVII в. Оставшиеся 20 работ более или менее равномерно распределены между исторической проблематикой второй половины XIX в. и проблематикой начала XXI в. Вторая половина XIX — начало XX вв. — это в первую очередь две диссертации по Крымской войне, несколько работ по социальной истории Севастополя и социальной, политической и экономической истории Таврической губернии. В остальных диссертациях проявился запрос на изучение советской истории. Социально-политическая история Севастополя и Крыма 1920–1930-х гг., битва за Севастополь в годы Великой Отечественной войны, история советской промышленности, изучение советской научной школы аграрников. Диссертационные исследования

IV. Университетское событие

окрашены, с одной стороны, творческим интересом авторов, а с другой стороны, обнаруживают особенности тех научных школ, которые развивались в Севастополе московскими профессорами и учёными. Это большая и серьёзная тема, и пока оставим её в виде пометки на полях. Сюда пришла школа В. И. Бовыкина, Л. И. Бородкина. В ряде работ отчетливо проявился интерес к творческому наследию И. Д. Ковальченко. Среди защищённых диссертаций есть и те, которые проявили научный интерес кафедры к международной проблематике. Это работы об отношениях СССР и США на разных этапах послевоенного развития этих отношений. Причём в ряде работ это взаимодействие воспринималось через призму Черноморского региона. Но обзор диссертационных исследований будет неполным, если мы упустим тот факт, что на уровне диссертационных исследований были проанализированы такие политически актуальные темы, как судьба Черноморского флота, политико-правовой статус Крыма, политика евроатлантической ориентации Украины.

Обращает на себя внимание тот факт, что 21 диссертация была защищена выпускниками именно специалитета. Примечательно, что студенты специалитета проходили обучение в филиале в то время, когда Севастополь и Крым входили в правовое поле другого государства. Между тем преобладающее большинство выпускников защитили диссертации именно по истории России. По прошествии последних девяти лет после перехода на бакалавриат и после политических событий 2014 г. наметились новые тенденции подготовки студентов на кафедре. Наблюдается переориентация интересов студентов в сторону культурологии и политологии, что находит отражение в проблематике курсовых и выпускных квалификационных работ. По тем или иным причинам значительно сократилось число выпускников, подготовивших диссертации по профилю истории. Напрашивается вывод, что усилия В. И. Кузищина по формированию профиля кафедры тактически проявились как результирующие в первую очередь в той части, которая касается политической истории и культурологии. Вместе с тем стратегически именно Василию Ивановичу мы благодарны за создание условий для подготовки специалистов по истории России.

Сегодня шесть выпускников кафедры — кандидатов наук вернулись в Севастополь и работают в филиале. Профиль их подготовки — это история России, специальные исторические дисциплины и история Крыма и Севастополя. Кадры подготовлены и находятся в ожидании грядущих перспектив, которые связаны, конечно, с расширением профиля кафедры в рамках специалитета.

Несмотря на все усилия руководителей подразделения, до сих пор не удалось создать единый неделимый базовый курс по истории России. Именно в нём возможна реализация обязательного для университета единства учебной и научной работы. Лекции и семинары по базовому курсу истории России, как и по другим базовым страноведческим курсам, — непереносимое условие построения фундамента подготовки историков. Ясно, что без основательной исторической подготовки, в первую очередь по истории России невозможно развивать и столь желанный междисциплинарный подход. Ведь оценочные суждения по любым вопросам межкультурных отношений возможны только при наличии точки отсчета в собственной истории. История России — корневая система любого гуманитарного взгляда на сегодняшние социально-политические процессы.

Г. Р. Наумова

Лицом к лицу...

Биографии и автобиографии

Изучение исторического научного сообщества приобрело в последние годы взрывообразный характер. Публикации дневников, воспоминаний, интервью историков, мемориальные конференции — всё это работает в том числе на актуальные институциональные подходы. При этом некоторые факты бросаются в глаза своим отсутствием.

Всё историческое сообщество дружно приблизилось к 90-летию восстановления исторических факультетов в высшей школе страны. А первое десятилетие, начало, предвоенный прорыв в историческую науку остается в неуместной тени. Вместе с тем именно те, кто пришел тогда обучаться истории, определяли впоследствии советскую историческую школу. Кажется, мы должны бы знать их поименно. Однако пока мы наблюдаем лишь сугубо личные попытки дать общую характеристику историков этого довоенного призыва. Это касается в частности и исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Так, в письмах Бориса Григорьевича Тартаковского, размышляющего о десятилетнем юбилее истфака МГУ, состоявшемся в 1944 г., читаем: «Ты говоришь, что на факультете, да и вообще в университете, атмосфера неприятная, и вернулись как раз не те, кто могли бы изменить положение к лучшему». И в другом месте по этому же поводу: «Каюсь — эту торжественную дату я попросту забыл. А надо бы поздравить старых истфаковцев. Именно старых истфаковцев (подчеркнуто Б. Г. Тартаковским — *прим. Г. Н.*), тех самых старых истфаковцев, которые стоят в центре наших воспоминаний...».

Их, «старых истфаковцев», мы и не знаем. Это тем более интересно и важно, что студенчество исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, пришедшее на факультет в 1943–1953 гг., уже изучено. То есть изучающие студенчество отказались от хронологического подхода в пользу ситуационного в том числе на уровне кандидатских диссертаций. Изучены наши фронтовики, многие из которых составили цвет возрожденной исторической науки. Очевидно, что война размежевала первое послереволюционное поколение на тех, кто получил высшее образование до войны, и на тех, кто «отсидев на каске» пять лет,

с трудом восстановив необходимые для поступления в высшую школу знания, пришел в университет. Мы часто называем это поколение военным. Но оно распадается на тех, кого сделал историками довоенный истфак, и на тех, кого историками сделала война.

Признаем, что мы плохо знаем и послевоенное поколение историков. То есть мы знаем друг друга в лицо, но мало интересуемся теми научными достижениями, которые разделили историков, определявших границы исторической науки последнего тридцатилетия на лидеров и аутсайдеров, героев и толпу. Хотя уже сейчас видно, что судьбы историков МГУ и ЛГУ во многом аналогичны.

Для начала можно рассмотреть три этапа развития исторической науки в пределах университетских курсов историографии. Напомним, что университетский курс историографии истории России строится и развивается по нескольким векторам силы. Это наблюдение за ходом накопления исторических знаний, это выстраивание системы учреждений, в силовом поле которых развивалась историческая наука, это раскрытие влияния исторической науки на общество и обратное воздействие общественной жизни на историческую науку, это и описание исторической науки как сложного социального организма, создающегося усилиями поколений историков-специалистов. На историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова существует своя традиция чтения курса историографии. Итоговая задача университетского курса, сложившаяся в практике университетского преподавания с середины XIX века, — выработка у обучающегося навыков оценки опыта предшественников через историографический метод. Чем ближе к современности, тем активнее историографический метод, давно утвердившийся в историографическом учебном курсе, теснится методом биографическим.

Биографический метод предполагает биографическое описание, создание общенаучной ниши для героя. Ведь мысли и поступки людей определяются эпохой и средой. Важно верно избрать переломные моменты в биографии историка, угадать глубинные, в том числе религиозные побуждения его деятельности. Удивительно много об историке как гуманитарии говорит участие или неучастие в общественной жизни. Сегодня возможна, пусть и условная, типология биографий учёных. В курсе историографии это в первую очередь биобиблиографический подход. Возможна биография личности с выяснением переломных обстоятельств судьбы учёного. Профессиональная биография историка примыкает к историографическому методу и помогает проследить развитие школ, направлений и течений в исторической науке. В принципе

IV. Университетское событие

можно довольно чётко определить круг личностей, которые должны быть проявлены в курсе историографии через биографию.

Метод биографический — это возможность изложить самобытное философское мировоззрение героя, осознать его главную жизненную руководящую идею через изучение жизненного пути, поступков. Биографический метод предполагает привлечение фактов жизни героя, повлиявших на эволюцию его взглядов. Упоминание факторов и людей, оказавших косвенное влияние на формирование личности героя, анализ черт его характера, рассмотрение детства, учёбы, семейных обстоятельств и многое другое, что не охватишь простым перечнем, наполняет биографический метод.

С помощью биографического метода, через биографический метод история науки может обрести необходимую ясность и простоту. Общеизвестно, что каждый научный метод обеспечивает достижение своей особой вершины. Разные методы — разные вершины. Биографический подход открывает возможность избавления от безличного восприятия профессиональных групп историков, научных коллективов, кафедр, факультетов и пр. Открывается общность деловых отношений, семейных и корпоративных связей, дружеских союзов и тому подобного. Биографический метод позволяет выявить группы заднего плана, «научную массовку». Оказывается, что далеко не всегда интеллектуальное и организационное лидерство совпадают. Групповые и индивидуальные биографии переплетаются в общем разнонаправленном движении, объясняя угасание научных школ и деградацию научных направлений или наоборот динамичное развитие течения научной мысли.

Биографический метод в историографии ставит на повестку дня изучение общественных институтов, учёных советов, диссертационных советов, аттестационных комиссий и других институций, привычно воспринимаемых как коллегиальные институты, выражающие мнение «всех» и не представляющих, кажется, никого. Оказывается, что применение именно биографического метода позволяет понять, почему итоговые оценки редко представляют простую совокупность мнений. Становится очевидным, что научная среда абсолютно аналогична иной другой групповой людской общности, а высокие познавательные и охранительные цели науки реализуются в иной плоскости, плоскости индивидуального подвижничества, о чём и узнаём через метод историографический.

Следует иметь в виду, что сложилась уже научная традиция изучения и трактовки биографического метода как метода, позволяющего создавать «коллективную биографию» историков-профессионалов.

Упомянем в данном случае работу Г. И. Щетининой и в подбор к ней труд немецкой исследовательницы Туде Маурер³³⁴. Не отстают от историков и социологи и психологи³³⁵. Нам же важно в данном случае подчеркнуть, что, используя биографические материалы университетской профессуры, исследователи уже пытались создать общий портрет этой социальной группы, представляя ее как некоторую духовную общность, как профессиональную группу. Опора на индивидуальные биографии учёных, в том числе историков, позволила поставить темы источников и методов рекрутирования учёных для профессиональной подготовки, особенностей развития карьеры, нюансов маршрутов прохождения карьерной лестницы, особенностей лекторской работы с учетом степени самостоятельности в изложении материала, специфики формирования отдельных коллективных институтов, союзов, сетевых структур и так далее. Складывается и практика представления истории научных коллективов как совокупности биографий членов соответствующих сообществ³³⁶.

Современный курс историографии истории России, сложившийся на кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках специализации «Историография, источниковедение, методы исторического исследования», уходит корнями в середину 1950-х гг.³³⁷ Уже в середине 1960-х гг. сложилось творческое содружество А. М. Сахарова и И. Д. Ковальченко, читавших первую часть курса (историография истории России до 1917 г.) поочередно на дневном и вечернем отделении. И. Д. Ковальченко

334 Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., Наука, 1976; Maurer T. Hochschullthrimer Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte / Boehrlau Verlag: Koeln; Weimar; Wien, 1998 (Beitrag zur Geschichte Osteuropas, Bd. 27). (Маурер Т. Преподаватели высшей школы в царской России. К изучению российской социальной истории и истории образования. Кельн, Веймар, Вена. «Белау», 1998).

335 Донцов А. И., Донцов Д. А. Родословная советского коллектива. М., 2019.

336 Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета. СПб., 2019.

337 Шикло А. Е. Академик И. Д. Ковальченко как профессор Московского университета. // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сборник научных статей. Вып. 3. Изд-во Воронежского государственного университета, 1998. С.186–197.

IV. Университетское событие

и А. М. Сахаров много размышляли над предметом курса. В результате в изложении материалов появились очень важные новации, связанные с раскрытием философского мировоззрения выдающихся историков и прогностических возможностей их концепций.

Плоды сотрудничества двух историографов проявились уже в тексте диссертации А. М. Сахарова, защищенной им в 1972 г. Тема диссертации — «Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе (из истории русской исторической науки)». Оппонентами были В. В. Мавродин, В. Е. Иллерицкий, И. Д. Ковальченко. В теоретической части автореферата Анатолий Михайлович делает два чрезвычайно важных наблюдения. Первое касается периодизации исторической науки. «Дальнейший анализ материалов ведется по сменяющим друг друга и борющимся между собой направлениям исторической науки, главной отличительной чертой которых являются изменения в методологии изучения истории и органически связанным с нею объективным классово-политическим содержанием исторических концепций. Как и многие другие специалисты, автор не разделяет мнения о справедливости механического перенесения на историю исторической науки общепериодической периодизации»³³⁸.

А второе связано с чрезвычайно важной историографической задачей селекции материалов, подлежащих анализу через историографический метод на уровне рассмотрения проблемной историографии: «Имея целью рассмотрение истории проблемы образования Российского государства на всем протяжении дореволюционной исторической мысли, автор должен был отказаться от охвата возможно большего количества насчитывающей многие сотни и даже тысячи названий работ по этому вопросу в указанный период. Для рассмотрения избранные наиболее значительные в концептуальном отношении труды в тесной связи с общим состоянием и направлением развития соответствующих этапов исторической науки»³³⁹. Итоги преподавания историографии были зафиксированы и в хорошо известном учебнике Анатолия Михайловича³⁴⁰, и в других его трудах³⁴¹.

338 Сахаров А. М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе. (Из истории русской исторической мысли). Автореферат дис. ...д.и.н. М., 1972. С. 4.

339 Там же. С. 5.

340 Сахаров А. М. Методология истории и историография (статьи и выступления). М., 1981.

341 Он же. Историография истории СССР: досоветский период. Курс лекций. М., 1978.

И. Д. Ковальченко со своей стороны опубликовал ряд статей о предмете историографии³⁴². Влияние чтения курса историографии сказывалось и в содержании тех курсов по методологии истории, которые Иван Дмитриевич читал в 1970-х гг. Метод как способ взаимодействия с объектом исследования, гипотеза как научный вызов, уровни научного познания и переход от одного к другому, тайны понятий, категорий и терминов, ограниченность буржуазной историографии, её кризис — всё это и многое другое изъяснялось на живом историографическом материале, причём на проблемной историографии. Биографии историков, написанные историками же — это очень значительный комплекс историографических источников. Именно об историографических источниках и их использовании И. Д. Ковальченко размышлял много и плодотворно. Уже при обращении к заданному историческому источнику, т.е. сопряжённому с заданной исторической задачей профессор настоятельно рекомендовал отталкиваться от определённого представления о реальности, породившей источник. Трактую историографию России, наши выдающиеся учителя исподволь давали нам понять, что факты личной биографии неотделимы от направления мысли учёного.

Вторая часть курса историографии, то есть историография XX века, развивалась своим путём. И здесь следует иметь в виду традиции школы М. Е. Найдёнова. Пособие А. С. Барсенкова во многом способствовало развитию университетского курса историографии³⁴³. Необходимо учитывать и тот опыт преподавания курса историографии, который накапливался на всех кафедрах отечественной истории в рамках кафедральных специализаций. Это тем более важно, что уже обнаружены и соответствующие творческие результаты³⁴⁴.

Биографический метод творчески поддерживает метод историографический. Именно поддерживает, а не перекрывает и тем более не исчерпывает. В данном случае необходимо подчеркнуть, что историографический метод теоретически обоснован в наследии историков Московского университета. В практике историографических исследований на значительном эмпирическом материале обнаружены

342 Ковальченко И. Д. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 70–78; Ковальченко И. Д., Белявский М. Т. О некоторых вопросах профессиональной подготовки историков // Советские архивы. 1969. № 5. С. 54–59.

343 Барсенков А. С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955). М., 1988.

344 Цимбаев Н. И. Историософия на развалинах империи. М.: Изд. Дом Международного университета в Москве, 2007.

IV. Университетское событие

исследовательские возможности этого подхода, проявляющиеся при оценке вклада конкретного историка в приращение исторического научного знания. Мы имеем разные варианты изложения сущности историографического метода. Но, пожалуй, самый емкий и неординарный вариант принадлежит Борису Александровичу Рыбакову.

В 1995 г. исполнилось 70 лет А. А. Преображенскому. Вклад ученого в изучение Урала и Западной Сибири был столь значителен, что позволил для его оценки прибегнуть к историографическому методу. Б. А. Рыбаков отозвался на такую возможность. Он сра-

зу размещает научные результаты, достигнутые юбиляром, в общий историографический контекст, подхватывая, однако, и проблемную историографию. Автор подчеркивает, что старшими и младшими сотоварищами Александра Александровича по этой проблематике были такие исследователи, как С. В. Бахрушин, А. А. Введенский, В. И. Шунков, А. А. Савич, Н. В. Устюгов, В. А. Александров. Академик так разворачивает свое понимание историографического метода: «Вклад самого А. А. Преображенского в изучение истории региона очень значителен. В трудную эпоху жизни нашей науки, когда глубокое исследование отдаленных времен нередко подменялось общей схемой, набором цитат (заменявших груз архивных изысканий) Александр Александрович ставил перед собой широкие социальные и экономические проблемы и решал их на основе огромного, почти исчерпывающего архивного материала. По мере накопления большого количества фактов исследователь переходил к обрисовке положения человека во всем многообразии его взаимоотношений в этом огромном регионе. Здесь существовало туземное население со своим языком, своим набором хозяйственных форм, с пережитками родового строя, с чем переплеталось все то новое, что было связано с колонизацией этого пространства Москвией.

Отношение Александра Александровича к этому многообразному конгломерату напоминает особое отношение русских людей

средневековья к понятию пространства: если для нас абстрагированное пространство определяется тремя величинами — длиной, шириной и высотой — то русские люди XV столетия ввели в обиход интересное членение вертикали высоты на два отрезка — **на высоту и глубину** (здесь и далее выделено автором. — *прим. Г. Н.*). Точкой отсчета является человек, длина и ширина дают представление о **плоском** пространстве, а объем определяется **высотой** от человека и глубиной, **отсчитываемой** тоже от человека.

Примером такого гуманистического мышления может служить великолепный серебряный триптих мастера Лукиана 1414 г. (6922 г.). В оглавии складня тончайшей работы изображен крест, окруженный четырьмя буквами: Д (долгота), Ш (ширина), В (высота) и Г (глубина). Применительно к творчеству А.А. Преображенского эта система русских средневековых гуманистов может выглядеть так:

широта — от Северной Двины до Иртыша и Оби,

долгота — от Ишимской равнины до Ледовитого океана,

глубина — исчерпывающее изучение архивных источников,

высота — рассмотрение фонда собранных источников на высоком теоретическом уровне»³⁴⁵.

Видим, как нарочито, с явным желанием объяснить каждому тайну, особенность именно своего историографического метода с включением рассмотрения объекта, а не только предмета и метода, действует академик. Конечно, историографический метод развивается и в современной науке, притягивая к себе проблемную историографию. Можно привести примеры историографических монографических исследований, образующих фундамент научной историографии, дополнить их разнообразными историографическими обзорами, но этот путь уведёт нас от рассмотрения метода биографического.

Современный незавершенный, актуальный этап развития исторической науки насыщен именно личным биографическим пространством. Интерес к биографии историка — это в первую очередь интерес ко времени, в котором жил и трудился учёный. Большой учёный становится через биографию свидетелем эпохи, проявлением эпохи, знаком эпохи, символом эпохи. Непревзойденным в этом отношении остается труд университетского профессора, ректора университета Нила Александровича Попова, взявшего на себя задачу рассказать о Васи-

³⁴⁵ Рыбаков Б. А. Исследователь, педагог, общественник. // Купечество в России. XV — первая половина XIX века. Сборник статей в честь профессора А.А. Преображенского. М., 1997. С. 5–6.

лии Никитиче Татищеве в пространстве его времени³⁴⁶. И время стоило того, чтобы о нем говорить, и В. Н. Татищев с его «татищевскими известиями» требовал особого внимания. Такие научные биографии плавно перетекают в классические монографические исследования с привлечением значительного комплекта исторических источников. Столь же показательны труды М. В. Нечкиной о Василии Осиповиче Ключевском, А. А. Чернобаева о Михаиле Николаевиче Покровском и многие другие³⁴⁷. Сохраняют актуальность и материалы историографических ежегодников «История и историки». Достаточно обратиться к любому учебнику историографии, в первую очередь построенному вокруг оценки личности и индивидуальности историков, чтобы увидеть эту связанность выдающихся историков с их временем.

Итак, биографический метод. Что он нам дает для создания общего ландшафта исторической науки, какие горизонты открывает? Следует признать, что на пути развития исторической науки время от времени наступают такие периоды, когда интерес к личной биографии ученого начинает доминировать над интересом к собственно научным заслугам исследователя. На время интерес к научному поиску, к науке в целом вытесняется обостренным интересом к личности и мировидению учёных. Таково и последнее тридцатилетие в судьбе российской исторической науки. Таков и современный этап науки. Обращает на себя внимание и тот факт, что биографии учёных, составлявших золотой фонд исторической науки, оказались в зоне повышенного внимания в створе биографического метода. Свою роль сыграл фактор памяти. Мемориальные конференции образовали ту почву, на которой и укоренился биографический подход в истории исторической науки XX в. Ряд из них был посвящен проблемной историографии, но одновременно затрагивал и биографии историков, нацеливался на оценку личного вклада учёных в добывание новых знаний, в поддержку исторической памяти. Постоянными стали персональные мемориальные конференции, посвященные российским историкам. Регулярный характер приобрели Ключевские чтения, организуемые в МПГУ, «Забелинские чтения» и «Чертковские чтения» в ГИМе, и т.д. Традиционными стали конференции, посвященные памяти выдающихся советских учёных, таких, как

346 *Попов Н. А.* В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой четверти восемнадцатого столетия. Издание К. Солодовникова и Н. Щепкина. М., 1861.

347 *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974; *Чернобаев А. А.* Профессор с пикой, или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992; *Дубровский А. М.* С. В. Бахрушин и его время. (Серия: Российские историки и их труды). М., 1992.

Л. В. Черепнин, Л. В. Милов, В. А. Плугин, В. Т. Пашуто, А. В. Муравьев, В. И. Бовыкин, И. Д. Ковальченко³⁴⁸.

Чем ближе к современности, тем многообразнее возможности применения биографического метода при описании отраслевой науки. Крайне много живой истории, живой памяти о научном сообществе. Сами историки обмениваются информацией, составляют свои автобиографии, биографии коллег и учителей, пишут мемуары. Можно высказать предположение, что прибегая к биографическому методу, историки пытаются утвердить себя в пространстве исторической науки, в пространстве конкретной школы. Биографический метод и источники — тема неисчерпаемая. Ограничим себя рассмотрением тех исторических источников, которые непременно должны быть использованы или могут быть использованы при изучении биографий историков в курсе историографии.

В первую очередь укажем на многочисленные и разнообразные справочно-информационные издания. Их в настоящее время великое множество. Продолжается давняя традиция публикации справочников о профессорах крупнейших российских университетов. Назовем навскидку справочник старейшего университета Сибири³⁴⁹. Дополняются эти справочники хрониками университетской жизни. Конечно, нельзя не упомянуть энциклопедические биографические словари³⁵⁰. Но особо и специально следует говорить об усилиях А. А. Чернобаева. Уже его справочные биобиблиографические словари образуют отдельную библиографию³⁵¹. Для нас важно, что работа над справочно-информационными изданиями не стала единственным направлением деятельности историка. Приобрело популярность его учебное пособие по историографии истории России. Это был результат соединения биографического метода с подходом в интерпретации историографии, сложившемся на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова³⁵².

348 Подр. см.: Наумова Г. Р. История исторической науки. Историография истории России. Ч. 2. Учебник академического бакалавриата. М., 2019. С. 193–194.

349 Профессора Томского университета. Биографический словарь. / Гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск, 1996.

350 Напр.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.

351 Чернобаев А. А. Историки России конца XIX — начала XX века. Биобиблиографический словарь. Том первый. А–И., М., 2016; Том второй, И–П, М., 2017; Том третий, П–Я, М., 2017. Аналогичная информация содержится и в других справочниках, изданных под редакцией А. А. Чернобаева.

352 Историография истории России. Учебное пособие / Под ред. А. А. Чернобаева. М., 2014. В этот учебник вошли материалы А. Е. Шикло. Алла Ервандовна составила целую эпоху в чтении курса историографии на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова.

IV. Университетское событие

Возникает вопрос, в какой степени можно доверять информации, приводимой в справочно-информационных изданиях. Следует иметь в виду, что в основном такие справочники базируются на анкетировании самих героев, и потому мы должны допускать условность отдельных видов информации. Это касается в первую очередь учителей. Нередки случаи, когда в качестве учителей называются выдающиеся учёные, которые ни при каких обстоятельствах не могли лично участвовать в формировании того или иного специалиста. Зачастую именно реальный научный руководитель, инициировавший написание кандидатской диссертации, не упоминается, а упоминается выдающийся учёный, не причастный к первому исследовательскому опыту героя анкеты. Значительная путаница привносится в рубрику «научно-организационная деятельность». И все же резюмируем, что справочно-информационные издания содержат массовую, весьма полезную информацию о коллективе отечественных историков XX–XXI вв., которая в сумме с информационным потенциалом электронных средства массовой информации может использоваться для быстрой и в целом непредвзятой оценки личного состава научного исторического сообщества.

Второй значимый комплекс источников, поддерживающий биографический метод в курсе историографии, разумеется, биобиблиографии. Это могут быть коллективные биобиблиографии и индивидуальные³⁵³. Давно сложилась традиция публикации биобиблиографий работ историков, в первую очередь выдающихся исследователей³⁵⁴. Кроме полных итоговых биобиблиографий в распоряжении историков есть и многочисленные промежуточные биобиблиографии, отражающие отдельные этапы творчества учёных. Такова, к примеру, биобиблиография трудов Л. В. Милова, А. И. Вдовина, С. Б. Филимонова. Особый интерес вызывают биобиблиографии, составленные самими учёными. Биобиблиография трудов историка позволяет понять многое в его биографии.

353 Историки и краеведы Москвы. Некрополь. Биобиблиографический справочник. М., 1996.

354 Приведем отдельные биобиблиографические издания: Библиография произведений академика М. Н. Покровского. Серия III. Справочно-библиографические материалы. / Сост. д.и.н., проф. А.А. Говорков, отв. ред. д.и.н., проф. А.А. Чернобаев. / Архивно-информационный бюллетень. 1993. № 7. С. 96; Академик М. К. Любавский и его наследие. К 150-летию со дня рождения / Под ред. д.и.н. А.Я. Дегтярева. М., 2010; Петр Андреевич Зайончковский. К семидесятилетию со дня рождения. Биобиблиография. М., 1974; Лев Владимирович Черепнин (1905–1977) / Сост. И.Г. Бабич, Р.И. Горячева. М., 1983; Иван Дмитриевич Ковальченко (1923–1995). К 75-летию со дня рождения / Под ред. проф. А.Г. Голикова. М., 1998; Сергей Борисович Филимонов. Биобиблиографический указатель. Симферополь, 2007.

Основанием для издания биобиблиографии всегда являются научные достижения ученого. Формуляр таких публикаций может быть пространным или лапидарным. В пространном варианте представлена краткая биография историка, список трудов в хронологической последовательности, список литературы о его творчестве и жизни, фотографии, именной указатель лиц, жизни и деятельности которых посвящены его труды и т.д. Полагаем, что эта разновидность биобиблиографий учёных будет ещё развиваться и найдутся новые формы их подачи. Валерий Иванович Бовыкин, к примеру, предложил свой формуляр биобиблиографии, названной им CURRICULUM VITAE: основные даты и область научных интересов; основные публикации, в том числе книги, статьи и главы в коллективных трудах; доклады на научных конференциях; издания коллективных трудов; публикации источников; работа в архивах; кандидатские диссертации аспирантов³⁵⁵.

Опираясь на биобиблиографии трудов историков можно составить, к примеру, простую статистику трудов ученого. Так, из перечня работ И. Д. Ковальченко следует, что порядка восьмидесяти процентов работ историка было посвящено общим проблемам истории России, историографии и аграрной истории. Двадцать процентов исследований специализировано на методологии и методах исторического исследования. Простая и одновременно непростая часть биографии историка: круг коллег и соавторов. Оставляем за скобками учеников — это фактор биографий ясный и понятный, и обратимся к опыту общения историка в мире коллег и товарищей в пространстве своего поколения и поколения учителей.

Конечно, здесь могут работать и формальные, приводящие обстоятельства. Историка выдающегося многие желают видеть рецензентом своих трудов, своим историографом, хотят услышать именно от выдающегося историка юбилейные поздравления. Это само по себе указывает уже на статус историка, но не только. В числе тех, о ком лично высказывался Иван Дмитриевич Ковальченко, были Н. М. Дружинин, М. Н. Тихомиров, С. С. Дмитриев, М. В. Нечкина, Е. М. Жуков, А. М. Самсонов, А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков, Ю. С. Кукушкин, А. И. Крушанов, Б. Б. Пиотровский, К. В. Гусев, Б. Г. Литвак. Ещё шире круг коллег, труды которых рецензировал академик. Но и такая казалось бы простая задача, как обнаружение ближнего круга ученого, неизбежно сопрягается с задачей координации историографического и биографического подходов. Опыт убеждает, что именно в таких личных текстахистики глубокие, склонные к обнаружению общности

355 Памяти В. И. Бовыкина // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2. С. 121–129.

IV. Университетское событие

взглядов и близости мировоззрений, высказывают суждения глубинного концептуального залегания.

Очень важные и знаковые слова сказал Иван Дмитриевич на конференции, посвященной «Светлой памяти выдающегося ученого — гуманитария академика Валерия Павловича Алексеева»: «Отмечу перспективность намечающегося подхода, когда акцентируется внимание на изучении и осмыслении именно исторических аспектов наследия, при равной степени задействования всех его пластов, включая и глубинные, отстоящие от настоящего времени не только на столетия, но и на тысячелетия»³⁵⁶. Пройдет четыре года, и академик Борис Александрович Рыбаков запишет: «В настоящее время я завершаю свою итоговую многолетнюю работу о древнейших судьбах славянства, которая охватывает примерно три тысячелетия от первобытных праславян бронзового века (за тысячу лет до Геродота) и завершается исторической концепцией Нестора (начало XII века н.э.), заглядывавшего в предисторию Руси на значительную глубину...

Осуществить этот замысел возможно только опираясь на синтез десятка разнородных наук, взаимно подкрепляющих и уточняющих друг друга»³⁵⁷.

В творчестве больших учёных не бывает мелочей. И заранее не предугадаешь, где и когда были высказаны принципиально важные фундаментальные и необходимые для оценки исторической концепции мысли. Но ясно, что перед нами суждения историков XX в., осознающих историю как процесс «больших длительностей». Из тысячелетий и вырастает для них «крестьянская альтернатива» русской истории, историческая судьба Родины.

Мы привыкли смотреть на историков как на авторов и составителей биографий выдающихся деятелей истории. Но редко мы задумываемся о том, что главный свой вклад в развитие биографического метода истории вносят тогда, когда пишут о себе и своем окружении. Все, о чем мы говорили до сих пор, — это собственно источники для составления биографии историков. Но историки не были бы историками, знатоками многообразных исторических источников, если бы сами не попытались создать исторические источники для будущих поколений исследователей.

356 Ковальченко И. Д. Выступление на научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Центральной России». Воронеж, 1992. С. 7.

357 Рыбаков Б. А. Заглядывая в предисторию Руси // Историки России о времени и о себе. Выпуск 1-й. Архивно-информационный бюллетень № 15. Приложение к журналу «Исторический архив» / Сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 1997. С. 17.

В первую очередь историк коллекционирует свои впечатления и воспоминания — об окружающих и о себе. Да, конечно, личные архивы историков будут еще изучаться и уже изучаются³⁵⁸. Но то, что хватают все на лету и читают на одном дыхании, — это дневники и воспоминания историков. Эти источники опережают длительные монографические исследования учёных судеб, лабораторий исследователей на основе архивных материалов. Мы не задаёмся целью дать систематическую характеристику дневников и воспоминаний историков, но для их включения в ткань курса историографии следует учитывать их абсолютную неоднородность. Их информационный потенциал многократно возрастает, если мы объединяем эти источники по биографическим и социальным общностям. Достигается стереоэффект, многомерность восприятия и оценки каждого героя, оказавшегося в пространстве внимания и зоне личных интересов мемуариста.

Но и сам мемуарист обнаруживается без утайки. Потому далеко не все историки располагали свои воспоминания в пространстве науки. В. С. Лельчук вспоминает: «Замечу ещё раз: многое и многое повидавший, Ефим Наумович (Городецкий — *прим. Г. Н.*), однако, крайне редко обращался к собственным воспоминаниям; был при этом лапидарен, сдержан и пожалуй, суховат. Таким оставался и в период хрущёвской “оттепели”. И в годы горбачёвской “перестройки”»³⁵⁹. У такой сдержанности есть, по-видимому, причины. Но о них Виталий Семёнович не говорит.

Конечно, мемуары историков не только индивидуальные, но и заходя специализированы. Есть два основных пути прикладного использования мемуаров историков в курсе историографии. Идти от события или сюжета, вокруг которого и подбираются источники. А иной маршрут — это движение от главного героя мемуаров, то есть самого автора. Любая группировка мемуаров возможна при общей их характеристике. Это могут быть университетские мемуары, воспоминания и мысли академических учёных, записки музейных работников, записки администраторов и управленцев и др. Можно подбирать источники с задачей составления социального портрета историков или подбора информации о переломных обстоятельствах хрзвития исторической нау-

358 Катмадзе Н. Ш., Наумова Г. Р. Архив профессора. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2018. № 3. С. 54–69; Демирова Н. И., Миленко А. А., Наумова Г. Р. Архив историка как лаборатория исследователя. // Клио. 2020. № 1 (157). С. 39–43.

359 Лельчук В. С. Уроки Городецкого // Сталин. Сталинизм. Советское общество. Сборник статей. К 70-летию доктора исторических наук профессора В. С. Лельчука. М., 2000. С. 21.

ки. В любом случае необходимо ориентироваться в поколениях историков, во времени, зафиксированном памятью учёного.

Значителен и самобытен комплекс мемуаров того поколения историков, которые пришли в науку между двумя военными лихолетьями и продолжили свою творческую биографию в условиях расцвета советской исторической науки. Эти долгие биографии определили и значение возникшего комплекса мемуарных источников. Такие мемуары охватывают целую научную эпоху. В. А. Городцов, А. Л. Сидоров, А. Б. Закс, Н. М. Дружинин, С. С. Дмитриев, Л. Э. Разгон и др. Палитра мемуаров богатая, от лапидарных академических текстов до яркой публицистики, вызвавшей общественный резонанс. Дневниковый характер многих записей, долгая творческая активность Анны Борисовны Закс подарили исторической науке трудно переоцениваемый информационный портфель³⁶⁰. Лев Эммануилович Разгон вызвал огонь на себя в острейшей общественной полемике. Сначала выходят его мемуары под символическим названием «Непридуманное»³⁶¹. А вслед выходит рецензия, составленная с острым полемическим и критическим задором³⁶².

Особым заслуженным вниманием пользуются мемуары историков военного поколения — кладёшь не только информации и не столько информации. Это заряд мудрости и исторического оптимизма, помноженный на научное историческое знание. Активное участие Константина Григорьевича Левыкина в научной и общественной жизни МГУ имени М. В. Ломоносова превратило его мемуары в энциклопедию университетской истории второй половины XX в.³⁶³. Для изучения биографии историка очень важно в подробностях проследить его организационно-научную деятельность, его участие в выборных представительских органах. Это очень важная канва. Это маршрут, указывающий на востребованность личности на уровне ее коммуникативности, ответственности. Речь в данном случае идет не только о должностных обязанностях, определяемых «Табелью о рангах», но и об общественной работе, о научно-организационных возможностях ученого.

К слову сказать, довольно часто встречаются историки-профессионалы, которые на протяжении всей своей жизни так и не были востребованы обществом для реализации общественно-полезной функции.

360 Закс А. Б. Эта долгая, долгая, долгая жизнь. Воспоминания в двух книгах. Кн. первая (1905–1933); Кн. вторая (1933–1963). М., 2000.

361 Разгон Л. Э. Непридуманное. М., 1988.

362 Маркианов А. Лев Разгон и его непридуманное «Непридуманное» // Наш современник. 1990. № 9. С. 184–186.

363 Левыкин К. Г. Мой университет. Для всех — он наш, а для каждого — свой. М., 2006.

Биографических очерков, рисующих общественное лицо историка, его общественную значимость, а это для советской исторической науки важная составляющая, к сожалению, немного. В биобиблиографии И. Д. Ковальченко читаем: «С середины шестидесятых годов начинают безудержно возрастать объемы научно-организационной деятельности И. Д. Ковальченко»³⁶⁴. И это возрастание продолжалось до середины девяностых. Отрадно, что в библиографии его трудов мы находим сведения о его деятельности в роли главного редактора журнала «История СССР», которым он руководил на протяжении без малого 20 лет.

В литературе об историках уже сложилось суждение, что научные переживания так плотно переплетаются с переживаниями и сомнениями людей в личной и общественной практике, что надо уметь различать биографию историка, научную биографию историка и творческое наследие. Что есть личный опыт и профессиональный опыт, а они не всегда соразмерны. А реконструировать биографию историка и оценить его исследовательский опыт — это не одно и то же. Собрать материалы для биографии историка несравненно легче, чем проанализировать его вклад в развитие научной практики. Часто так бывает, что яркая, общественно значимая личность, зафиксированная во всех возможных справочно-информационных изданиях, не получила соответствующей историографической аналитики. Хорошо, что стали появляться биографические очерки, раскрывающие организационно-научный тренд деятельности историков³⁶⁵.

Для реализации биографического метода не меньшую чем мемуары роль играют такие источники, как автобиографии историков. Автобиографии историков — давний и хорошо известный источник, но на современном этапе развития исторической науки эти памятники исторической мысли создаются как развитие практики устной истории и создаются для поддержки интерпретации историографии. Это знак времени. Для привлечения к использованию в курсе историографии рекомендуем серию «Историки России о времени и о себе», являвшуюся приложением к журналу «Исторический архив». Репринтное воспроизведение автографов историков стало несомненной находкой этого сериала. Следует, однако, иметь в виду, что автобиографии вообще имеют

364 Бовыкин В. И. Восхождение к истине // Иван Дмитриевич Ковальченко (1923–1995). К 75-летию со дня рождения. М., 1998. С. 7.

365 Голиков А. Г. Валерий Иванович Бовыкин: этапы научной биографии // Социально-экономическая и политическая история России рубежа XIX–XX веков. К 95-летию со дня рождения В.И. Бовыкина / Отв. ред. д.и.н. Ю. А. Петров. М., 2022.

IV. Университетское событие

значительную теорию и практику изучения. Классикой полагаем труд Робина Джорджа Коллингвуда (1889–1943) «Автобиография». Вот авторское предисловие к этому произведению: «Автобиография человека, делом которого было мыслить, должно быть повествованием о его мыслях. Я написал эту книгу, чтобы рассказать о том, что, мне кажется, заслуживает внимания в истории моей жизни.

Так как автобиография имеет право на существование только в том случае, если она [искренняя книга], то я писал ее совершенно откровенно, подчас не одобряя поступков людей, которыми я восхищаюсь и которых люблю. Если кого-нибудь из них заденет то, что я написал, я хочу, чтобы он знал одно мое правило: в своих книгах я никогда не упоминаю никого иначе, кроме как ради чести. Поэтому упоминание любого человека, лично мне известного, — это мой способ поблагодарить его за все, чем я обязан его дружбе, его урокам, или его примеру, или же всем им, вместе взятым»³⁶⁶.

В автобиографиях наших историков находим много деталей и много важного для понимания нескольких поколений российских историков. Зачастую автобиографии составляются уже на закате творческого пути историка и события предстают уже через жизненный результат. Потому и все поворотные моменты личной истории выстраиваются стройно и последовательно. Ясно, что авторы в первую очередь задаются вопросом о выборе профессии историка и о том, что формировало мировидение будущего историка.

Б. А. Рыбаков вспоминает: «В Москве, в отцовском кабинете, мы с ним накалываем цветные флажки на большую настенную карту Европы, отмечая на ней ход военных действий 1915–16 гг. Возможно, эти занятия подготовили мой постоянный интерес к проблемам исторической географии и картографического метода в анализе исторического источника.

На протяжении всего детства и отрочества мне приходилось присутствовать при домашних разговорах родителей с разными людьми, на самые разные темы; тогда, в процессе этих бесед, я почти не вдумывался в их сущность, но через несколько лет, повзрослев, я вспоминал, обдумывал, сопоставлял и считаю это очень важным элементом вхождения в жизнь, в литературу, в историческое прошлое России»³⁶⁷. Не менее интересно и воспоминание Бориса Александровича о его приобщении к фольклору. «Наряду со старинной архитектурой Москвы, я увлекал-

366 Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 321.

367 Рыбаков Б. А. Заглядывая в предисторию России // Историки России о времени и о себе. Вып. 1 / Сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 1997. С. 5.

ся и собиранием фольклора. В расцвет нэпа в московских трактирах, чайных и на рынках прежних шарманщиков сменили бродячие певцы, певшие под аккомпанемент гармоник. Репертуар их подразделялся на две группы. Во-первых это были стихотворения Некрасова (“Кудеяр-атаман”, “Меж высоких хлебов затерялося...”, “Что так жадно глядишь на дорогу...” и др.). Вторую группу составляли тюремные и каторжные песни (“Александровский централ”, “По диким степям Забайкалья”, “За кирпичной тюремной стеною”, “Как из Таганского острога ушли два важных молодца...” и др.). К сожалению, тетради с моими записями утерялись, но интерес к фольклору остался навсегда³⁶⁸.

Ю. А. Поляков делится семейными преданиями и первыми жизненными впечатлениями: «Я родился в Ташкенте, куда мой отец, коренной москвич, прибыл с частями Туркестанского фронта. Отец был врачом, участвовал в мировой войне, затем вступил в Красную Армию. Вскоре в Ташкент из голодной Москвы приехала мать с моим старшим братом, а затем, 18 октября 1921 г., родился и я.

В Туркестане всё дышало историей — красочной, причудливо переплетённой. Я видел изразцовую вязь древних храмов, слышал рассказы о раскопках неведомых могильников». Запомнилось ему, как у старых пушек в городском сквере отец почтительно поздоровался с усатым, крепким стариком. «Это — солдат, участник завоевания Средней Азии, — сказал отец. — С того времени и пушки». Однажды к нам по какому-то делу пришел рослый смуглый красавец в роскошных лакированных сапогах и еще более роскошных красных штанах. Это был мадьяр из военнопленных первой мировой войны, командир эскадрона во время гражданской, оставшийся в Советском Союзе и в память о боевом прошлом носивший эти потрясающие алые кавалерийские чикчиры³⁶⁹. Понятным становится тот эмоциональный энтузиазм, с которым подходил Юрий Александрович к теме басмачества.

Многие историки вспоминают в автобиографиях момент выбора учебного заведения и объясняют его. Откровенно вспоминает этот факт своей биографии Н. Н. Болховитинов: «Выбор места учёбы в известной мере оказался случайным. Дело в том, что в июне 1948 г. выяснилось, что золотой медали у меня не будет, т.к. в Горono нашли грамматическую ошибку в моём сочинении по литературе, и придётся сдавать экзамены. Решив подстраховаться, я подал документы сначала в МГИМО, где экзамены были раньше, чтобы иметь возможность в случае неудачи сдавать в августе экзамены в МГУ.

368 Там же. С. 7.

369 Поляков Ю. А. Путь познания истории // Там же. С. 32.

IV. Университетское событие

Всё прошло, однако, вполне благополучно. Несмотря на анкету, где указывалось, что мой отец был в ссылке, я благополучно сдал экзамены и сразу же был зачислен студентом. От добра добра не ищут, я решил не испытывать судьбу ещё раз и поступил, по всей видимости, правильно. Дело в том, что в университете при моей тогдашней общительности и независимых взглядах я, почти наверняка, угодил бы в какую-нибудь “крамольную” группу и вряд ли бы смог спокойно заниматься наукой. В МГИМО в этом отношении было проще³⁷⁰. Исподволь даётся и оценка учебных заведений, конкурировавших между собой в подготовке специалистов гуманитарного профиля и высшей квалификации.

Собирая и систематизируя автобиографии историков, мы наталкиваемся на такие уникальные тексты, как записки и заметки детей, тоже историков, сопровождавших родителей в их общественной и профессиональной деятельности. Таковы, к примеру, очерки Ю. М. Седова об отце, Михаиле Герасимовиче Седове³⁷¹, А. Ю. Борисова об отце, Юрии Степановиче Борисове и др. Воспоминания Юрия Михайловича Седова включают и личную переписку с отцом, и некоторые личные документы Михаила Герасимовича. Такие документы мы часто находим и в личных архивах историков. Не менее, а быть может даже более, интересны автобиографические записи жён историков, конкретно Елены Иоасафовны Дружининой. Рассказ о Николае Михайловиче Дружинине и немного о себе³⁷² в очерке «Наука — стихия и призвание».

Историки, преподававшие в вузах, много сил и энергии отдавали учебному процессу, самовыражались в аудитории. Но и для тех, кто не выходил систематически в аудиторию, существовала возможность реализовать себя в пространстве общественных дискуссий. Сын Юрия Степановича Борисова вспоминает об одной из таких лекций, читанных его отцом: «Еще одна лекция была прочитана в МГИАИ при первых дунованиях “гласности” и называлась “Сталин: человек и символ”. Дефицит информации, начавшие приоткрываться тайны собственного прошлого — жажда правды. Объявлений о предстоящей лекции не было нигде, кроме фойе того же МГИАИ, и все же нарядом конной милиции пришлось перегородить Никольскую (тогда еще — “улицу 25 октября”)

370 Болховитинов Н. Н. О времени и о себе: заметки историка. // Там же. С. 69.

371 Седов Ю. М. Воспоминания об отце // «Будущего нет и не может быть без наук...» Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова. М., 2005. С. 297–380.

372 Дружинина Е. И. Наука — стихия и призвание // Историки России о времени и о себе. Вып. 1 / Сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 1997. С. 19–31.

с обеих сторон. Прорываясь сквозь толпу на собственное выступление за полчаса до его начала, он вначале разорвал пиджак, а у самых дверей — стычки с милиционерами, не желавшими признавать в нем лектора — потерял половину пуговиц — и так потом и читал — в ставшем крошечным переполненным актовом зале. Вместе с большинством, не попавшем в зал, я слушал двухчасовую лекцию и занявшие такое же время ответы на вопросы в коридоре, куда были вынесены динамики. Не знаю, как для него, но для меня это был один из звездных моментов — тех, ради которых стоит что-то делать в жизни»³⁷³.

Хорошо, что в основе многих биографических очерков лежат материалы устной истории, живые интервью самих героев. Эталонной полагаем статью о П.В. Волобуеве³⁷⁴. Подробно и содержательно вписан Павел Васильевич Волобуев в непростые перипетии исторической науки 1940–1990-х гг. Именно такие статьи нуждаются в дополнительном источниковедческом анализе. При написании статьи были использованы материалы интервью Павла Васильевича, которое было опубликовано в 6-м номере журнала «Отечественная история» за 1998 г. Скорее всего, именно от Волобуева и осталась в статье та атмосфера осторожного и тактичного разговора о борьбе в науке, в которой он принял участие. В статье названа группа историков, которые сочли «что настало время пересмотреть некоторые устоявшиеся представления и искать новые подходы к решению ряда ключевых проблем отечественной истории»³⁷⁵. В эту группу историков включены П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин, В. П. Данилов, В. В. Адамов, Л. М. Иванов, А. Я. Аврех, П. Г. Галузо, А. М. Анфимов.

Очевидно, что для применения биографического метода при изучении истории исторической науки созданы серьезные основания. Потому и образуют в современной исторической науке биографии историков тома. Иной раз складывается такое впечатление, что историки, воспользовавшись своим профессиональным правом, решили на место всех остальных деятелей истории поставить себя как изучающих историю и создающих её концепции. Потому и предстоит задача уравнивания биографического метода историографическим. Приходим к выводу, что российские историки своими усилиями создали очень значительный комплекс источников, который позволяет в деталях прописать

373 *Борисов А. Ю.* Юрий Степанович Борисов // *Историки России. Послевоенное поколение* / Автор проекта и составитель Л.В. Максакова. М., 2000. С. 8–20.

374 *Телицын В. Л.* Павел Васильевич Волобуев // Там же. С. 57–78.

375 Там же. С. 69.

IV. Университетское событие

не только биографии отдельных учёных, но и взаимодействие людей в научных и творческих сообществах вплоть до отдельных кафедр и подразделений учебных заведений. Конечно, с учетом истории развития исторической науки в XX в. наибольший интерес представляет история трудовых коллективов и трудовых взаимодействий в государственных университетах. Именно с университетами связаны в первую очередь судьбы действительно выдающихся учёных и традиции формирования научных сообществ, отражающих все нюансы простых человеческих биографий и ординарных взаимоотношений в трудовых коллективах. История ученого труда и биографии историков неотделимы от историографии России.

Из круга биографий историков отдельно должны быть рассмотрены биографические очерки об учителях³⁷⁶. Важно, что эти биографические очерки ближе всего примыкают к историографическим материалам, но одновременно это и лично окрашенные биографии, во многом примыкающие к текстам, созданным «близкими» историка. Во многом биографический характер носят и серийные издания типа серии, инициированной историками Воронежского государственного университет «Российские университеты в XVIII–XX веках». Аналогичные подходы проявились и в работе А. Д. Пряхина³⁷⁷. Опыт разработки курса историографии на историческом факультете Воронежского государственного университета явно заслуживает внимания.

Но если мы хотим оценить возможности биографического метода для осмысления маршрута исторической науки века двадцатого, предпочтительнее знакомство с антологиями биографий историков. Биографии эти будут различаться по типам, но вместе они, несмотря на мозаичность, а может быть и благодаря мозаичности, создают образ, портрет, наполненность научного исторического сообщества. Важно и то, что между строк таких книг мелькают изображения, иногда портреты историков. И, встречаясь взглядом с теми, кого знал при жизни, многое вспоминаешь и сам. Портретный ряд не всегда привязывается ко времени или персоне и тогда возникает неожиданный непреднамеренный эффект культурно-антропологической визуализации научного сообщества.

Е. И. Дружинина рассказывает о зарождении этой личной и научной

376 Сидоров А. Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С. 8–33; Он же. Из воспоминаний о М. Н. Покровском // Там же. С. 34–41.

377 Пряхин А. Д. Археологи уходящего века. Воронеж, 1999.

потребности фиксировать обстоятельства места и времени на «плёнку»: «По поводу иллюстраций хочу сказать, что мне всегда хотелось населять книги и статьи образами людей. С этим связано и фотографирование, которому я научилась вскоре после замужества. Текст оживает. Если в нем даются характеристики и изображения исторических личностей. Кроме снимков, снятых мною лично, я использую также приобретенные фото или репродукции. Так, например, во время нашего пребывания в Риме, когда там шла широкая распродажа портретов участников X Международного конгресса исторических наук, я купила много фотокарточек. И как это оказалось кстати! Через 40 лет, когда в избранных трудах Николая Михайловича печатались открытые письма его к Франко Вентуре, я поместила их фото вдвоем с бокалами вина в руках. Этот снимок, сделанный на конгрессе, наглядно показывает их дружбу, родившуюся в те дни.

Очень удался мне снимок Черепнина, сделанный в секторе феодализма Института истории в тот момент, когда Лев Владимирович что-то записывал и не знал, что его фотографируют. Эту карточку я поместила в сборнике статей, посвященном Черепнину под названием «Феодальная Россия во всемирном историческом процессе» (М., 1982)»³⁷⁸.

Об образе историка рассуждал и М. Н. Тихомиров: «Игорь Эммануилович [Грабарь] хотел даже сделать с меня портрет и пригласил в свое ателье. Нечего говорить, что И. Э. Грабарь — очень известный и во многом замечательный художник. Его пейзажи я ценил всегда чрезвычайно высоко уже со своих юношеских лет. Но в данном случае я заколебался не только потому, что себя плохо чувствовал и мне трудно было позировать в это время, но и по другой причине, которую я не мог объяснить самому художнику лично.

³⁷⁸ Дружинина Е. И. Наука — стихия и призвание. // Историки России о времени и о себе. Вып. 1 / Сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 1997. С. 30.

IV. Университетское событие

И. Э. Грабарю принадлежат примерно три портрета деятелей науки, по крайней мере я эти портреты лично видел и знаю, их выставляли и в Третьяковской галерее, и для всех этих портретов характерна одна особенность — во-первых, большая близость портретная, близость к изображаемому персонажу, а с другой — в этой портретной близости всегда отражены какие-то, на мой взгляд, несимпатичные черты данного персонажа.

Вот перед нами портрет вице-президента [АН СССР] академика В. П. Волгина. На портрете чрезвычайно важный персонаж. В лице В. П. Волгина подчеркнута одна черта, бросающаяся в глаза, — некоторое высокомерие, с которым смотрит он на весь мир. Но ведь эта черта отражает только одну, может быть и не очень приятную черту характера. Она не дает понятие о самом человеке в целом.

Борис Дмитриевич Греков на портрете изображен тоже очень похожим, но у него подчеркнута своя неприятная черта — перед нами лицо несколько лицемерное. Борис Дмитриевич в действительности таким не был, но был приучен обществом, где какие-то лицемерие принято было навсегда как своего рода выражение характера.

Что касается Арциховского, то он похож и не похож. Перед нами не только лицо ученого, каким в действительности являлся Арциховский. На портрете показаны некоторые грубоватые черты, которые у Арциховского при всей внешней вежливости часто сказывались»³⁷⁹.

Надо сказать, что общественную потребность в биографическом взгляде на историю Отечества смело и решительно удовлетворяют научно-популярные проекты. Так, издательство «Вече» успешно выступило с серией книг о самых знаменитых полководцах России, путешественниках России, эмигрантах России, иностранцах в России, изобретателях России, флотоводцах России, артистах России, спортсменах России, философах России, поэтах России, кораблестроителях России, мастерах балета России, живописцах России, композиторах России, юристах России, авиаконструкторах России, зодчих России и... историках России³⁸⁰. Хорошо, что не забыли об историках. Повезло ряду историков «Русского зарубежья», а также С. В. Бахрушину, М. Н. Покровскому, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонову. Критерии отбора, как правило, не обсуждаются и не определяются привычными нам словниками. От нашего времени, от века двадцатого, в пространстве популярного знания остаются немногие. Другое дело, когда выбор персон опреде-

379 Академик М. Н. Тихомиров. Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.–СПб., 2022. С. 247–248.

380 Дойков Ю. В. Самые знаменитые историки России. М., 2004.

ляет профессиональное сообщество. Но и в этом случае двадцатый век статистически уступает прошедшим эпохам. Хотя, и это важно, стало новой и хорошей практикой не разделять российских историков на «зарубежных» и «советских». Порядка 40 % материалов при применении биографического метода приходится на историческую науку XX в. Это в целом вписывается в структуру курса историографии.

У каждого значительного историка с годами формируется сообщество близких по духу коллег. Многие становятся соавторами. Но и каждый знает, что писать о своих сотоварищах непросто. В этом многие признаются: «Считаю своим долгом поделиться воспоминаниями о встречах с выдающимися деятелями советской исторической науки. Эти очерки шли и идут трудно, “беспланово”. Не всегда удается найти нужную тональность которая позволила бы лучше отразить неповторимую индивидуальность именно этого человека. Поэтому несколько очерков остались (пока) незавершенными»³⁸¹.

И при всём том, биографический подход создаёт известную форму парности. И эти парности сами по себе содержательно важны. Общеизвестно, что уже практика публичного рецензирования и оппонирования формирует такие общности. А когда дело доходит до написания биографий колебания редко бывают уместны. Биографический метод позволяет построить общую картину научной сопричастности историков. Интересно, что есть историки, которые, начиная выстраивать биографию своего героя, неизбежно завершают созданием историографического контекста. Взяв, к примеру, за основу очерки А. А. Преображенского о Алексее Андреевиче Новосельском, Николае Владимировиче Устюгове, Сергее Владимировиче Бахрушине можно сразу оказаться в полноте историографического контекста экономической и социальной истории предпетровской России. Одним словом, скажи кто твой герой и я скажу кто ты. Собирая биографии историков, написанные историками же, мы удваиваем искомый эффект. Рождается стереоэффект восприятия исторического научного сообщества. В научном сообществе, как и в любом другом, есть свои творцы, свои дублёры и адепты, свои подопечные и т.д.

Следует обратить внимание и ещё на одну составляющую успеха при мобилизации возможностей биографического метода. Биографии историков могут располагаться в неожиданном контексте. Возьмём для примера сборник юбиляра Виталия Семеновича Лельчука. Историку исполнилось 70 лет. Самое время написать автобиографию или

381 Поляков Ю. А. Путь познания истории // Историки России о времени и о себе. Вып. 1 / Сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 1997. С 39.

IV. Университетское событие

заказать биографию. Но Виталий Семенович поступает неожиданно и мудро. Он пишет для своего юбилейного сборника биографию учителя Ефима Наумовича Городецкого. Это не типичная биография историка в рамках признанного биографического метода. Это страстный рассказ о влиянии Е. Н. Городецкого на учеников и слушателей. Конечно, это одновременно и рассказ о самом юбиляре, воспоминания о других, уже ушедших к тому времени из жизни, учениках Ефима Наумовича, «одном из самых близких учеников» В. З. Дробижеве, К. Н. Тарновском и других, кто оказывался в поле влияния учёного. Ученик пишет об учителе: «В итоге на семинарах мы всерьёз размышляли о том, что такое общество. В каком соотношении оно находится с государством, какое место в жизни общества и государства занимает культура, кто входил в состав российской интеллигенции в XIX–XX вв., чьи взгляды она отражала, какое место в жизни народа занимал, например, театр». И далее: «Сказанное не означает, будто он, опережая эпоху, нацеливал студентов на концептуальный пересмотр накопленного опыта или на выявление альтернатив политики правящей партии. Такого просто быть не могло»³⁸².

Не менее интересен и контекст, в котором поместил биографическую статью о Викторе Корнелиевиче Яцунском Б. Г. Литвак³⁸³. Видно по всему, что биография В. К. Яцунского важна для Бориса Григорьевича, развернувшего свою собственную биографию в новое векторное поле. В биографии расставляются акценты, объясняющие влияние В. К. Яцунского в той научной среде, которая была связана с изучением экономической истории России: «Заявивший себя как историк промышленности России Яцунский направляет свою научную энергию и на организацию разработки проблем истории аграрного развития страны. И это понятно, так как невозможно изучать генезис капитализма в России без анализа всего комплекса проблем аграрной истории. Первоначально учёный предполагал ограничиться изучением экономики сельскохозяйственного производства, именно эту задачу ставил Б. Д. Греков перед организованной в Институте истории совместно с ВАСХНИЛ Комиссией по истории сельского хозяйства, в которой Яцунский был фактическим руководителем. Но уже в 1958 г. в условиях хрущевской “оттепели” он становится одним из организаторов Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. В работе симпозиума особенно

382 Лельчук В. С. Уроки Городецкого // Сталин. Сталинизм. Советское общество. Сборник статей. К 70-летию доктора исторических наук, профессора В.С. Лельчука. М., 2000 С. 19–20.

383 Литвак Б. Г. Американо-канадский дневник. М., 1998.

ярко проявились качества Яцунского как организатора науки, как полемиста. Каждая сессия симпозиума превращалась в “рыцарский турнир” различных мнений, что в конечном счете способствовало выработке научно обоснованных взглядов на те или иные процессы генезиса капитализма в сельском хозяйстве России»³⁸⁴.

Биографии историков приобретают дополнительные смыслы, кроме тех основных, которые определяются биографическим методом, при умелой и многообразной классификации этих источников в силовом поле представлений о реальности. Группировка по героям мемуаров даёт возможность увидеть поколения историков, отдельные научные школы, направления, личные связи и т.д. Объединяя героев биографий и авторов, мы получаем дополнительную информацию о формировании научных коллективов. Биографии могут быть классифицированы по научным учреждениям, научным и организационным центрам. Интересно, к примеру, выделить группы историков, работавших в периодических изданиях, в органах политической и административной власти и пр. Безусловный интерес представляет возможность группировки историков по политическим приоритетам, по мировоззренческим предпочтениям, в том числе в контексте биографических поворотов.

Ясно, что биографический метод создаёт предисториографическую площадку, на которую, кстати, легко заходят и многие биографы, хорошо понимающие научное предметное поле своих героев.

384 Литвак Б. Г. К 100-летию Виктора Корнельевича Яцунского. // В кн.: Литвак Б. Г. Американско-канадский дневник. М., 1998. С. 17.

Н. В. Шаповалова

Библиография трудов Г. Р. Наумовой

Весна 2024 г. в городе Севастополе. На заднем плане – филиал МГУ, Лазаревские казармы.

I. Авторские монографии

1975 Источники по истории сбытовых монополий в России: раздел 07.00.00 «Исторические науки», специальность 07.00.09 «Историография и источниковедение»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. - Москва, 1975. - 30 с.

1984 Российские монополии: (источниковедческие проблемы). - Москва: Издательство Московского университета, 1984. - 123 с.

1995 Акционерное общество Московский шелк / Г.Р. Наумова, М.Ю. Лачаева. - Москва: АО «Новости» М., 1995. - 128 с.

1998 Русская фабрика (проблемы источниковедения). - Москва: «ЭКОН», 1998. - 263 с. - ISBN-5-8039-0015-X.

1998 Русская фабрика на этапе капиталистической индустриализации (источники и методы исследования): специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. - Москва, 1998. - 460 с.: ил.

2003 Историография истории России до 1917 года: в 2 томах. Т. 2 / Г.Р. Наумова М.Ю, Лачаева, Н.М. Рогожин, А.Г. Кузьмин, А.Е. Шикло; под ред. М.Ю.Лачаевой. - Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003. - 380 с. - ISBN 5-691-00953-2.

2012 Две ветви власти в России и социальная политика 1990-х годов / Г.Р. Наумова, К.В. Иванов, А.В. Никонов. - Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2012. - 272 с. - ISBN 978-966-02-6364-2

2018 Владимир Александрович Плугин: учёный, учитель, мыслитель / Д.М. Володихин, Г.Р. Наумова. - Москва: ИПО «Радетель»; Севастополь: «Шико», 174 с. - (Великие русские историки. Историографический портрет). - ISBN 978-5-9905867-8-9.

II. Коллективные монографии

1979 Источники по истории акционирования промышленности // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Г.Р. Наумова, А.Г. Голиков; отв. ред И.Д. Ковальченко. - Москва: Наука, 1979. - Глава 2. - С. 87-120.

1979 Источники по истории монополий и финансового капитала // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Г.Р. Наумова, В.И. Бовыкин; отв. ред И.Д. Ковальченко. - Москва: Наука, 1979. - Глава 3. - С. 120-160.

2018 Этнический фактор и социально-экономические приоритеты населения России // Этнокультурная обусловленность экономики / под ред. Ю.М. Осипова, И.П. Смирнова. - Москва, Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета (ТГУ), 2018. - С. 33-41.

2019 Владимир Александрович Плугин // Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета / под ред. проф. А.Г. Голикова. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. - ISBN 978-5-907115-56-9. - С. 182-210.

2019 Историческая память: проблемы и перспективы исследования

IV. Университетское событие

// Россия: вибрирующие горизонты: монография по итогам Всероссийской научно-практической конференции / Г.Р. Наумова, И.П. Смирнов; ред. колл. Осипов Ю.М. и др. - Москва ; Тамбов: Издательский дом «Державинский». - ISBN 978-5-00078-272-9. - С. 195-212.

2023 Традиции и новации преподавания источниковедения, историографии и методов исторических исследований: к 70-летию кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и 100-летию со дня рождения академика И.Д. Ковальченко / Абрамова Н.Г., Агейчева Т.В., Алексеев В.В., Байбаков С.А., Володихин Д.М., Голиков А.Г., Дергачёва Л.Д., Карагодин А.В., Круглова Т.А., Левандовский А.Н., Наумова Г.Р., Петрова О.С., Селунская Н.Б. - Санкт-Петербург: Алетей. - 252 с. - ISBN 978-5-00165-727-9.

III. Авторские учебники

2008 Историография истории России: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло. - Москва: Академия, 2008. - 472 с. - ISBN 978-5-7695-4084-4.

2009 Историография истории России: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло. - 2-е изд., стер. - Москва: Академия, 2009. - 472 с. - (Высшее профессиональное образование). - ISBN 978-5-7695-6495-6.

2011 Историография истории России: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло. - 4-е изд., стер. - Москва: Академия, 2011. - 472 с. - (Высшее профессиональное образование). - ISBN 978-5-7695-8334-6.

2017 История исторической науки. Историография истории России: [в 2 ч.]: учебник для академического бакалавриата. - Москва: Юрайт, 2017. - (Бакалавр. Академический курс). - ISBN 978-5-9916-9423-0.

2017 История России. IX-XVII века / Г.Р. Наумова, А.В. Никонов, Ю.Г. Корнеева. - Москва: ИЛЕКСА, 2017. - 272 с. - (Поступаем в университет). - ISBN 978-5-89237-448-4.

2018 История России. XVIII век - начало XX века / Г.Р. Наумова, А.В. Никонов, Ю.Г. Корнеева. - Москва: ИЛЕКСА, 2018 - 443 с. - (Поступаем в университет). - ISBN 978-5-89237-473-6.

2019 История России. XX век - начало XXI века / Г.Р. Наумова, А.В. Никонов, Ю.Г. Корнеева. - Москва: ИЛЕКСА, 2019. - 375 с. - (Поступаем в университет). - ISBN 978-5-89237-474-3.

IV Коллективные учебники, программы, пособия

1980 Сборник документов для практических занятий по источниковедению

ведению истории СССР. Вып. 2. Период капитализма / сост.: С.В. Воронкова, А.Г. Голиков, Г.Р. Наумова; под ред. И.Д. Ковальченко. - Москва: Высшая школа, 1980. - 280 с.

1981 Источниковедение истории СССР: учебник / Ковальченко И.Д., Милов Л.В., Белявский М.Т., Плугин В.А., Воронкова С.В., Наумова Г.Р., Соколов А.К. и др.; под ред. И.Д. Ковальченко. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Высшая школа, 1981. - 496 с.

1986 Программа по истории СССР для подготовительных отделений при высших учебных заведениях / Г.Р. Наумова, В.М. Селунская. - Москва: Высшая школа, 1986. - 46 с.

1987 Сборник документов для практических занятий по источниковедению истории СССР. Вып. 4. Эпоха социализма / сост.: С.В. Воронкова, А.Г. Голиков, Л.Д. Дергачева, Г.Р. Наумова, А.К. Соколов; под ред. И.Д. Ковальченко. - Москва: Высшая школа, 1987. - 336 с.

1993 Источниковедение отечественной истории. Образовательный курс: программа / Г.Р. Наумова, Т.А. Круглова. - Москва, 1993. - 22 с.

2000 Отечественная историография истории России / Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло // Программы дисциплин специализации по отечественной истории. - Москва, 2000. - С. 41-75.

V. Статьи в журналах

1974 Источники по истории сбытовых монополий в России (по материалам Министерства торговли и промышленности. // Вестник Московского университета. Серия IX: История. - 1974. - № 3. - С. 46-57.

1976 Делопроизводственные документы российских синдикатов // Вопросы истории. - 1976. - № 10. - С. 139-149.

1980 Актуальные проблемы источниковедения, специальных исторических дисциплин и их преподавание в ВУЗах // Вопросы истории. - 1980. - № 3. - С. 123-125.

1981 Советская историческая наука. Ее достижения и международное значение // История СССР. - 1981. - № 2. - С. 225-228.

1982 [Рецензия] // История СССР. - 1982. - № 1. - С. 164-165. - Рец. на кн.: Дьяконова И.Я. Нобелевская корпорация в России. М.: Мысль, 1980. - 160 с.

1983 Курс источниковедения истории СССР в вузах. Всесоюзное совещание преподавателей вузов в МГУ // История СССР. - 1983. - № 2. - С. 214-215.

1986 [Рецензия] // История СССР. - 1986. - № 4. - С. 191-194. - Рец на кн.: Боханов А.П. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. - 1914 г. Москва: Наука, 1985. - 150, [2] с.

IV. Университетское событие

1987 «Наступать изо всех сил...» // Агитатор армии и флота. - 1987. - № 17. - С. 6-7.

1987 Народные комиссары путей сообщения молодой республики // Железнодорожный транспорт. - 1987. - № 10. - С. 16-19.

1988 Коммерческая тайна российских монополий (о публикации материалов синдиката «Продамета») // Советские архивы. - 1988. - № 6. - С. 37-44.

1988 [Рецензия] // История СССР. - 1988. - № 5. - С. 206-209. - Рец. на кн.: Буржуазия и развитие капиталистических отношений в Центральной и Восточной Европе. Т. 1-2. Будапешт, 1986.

1989 Актуальные проблемы советского источниковедения. Беседа за «круглым столом» / подгот. к публ. Н.В. Елисеева // История СССР. - 1989. - № 6. - С. 36-91. - Среди участников Г.Р. Наумова.

1990 Вождь революции // Агитатор армии и флота. - 1990. - № 3. - С. 20-22.

1990 Мелкая промышленность и развитие капитализма в России на рубеже XIX-XX веков // Преподавание истории в школе. - 1990. - № 6. - С. 14-21.

1991 Два кошелька. Бюджет хозяина и рабочего / Ю.И. Кирьянов, М.Ю. Лачаева, Г.Р. Наумова // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1991. - № 4. - С. 2-3.

1991 Дорогая плата - знать вещь свята / подгот. к публ. Наумова Г.Р. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1991. - № 2. - С. 11.

1991 Коммерческие музеи России / Наумова Г.Р., Лачаева М.Ю. // Деловой мир. - 1991. - 30 марта (№ 70-71). - С. 14.

1991 Мыло: есть что вспомнить / Наумова Г.Р., Лачаева М.Ю. // Деловой мир. - 1991. - 23 марта (№ 64-65). - С. 14.

1991 Не станем впадать в экстаз, господа! У нас еще будет возможность / Кубицкая О.А., Лачаева М.Ю., Наумова Г.Р. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1991. - № 1. - С. 3.

1991 Плата за вдохновение / Лачаева М.Ю., Наумова Г.Р. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1991. - № 3. - С. 4-5.

1991 Примечай будни, а праздники сами придут / Наумова Г.Р., Архангельская Н.В. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1991. - № 4. - С. 14.

1991 Прохоровский дом / Лачаева М.Ю., Наумова Г.Р. // Деловой мир. - 1991. - 20 июля (№ 161-162). - С. 14.

1991 Российские ювелиры / Лачаева М.Ю., Наумова Г.Р. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1991. - № 6. - С. 2.

1991 Российский кустарь // Деловой мир. - 1991. - 25 мая (№ 113-114). - С. 14.

1992 Бумажное дело // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 11. - С. 2.

1992 В сердце России / Наумова Г.Р., Воронкова С.В. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 5. - С. 3.

1992 Господь повелел от земли кормиться / Литуев В.Н., Наумова Г.Р. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 12. - С. 3.

1992 Духовный крест России / Ермишина С.А., Наумова Г.Р. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 11. - С. 3-4.

1992 Материалы для страховой географии. Губернский город Уфа / подгот. к публ. Г.Р. Наумова // Спектр: журнал деловых людей. - 1992. - № 4. - С. 33-36.

1992 Мебельное дело // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 9. - С. 2.

1992 Немцы в России // Европейский курьер. - 1992. - Сентябрь. - С. 15-16.

1992 Ресторанное дело // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 7. - С. 2.

1992 Российские металлисты / Наумова Г.Р., Лачаева М.Ю. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 2. - С. 2.

1992 Русский лен / псевд. Г. Никонова // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 12. - С. 2.

1992 Страховое дело // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 8. - С. 2.

1992 Строительное дело // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 10. - С. 2.

1992 Что такое промышленная археология? / Лачаева М.Ю., Наумова Г.Р. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1992. - № 12. - С. 15.

1993 Лен на вывоз / Наумова Г.Р., Лачаева М.Ю. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1993. - № 1. - С. 2.

1993 Московский француз // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1993. - № 2. - С. 8-9.

1993 Не забывай родных богов / Наумова Г.Р., Ермишина С.А. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1993. - № 1. - С. 3.

1994 Современные проблемы архивоведения в свете развития источниковедения / Наумова Г.Р., Голиков А.Г., Воронкова С.В. // Вестник

IV. Университетское событие

архивиста. - 1994. - № 6.

1994 Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция 1: Экономическое сознание России / Наумова Г.Р., Ермишина С.А., Лачаева М.Ю. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1994. - № 1. - С. 8-9.

1994 Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция 2: Россия земная / Наумова Г.Р., Никонов А.В., Ермишина С.А., Лачаева М.Ю. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1994. - № 2. - С. 8-9.

1994 Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция 3: О государстве / Наумова Г.Р., Лачаева М.Ю., Ильин С.В., Ермишина С.А., Климов М.О. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1994. - № 3. - С. 8-9.

1994 Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция 4: «Вольным воля» / Наумова Г.Р., Ермишина С.А., Никонов А.В. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1994. - № 4. - С. 8-10.

1994 Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция 5: Русская фабрика (истоки) / Наумова Г.Р., Смирнов И.П. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1994. - № 5. - С. 8-9.

1994 Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция 5: Русская фабрика // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1994. - № 6. - С. 8-9. (Продолжение)

1994 Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция 5: Русская фабрика // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1994. - № 7. - С. 8-9. (Окончание)

1994 Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция 8: Сельское благоустройство // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1994. - № 10. - С. 8-9.

1994 Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция 10: К вопросу о рынке // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1994. - № 12. - С. 8-9.

1995 Оправдание науки: П. «... ибо чувствовали жизненно, а не мыслью только знали» / Литувев В.Н., Наумова Г.Р. // Былое: ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». - 1995. - № 2. - С. 15. - Рец. на кн.: Абалкин Л.И. Заметки о российском предпринимательстве. Москва, 1994. 125 с.

1995 Ю. Гужон: француз в России // Бизнес и политика. - 1995. - № 6. - С. 55-61.

1996 Надежды мерцание. (Малое предпринимательство в России в прошлом и ...будущем) // Бизнес и политика. - 1996. - № 2. - С. 54-57.

2000 С.Н. Булгаков: война и русское самосознание (публичная лекция) / подгот. к публ. Наумова Г.Р. // Философия хозяйства: альманах. - 2000. - № 5(11). - С. 258-292.

2001 Изучение индустриализации в России (постановка вопроса) / С.В. Воронкова, Г.Р. Наумова // Государство и общество. История, экономика, политика, право. - 2001. - № 1. - С. 99-124.

2001 Ключ к потаенным знаниям. // Культура. - 2001. - 18-24 окт. (№ 40). - С. 11. - Рец. на кн.: Российская музейная энциклопедия: в 2 т. Москва: Рипол классик, Прогресс, 2001.

2004 Ковчег по имени «Пушкин»: мир заповедника // Философия хозяйства: альманах. - 2004. - № 1 (31). - С. 243-245.

2006 Научные традиции В.И. Бовыкина // Философия хозяйства: альманах. - 2006. - Специальный выпуск. Декабрь. Ч.3. - С. 337-342.

2007 Жилищный вопрос в СССР как социальный (по материалам записок инструктора районного комитета КПСС) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. - 2007. - № 2. - С. 82-90.

2007 Консерватизм дает обществу устойчивость и жизнеспособность // Политический журнал. - 2007. - № 27. - С. 114-117.

2007 На пути к освоению традиции / С.А. Ермишина, Г.Р. Наумова // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 4. - Москва, 2007. - С. 5-38.

2011 М.В. Ломоносов и историография / Наумова Г.Р., Никонов А.В. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. - 2011. - № 5. - С. 39-51.

2012 Историографический взгляд на исторические судьбы русского крестьянства // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. - 2012. - № 2. - С. 22-41.

2013 Историческая наука в Севастополе // Альманах «Крым». - № 1. - Москва, 2013. - С. 9-17.

2014 Василий Никитович Татищев из рода Рюриковичей // Философия хозяйства: альманах. - 2014. - № 2 (92). - С. 207-216.

2015 Не объяснение, но реальность // Этносоциум и межнациональная культура. - 2015. - № 4(82). - С. 180-182. - Рец. на кн.: Антропов А.А. Междисциплинарные методы обобщения методик циклических кривых. Циклы Китчина-Крума-Митчелла, Осипова, Жуглара, Мура, Кузнецца, Кондратьева и Шумпетера. - Б.м.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 195 с.

2016 Российское население и его трудовые предпочтения // Этносо-

IV. Университетское событие

циум и межнациональная культура. - 2016. - № 11(101). - С. 37-44.

2017 Пути изучения Российской государственности // Власть истории - История власти. - 2017. - Т. 3. № 3(9). - С. 292-301.

2017 Российская государственность: пути изучения // Этносоциум и межнациональная культура. - 2017. - № 5(107). - С. 26-34.

2018 Архив профессора / Катамадзе Н.Ш., Наумова Г.Р. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. - 2018. - № 3. - С. 54-69.

2018 Культурная рента и культурная революция / Наумова Г.Р., Шаповалова Н.В. // Клио. - 2018. - № 7. - С. 154-157.

2018 Михаил Булгаков об облике советской интеллигенции / Наумова Г.Р., Пасечная А.П. // Власть истории - История власти. - 2018. - Т. 4. № 4(14). - С. 402-416.

2019 Гуманитарий - изобретатель слов // Философия хозяйства: альманах. - 2019. - № 2(122). - С. 189-192.

2019 [Рецензия] // Вопросы истории. - 2019. - № 5. - С. 162-166. - Рец. на кн.: Н.И.Дедков, Г.А.Бордюгов, Е.И.Щербакова и др. История для экономистов в новом переводе с классическими комментариями: в 2 т. Москва, 2018.

2019 Юрий Степанович Кукушкин (1929-2019) // Российская история. - 2019. - № 3. - С. 212-214.

2020 Архив историка как лаборатория исследователя / Демирова Н.И., Миленко А.А., Наумова Г.Р. // Клио. - 2020. - № 1(157). - С. 39-43.

2020 Традиции изучения региональных тем в истории // Этносоциум и межнациональная культура. - 2020. - № 1(139). - С. 98-107.

2021 Завод исчез, а история его осталась / Белый К.В., Наумова Г.Р. // Клио. - 2021. - № 02(170). - С. 177-181.

2021 Университетский юбилей // Философия хозяйства: альманах. - 2021. - № 4. - С. 24-40.

2021 Школа экономической истории В.И. Бовыкина // Вестник Московского университета. Серия 8: История. - 2021. - № 6. - С. 126-139.

2022 Развилки экономической и социальной истории России // Альманах «Крым». - 2022. - № 31. - С. 11-17.

VI. Статьи в сборниках

1975 Организационная структура и делопроизводство русских синдикатов // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. Научная конференция молодых учёных: тезисы докладов. - Москва, 1975. - С. 68-72.

1988 Струмилин: революционер, учёный // Актуальные проблемы исследования биографий пролетарских революционеров. (Методологическое значение в исторической науке и роль в коммунистическом вос-

питании на революционных традициях): тезисы докладов и сообщений Республиканской научно-практической конференции, 12-14 октября 1988 г. - Ч. II. - Николаев, 1988. - С. 240-242.

1989 Хлопчатобумажная промышленность России в начале XX века. (Амортизатор отрасли) // Монополистический капитализм в России. - Москва, 1989. - С. 3-16.

1990 Объективные предпосылки Октября и тенденции хозяйственного развития Поволжья в первые годы советской власти / Наумова Г.Р., Никонов А.В. // Коммунистическая партия - организатор создания и развития советской национальной государственности, экономики, культуры и совершенствования национальных отношений в автономных республиках Поволжья и Приуралья (исторический опыт, проблемы, поиск). - Секция 1. - Чебоксары, 1990. - С. 3-9.

1993 О путях развития народного образования в России / С.А. Ермишина, Г.Р. Наумова // Русский народ: историческая судьба в XX веке. - Москва, 1993. - С. 243-249.

1994 Акциз // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 1. - Москва, 1994. - С. 48-49.

1994 Благотворительность / М.Ю. Лачаева, Г.Р. Наумова // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 1. - Москва, 1994. - С. 240-242.

1994 Буржуазия // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 1. - Москва, 1994. - С. 311-314.

1994 Бюджет государственный / М.Ю. Лачаева, Г.Р. Наумова // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 1. - Москва, 1994. - С. 328.

1994 «Гвоздь» // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 1. - Москва, 1994. - С. 520.

1994 Губнера Альберта Товарищество / М.Ю. Лачаева, Г.Р. Наумова // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 1. - Москва, 1994. - С. 664.

1994 Православный менталитет русского делового человека / Ермишина С.А., Наумова Г.Р. // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX - начала XX века. Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России. Иваново, 8-10 июня 1993 года. - Иваново, 1994. - С. 24-27.

1996 «Жесть» // Отечественная история. История России с древней-

IV. Университетское событие

ших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 2. - Москва, 1996. - С. 184.

1996 Русская фабрика (опыт управления) // Научно-практическая конференция «Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX - начало XX веков (Вторые Морозовские чтения). - Ногинск-Богородск, 1996. - С. 132-137.

1997 «Московский француз» Юлий Петрович Гужон // Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. - М., 1997. - С. 321-328.

1997 Национальный фактор в индустриализации регионов / Г.Р. Наумова, А.В. Никонов // Индустриализация в России: информационный бюллетень научного семинара. - № 2: апрель 1997 года. - Москва, 1997. - С. 9-11.

1997 Русская философская традиция о сущем и должном индустриализации / Г.Р. Наумова, И.П. Смирнов // Индустриализация в России: информационный бюллетень научного семинара. - № 1: январь 1997 года. - Москва, 1997. - С. 23-33.

1997 Социально-психологические подходы к истории русской фабрики // Индустриализация в России: информационный бюллетень научного семинара. - № 3: октябрь 1997 года. - Москва, 1997. - С. 9-15.

1997 Что мы ждем сегодня от историографической интуиции / Ермишина С.А., Наумова Г.Р. // Традиции русской исторической мысли. Историософия (материалы научногосеминара). - Москва, 1997. - С. 5-23.

1997 The Problems of Relations Between the Center and the Regions in Russia // Hans-Heinrich Nolte (Hg), European Internal Peripheries in the 20 th Century (HMRG, Beiheft 23), местоиздания Franz Steiner Verlag Wiesbaden GmbH Stuttgart

1999 В поисках предмета исследования / Наумова Г.Р., Ермишина С.А. // Традиции русской исторической мысли. Историософия. - [Т. 2]. - Москва, 1999. - С. 4-15.

1999 Перспективы изучения индустриализации в свете междисциплинарных подходов // Индустриализация в России: информационный бюллетень научного семинара. - № 8: май 1999 года. - Москва, 1999. - С. 4-16.

2000 «Вот граница всякого суждения»... // История за и против истории: в 2 кн. - Кн. 1. - Москва, 2000. - С. 36-46.

2000 «Поповы К. и С. Братья» Товарищество чайной торговли и складов. (Об информационной возможности представительских материалов) / Г.Р. Наумова, О.А. Сиротина // Индустриализация в России:

информационный бюллетень научного семинара. - № 9: апрель 2000 года. - Москва, 2000. - С. 34-43.

2000 Диалог о Достоевском / Кухарчук Т.Д., Наумова Г.Р. // Ф.М. Достоевский - наш современник. - Москва, 2000. - С. 134-145.

2000 «Кровля» // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 3. - Москва, 2000. - С. 158.

2000 Культура, регион, провинция // Культура российской провинции: век XX - XXI веку. Материалы всероссийской научно-практической конференции, 23-26 мая 2000 г. - Калуга, 2000. - С. 41-49.

2000 Кустарная промышленность // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 3. - Москва, 2000. - С. 238-240.

2000 «Медь» // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. - Т. 3. - Москва, 2000. - С. 522.

2000 Начала истории определяют все последующее течение ее / Кухарчук Т.Д., Наумова Г.Р. // Россия в актуальном времени-пространстве. - Москва - Волгоград, 2000. - С. 61-68.

2000 Опыт изучения русской фабрики // Историк и время. 20-50-е годы XX века А.М. Панкратова. - Москва, 2000. - С. 62-68.

2001 Всех строже оценить умеешь ты свой труд / Казакова-Бовыкина В.М., Наумова Г.Р. // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: сб. статей. - Москва, 2001. - С. 42-54.

2001 Изучение предпринимательства на современном историографическом рубеже: в поиске новых методологических подходов / Наумова Г.Р., Шемякина О.Д. // Индустриализация в России: информационный бюллетень научного семинара. - № 12: декабрь 2001 года. - Москва, 2001. - С. 55-64.

2002 Инстинкт самосохранения (о выборе философии хозяйствования) / С.А. Ермишина, Г.Р. Наумова // Михайловская Пушкиниана. - Вып. 23: По материалам конференции «Столица и усадьба: два дома русской культуры». - Москва, 2002. - С. 82-89.

2002 Может ли отсутствие концепции рассматриваться как частный случай концепции // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев: по материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. - Москва, 2002. - С. 101-107.

2002 О путях научного познания // История мысли. Историография: сборник. - Москва, 2002. - С. 4-17.

2003 Традиции мысли: навстречу друг другу / С.А. Ермишина,

IV. Университетское событие

Г.Р. Наумова // Третьи международные Измайловские чтения, посвященные 170-летию приезда в Оренбург А.С. Пушкина, 9-10 октября 2003 г.: материалы: в 2 ч. - Ч. 1. - Оренбург, 2003. - С. 132-137.

2004 Документация предприятий и традиция их собирания // Экономическая история и бизнес-архивы: институционализация знания и новая парадигма. - Москва, 2004. - С. 71-82.

2004 Историография / Мошков Ю.А., Наумова Г.Р., Шикло А.Е. // Историческая наука в Московском университете. 1755 – 2004. - Москва, 2004. – С. 245-261.

2004 Русская крестьянская сельская фабрика рубежа XIX-XX веков (новые источники) / Наумова Г.Р., Давыдова Т.В. // История российской промышленности в XX веке: к 100-летию И.В.Маевского. - Москва, 2004. - С. 35-432.

2004 Социальный фактор индустриализации России / Г.Р. Наумова, Е.В. Бунина // Индустриализация и общество. Социальные последствия индустриализации в Европе в XIX-XX веках. - Москва, 2004. - С. 151-157.

2004 Традиционность предполагает талант / С.А. Ермишина, Г.Р. Наумова // Три лика Тютчева: дипломат, поэт, мыслитель. – Москва - Ростов-на Дону, 2004. - С. 285-310.

2005 П.Н. Милоков как историограф: штрихи к портрету // Традиции русской исторической мысли: материалы научного семинара при Кафедре источниковедения отечественной истории Исторического факультета МГУ. - Вып. 4. - Москва, 2005. - С. 130-146.

2006 Интегральное источниковедение. Итоги и задачи // Проблемы методологии и источниковедения: материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-2 декабря 2003 г. - Москва - Санкт-Петербург, 2006. - С. 269-279.

2006 Ключ с правом передачи / Г.Р. Наумова, С.А. Ермишина // Философ хозяйства (к 65-летию Ю.М. Осипова). - Москва - Екатеринбург, 2006. - С. 104-113.

2005 Мы стали тише и взрослей: о современном отношении к опыту предшественников // XVIII век в истории России. Современные концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация. - Москва, 2005. - С. 129-136.

2007 [Предисловие] // Бунина Е.В. Рязанская комплексная географическая экспедиция Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 1939-1940 гг. - Москва, 2007. - С. 5-8.

2008 Экономическая безопасность и угроза бедности // Актуальные проблемы экономической безопасности в условиях современной

России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции Оренбург 26-27 апреля 2007 г. - Оренбург, 2008. - С. 49-56.

2009 Историческая наука – наука о последствиях принимаемых решений // Ключевские чтения –2009. Что изучает и чему учит история: актуальные проблемы политической и социальной истории России: материалы Межвузовской научной конференции. - Москва, 2009. - С. 18-20.

2009 Реклама в пространстве социального общения // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию БашГУ, г. Уфа 23 апреля 2009 г. - Уфа, 2009. - С. 243-245.

2009 Российская историческая наука и сомнения П.Н. Милюкова // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина при Кафедре источниковедения отечественной истории Исторического факультета МГУ. - [Вып. 1]. - Москва, 2009. - С. 96-104.

2009 Умение видеть «единичное и общее зараз» / Ермишина С.А., Наумова Г.Р. // Философ хозяйства - 2 (к 10-летию журнала «Философия хозяйства»). - Москва - Екатеринбург, 2009. - С. 281-286.

2010 Историческая наука в поисках единой концепции / Наумова Г.Р., Никонов А.В. // Ключевские чтения - 2010: История России: личность, общество и природа страны: материалы Всероссийской научной конференции: сборник научных трудов. - Москва, 2010. - С. 22-28.

2010 Наука власти или власть науки // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина при Кафедре источниковедения отечественной истории Исторического факультета МГУ. - Вып. 2. - Москва, 2010. - С. 119-124.

2010 Наши отцы / Наумова Г.Р., Никонов А.В. // Мы помним...: книга воспоминаний и размышлений поколений. - Тула, 2010. - С. 183-191.

2010 Турбулентная экономика XXI века / Литувев В.Н., Наумова Г.Р. // Перестроение России. - Т. 2. - Москва - Волгоград, 2010. - С. 226-240.

2011 Обновленная концепция истории России / Наумова Г.Р., Никонов А.В. // Политика и национальный вопрос: проблемы, пути, решения. - Москва, 2011. - С. 93-106.

2012 Наше военное родословие // Мы помним...1941: книга воспоминаний и размышлений поколений. - Ч. 2. - Тула, 2012. - С. 90-93.

2013 Или государство, или революция // Ключевские чтения – 2012. Российская государственность и освободительные войны: материалы Всероссийской научной конференции: сборник научных трудов: в 2 т. - Т. 2. - Москва, 2013. - С. 115-118.

2013 Научное наследие В.А. Плугина в историографии истории России // Историческое обозрение. - Вып. 14. - М., 2013. - С.10-14.

2013 Социализм в России вырос из экономики войны // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина при кафедре источниковедения отечественной истории Исторического факультета МГУ. - Вып. 3-4. - Москва, 2013. - С. 188-192.

2013 Творчество Владимира Александровича Плугина и русская историография / Горячева Т.Д., Наумова Г.Р. // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина при кафедре источниковедения отечественной истории Исторического факультета МГУ. - Вып. 3-4. - Москва, 2013. - С.118-127.

2013 Что препятствует разработке единой концепции истории России XX века // Управление регионом в условиях реализации инновационной стратегии развития: вызовы модернизации: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, г. Чебоксары, 8 февраля 2013 г. - Чебоксары, 2013. - С. 138-141.

2014 Бюджет государственный // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия: в 3 т. - Т. 1. - Москва, 2014. - С. 262-263.

2014. «Медь», синдикат // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия: в 3 т. - Т. 2. - Москва, 2014. - С. 362.

2014 Кустарная промышленность // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия: в 3 т. - Т. 2. - Москва, 2014. - С. 196-199.

2014 Монополии капиталистические // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия: в 3 т. - Т. 2. - Москва, 2014. - С. 416-418

2014 Промышленность России в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия: в 3 т. - Т. 2. - Москва, 2014. - С. 876-883.

2014 М.В.Ломоносов в отечественной историографии / Г.Р. Наумова, А.В. Никонов // «Знатным украшением Отечеству послуживший...». Творчество М.В. Ломоносова и культура России Нового времени: сборник. - Москва, 2014. - С. 369-382.

2014 Триста лет евразийской практики / Г.Р. Наумова, А.В. Никонов // Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации: сборник. - Москва, 2014. - С. 175-189.

2015 История знаний и юбилей Центра общественных наук // Хозяйство и мысль. Юбилейный монографический сборник. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015. - Москва, 2015. - С. 45-51.

2017 «История государства Российского» Н.М. Карамзина: горизонты будущего // Пути исторического развития Российского государства:

от эпохи потрясений к эпохе созидания и консолидации: сборник. - Чебоксары, 2017. - С. 18-26.

2017 Бюджет государственный // Россия в 1917 году: энциклопедия. - Москва, 2017. - С. 120-121.

2017 Российские революции в перекрестии суждений // Философия революций и глобальные тренды современности: материалы международной научной конференции 14 апреля 2017 г. - Дубна, 2017. - С. 13-18.

2018 Исследовательский метод В.А. Плугина и перспективы изучения русского летописания // Историческое обозрение. - Вып. 19. - М., 2018. - С. 10-14.

2018 Николай Михайлович Карамзин. Между двумя памятными датами // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина. - Вып. 5. - Москва, 2018. - С. 7-17.

2019 Архив учителя // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог: к 90-летию со дня рождения. - Москва, 2019. - С. 65-70.

2019 Василий Никитич Татищев и его время // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей: IX-XXI вв.: материалы VI Международной научной конференции, посвященной 65-летию Липецкой области. Липецк, 4 октября 2019 г. - Липецк, 2019. - С. 85-88.

2019 Историческая память: проблемы и перспективы исследования / Г.Р. Наумова, И.П. Смирнов // Россия: вибрирующие горизонты: монография по итогам всероссийской научно-практической конференции. - Липецк, 2019. - С. 195-213.

2020 Гражданская война: от исторической концепции к исторической реальности // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. - Т. 12. - Москва, 2020. - С. 22-29.

2020 Поиск своего героя как опыт самопознания историка // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. - Т. 12. - Москва, 2020. - С. 229-240.

2020 Сначала было «Слово...» // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. - Санкт-Петербург, 2020. - С. 133-144.

2020 Сорок лет покоя и социальной защищенности // Мы помним...1941: книга воспоминаний и размышлений поколений. - Т. 2. - Тула, 2020. - С. 441-448.

2020 У истоков советской номенклатуры / Наумова Г.Р., Никонов А.В. // Дискуссионные вопросы современной исторической науки: памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина (1929 – 2019). -

IV. Университетское событие

Санкт-Петербург, 2020. - С. 133-143.

2021 Профессорский юбилей // Предназначение (к 80-летию Ю.М. Осипова). - Москва, 2021. - С. 89-107.

2022 Нашему поколению – семьдесят пять / Наумова Г.Р., Никонов А.В. // Человек, государство и общество на перекрестии эпох: к 75-летию доктора исторических наук, профессора С.Т. Минакова. - Москва, 2022. - С.15-21.

2022 Антикварное дело в СССР и номенклатура / Кривошей Д.Ю., Наумова Г.Р. // Государство и общество в России и Европе: памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина. - Санкт-Петербург, 2022. - С. 352-362.

2022 Архив В.А. Плугина в деталях // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. - Т. 13. - Москва, 2022. - С. 90-97.

2022 Вершина гуманитарного образования / Кузьмина А.В., Наумова Г.Р. // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. - Т. 13. - Москва, 2022. - С. 153-167.

2022 Иван Егорович Забелин - лицо эпохи // Забелинские научные чтения - год 2020. Исторический музей - энциклопедия отечественной истории и культуры. - Москва, 2022. - С. 4-8.

Приложения

Защищенные под научным руководством Г.Р. Наумовой диссертации

1997 Смирнов Игорь Павлович. «Русская социально-экономическая доктрина в трудах М.И. Туган-Барановского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.002.12 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2003 Фалько Елена Ивановна. «Русское женское взаимно-благотворительное общество (1895-1918). (Реконструкция документального комплекса)». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет

2007 Петричко Юлия Вячеславовна. «Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии». Диссертация на соиск. уч. степени

к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2007 Бунина Екатерина Владимировна. «Материалы рязанской комплексной географической экспедиции 1939-1940 гг. (источниковедческое исследование)». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2009 Мاستренков Антон Сергеевич. «Мемуары по истории Гражданской войны в Оренбуржье». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2009 Викторov Юрий Геннадиевич. «Украинская историография о взаимоотношениях Московского государства и запорожского войска в 1648-1654 гг. и ее источниковая база». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2011 Букреева Елена Михайловна. «Коллекция И.Х. Колодеева в системе источников по истории отечественной войны 1812 года». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2011 Вострикова Ольга Геннадиевна. «Наследие П.А. Флоренского в отечественной историографии». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2011 Шемякина Ольга Дмитриевна «Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

IV. Университетское событие

2015 Сиротина Ольга Александровна. «Методы изучения личных и семейных архивов. По материалам фонда Уваровых». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2015 Кузьмина Анна Васильевна. «Промышленные предприятия г. Севастополя (1930е-1990е годы). Источники и методы изучения». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2018 Шаповалова Наталья Витальевна «Художественная литература и мемуары как источник по изучению обороны Севастополя в 1854–1855 годах». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2018 Катамадзе Надежда Шакровна. «Советская историография отечественной аграрной истории (1950-е - начало 1990-х годов): направления, течения, школы». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2021 Демирова Наталья Ильинична. «Историографический и источниковедческий подходы к комплексу учетно-справочной документации ОПИ ГИМ». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете Д 501.001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

2023 Белый Константин Вячеславович. «Методика изучения истории промышленных производственных объединений и предприятий на материалах АМО ЗИЛ». Диссертация на соиск. уч. степени к.и.н. по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (ист. науки). Защищена в совете МГУ.056.1 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет.

Защищенные под научным руководством Г.Р. Наумовой дипломные работы

1991 Источники по истории российских мануфактурных и промыш-

ленных выставок. Автор: Бураковская И.Э. (Специалист)

1993 Историософские проблемы на страницах журнала «Вопросы философии и психологии». Автор: Кухарчук Т.Д. (Специалист)

1993 Взгляды М.Н. Туган-Барановского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева: на пути от марксизма к идеализму. Автор: Смирнов И.П. (Специалист)

1994 Фабричная многотиражка как источник изучения дореволюционного хозяйственного опыта. Автор: Михеев А. (Специалист)

1994 Законодательство по страхованию рабочих как исторический источник. Автор: Болгов А.В. (Специалист)

1994 «Положение о стипендиях» как источник для изучения сознания. Автор: Глухарева Ю.А. (Специалист)

1995 Маргарита Кирилловна Морозова: опыт изучения сознания. Автор: Осипова М.С. (Специалист)

1995 Историософия Карсавина Л.П. Автор: Кальсин М.Г. (Специалист)

1995 Журнал «Страховое дело» как источник по истории российского акционерного страхования. Автор: Болгов В.В. (Специалист)

1996 Традиции изучения «Легенды о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевского в отечественной и зарубежной историографии. Автор: Малова Е.И. (Специалист)

1996 Торгово-промышленная реклама конца XIX — начала XX вв. Автор: Сиротина О.А. (Специалист)

1996 Рябушинские и русский лен. Автор: Автономова А.В. (Специалист)

1997 Рекламные буклеты фирм и предприятий как часть представительской документации фабрик и заводов. Смирнова М.В. (Специалист)

1997 Павел Флоренский о науке и значении научного познания. Автор: Вострикова О.Г. (Специалист)

1997 Варвара Морозова. Автор: Монастыршина В. (Специалист)

1998 Сельский фабрикант (Источниковедческие проблемы изучения сознания). Автор: Лупенко О.В. (Специалист)

1998 Монархические взгляды и историческая концепция Л.Н. Тихомирова. Автор: Шарапова Ю.В. (Специалист)

1999 Изучение социально-экономического облика буржуазии в историографии 1970–1980-х гг. Автор: Молчанова Л.Г. (Специалист)

2000 Реклама в газете «Былое». Автор: Богуславская Е.В. (Специалист)

2000 П.А. Флоренский и Е.Н. Трубецкой об искусстве (мировоззрение и метод). Автор: Казарновская Е.В. (Специалист)

2000 История единичного предприятия. Опыт формирования источ-

IV. Университетское событие

никовой базы. Автор: Давыдова Т.В. (Специалист)

2000 Библиография материалов по истории предпринимательства (газета «Былое»). Автор: Онищенко Е.Л. (Специалист)

2002 Источники и методы изучения кустарной промышленности (по материалам истории Вологодского кружева). Автор: Печенева О.И. (Специалист)

2002 Источники и литература научного исследования биографии Серафима Саровского. Автор: Разумова Е.П. (Специалист)

2003 Правовые аспекты перемещения культурных ценностей. Автор: Пронина-Степных А.Г. (Специалист)

2003 Информационные возможности рекламы (По материалам справочника «Вся Россия»). Автор: Князев М.А. (Специалист)

2005 Делопроизводственная документация по перемещению культурных ценностей. Автор: Федорова Е.А. (Специалист)

2006 Городская геральдика Российской Империи во второй половине XVIII - начале XIX века. (Опыт статистического рассмотрения) Автор: Матвеев А.В. (Специалист)

2007 Личный фонд профессора Московского и Оксфордского университетов академика Н.Г. Виноградова. Изучение мировоззрения ученого. Автор: Богданова Е.С. (Специалист)

2007 История изучения Всесоюзной переписи населения 1939 г. Автор: Кухарева П.А. (Специалист)

2007 Исторические взгляды Г.В. Свиридова. Автор: Пшеничникова И.Ю. (Специалист)

2008 Исторические взгляды Митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Автор: Нуриев Р.В. (Специалист)

2009 Выражение идеи Самодержавия, а также идеологии христианской государственности в Утвержденной грамоте и других документах Московского Собора 1598 г. Автор: Болотин Л.Е. (Специалист)

2010 Методика изучения единичного предприятия на примере Севастопольского винодельческого завода и Агропромышленного объединения «Золотая балка». Автор: Кузьмина А.В. (Специалист)

2011 Генеалогия отечественного предпринимательства на материалах завода шампанских вин «Новый Свет» в XIX-XXI веках. Автор: Кудашкина Н.А. (Специалист)

2012 Посадские приговоры как источник по изучению самоуправления посада в XVIII веке. Автор: Топорков В.В. (Специалист)

2013 Советская политика по перемещению культурных ценностей. 1917-1937 гг. Автор: Кривошей Д. (Специалист)

2014 Посадские приговоры как источник по изучению самоуправле-

ния посада в XVIII веке. Автор: Топорков В.В. (Специалист)

2014 Опыт изучения личного подсобного хозяйства крестьян Центральной России в отечественной историографии (1935–2010 годы). Автор: Катамадзе Н.Ш. (Специалист)

2014 Историческое значение представительских материалов в контексте развития российской рекламы на рубеже XIX–XX веков. Автор: Разинькова М.Р. (Специалист)

2017 Документация страховых обществ и советских фабрик как источник по истории русских усадеб. Автор: Тихонова А.А. (Магистр)

2018 Роль научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова в становлении исследовательской традиции изучения Мирового океана в Крыму. Автор: Миленко А.А. (Магистр)

2019 Развитие историографического метода в наследии Н.А. Бердяева. Автор: Власова А.А. (Магистр)

2022 Школа экономической истории В.И. Бовыкина. Автор: Борисов С.Д. (Магистр)

2022 Собирательская традиция предпринимательства по материалам издания «Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь» Н.М. Полунинной. Автор: Жарикова А.Д. (Бакалавр)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Болотин Леонид Евгеньевич, научный редактор Информационно-исследовательской службы «Царское Дело».

Белый Константин Вячеславович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополь.

Булнина Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории МГУТУ имени К.Г. Разумовского.

Гуменьяк Никита Алексеевич, студент исторического отделения филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе.

Зинченко Анна Сергеевна, выпускница исторического отделения Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополь.

Зубихина Юлия Андреевна, выпускница исторического отделения Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополь.

Катамадзе Надежда Шакровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополь.

Кузьмина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополь.

Лачаева Марина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Миленко Александра Альбертовна, выпускница кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Наумова Галина Романовна, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Никитина Екатерина Александровна, студентка исторического отделения филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополь.

Никонов Александр Васильевич, доктор исторических наук, Государственный Советник Российской Федерации 1 класса.

Червяков Руслан Юнадиевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Шапвалова Наталья Витальевна, кандидат исторических наук, библиограф 1-й категории Государственной публичной исторической библиотеки России.

ВЫПУСКИ СЕМИНАРА «ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ» (1994–2022)

Выпуск 1. Традиции русской исторической мысли. Историософия (материалы научного семинара) / Под ред. А. Е. Шикло. М. – 1997. – 139 с.

Выпуск 2. Традиции русской исторической мысли. Историософия / Под ред. Г. Р. Наумовой. – М. – 1999. – 124 с.

Выпуск 3. История мысли. Историография. / Под ред. И. П. Смирнова. – М.: Вузовская книга. – 2002. – 160 с.

Выпуск 4. Традиции русской исторической мысли. Материалы научного семинара. – М. – 2005. – 236 с.

Выпуск 5. Философия хозяйства. Альманах Центра и наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. – Декабрь 2006, часть третья. – М., 2006.

Выпуск 6. Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти В. И. Злобина. – М.: КНОРУС. – 2009. – 192 с.

Выпуск 7. Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина – М.: Этерна. – 2010. – 168 с.

Выпуск 8–9. Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина / Отв. ред. С. А. Ермашина. – М.: МАКС Пресс. – 2013. – 333 с.

Выпуск 10–11. Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина: / Отв. ред. С. А. Ермашина. – М.: МАКС Пресс. – 2018. – 296 с.

Выпуск 12. Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. / Отв. ред. Г. Р. Наумова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», – 2020. – 296 с.

Выпуск 13. Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара при кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. / Отв. ред. Г. Р. Наумова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», – 2022. – 240 с.

Для заметок

ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Материалы научного семинара

Выпуск 14

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: 8 (495) 708-3000

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен

Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии

Международного издательского центра «Этносоциум»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Дизайн и верстка Т.А. Брик

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60х90/16. Тираж экз. 500 Усл. п. л. 16,125

На обложке: старое здание МГУ имени М. В. Ломоносова по улице Большая
Дмитровка, дом 5 (бывшая ул. Герцена). Фото участника семинара С. Б. Павлова.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * доредакционная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 708-30-00
e-mail: etnosocium@mail.ru